

М. И. Артеменко

Нухинское созвездие

Москва, 2009 г.

М.И. Артеменко

Нухинское

СОЗВЕЗДИЕ

Москва, 2009 г.

Нухинское созвездие

Моей маме
Осиповой Нине Васильевне
посвящаю

От автора.

Мелькают дни, один за другим... Стремительно проносятся годы, уходят десятилетия. Сменяются эпохи и приходят новые поколения. Время течет быстро и неумолимо. Его не остановить. Далеко позади осталось детство – заветный край, куда так хочется вернуться хоть ненадолго. Несбыточная сладкая мечта. Нет туда дороги.

Остаётся только одно – вспоминать и писать. Писать о людях, которые окружали и согревали тебя в детские годы. Ты будто вновь встречаешься с ними и вместе переживаешь события жестокого XX века. Какая же нелегкая им выпала доля, и с каким достоинством, не уронив чести, прожили они жизнь. Надо успеть рассказать всё, что сберегла память, что запомнилось так отчетливо, выпукло и ярко. После меня никто этого сделать не сможет. Тут уж не помогут ни архивы, ни церковные книги.

Одна лишь память удивительным образом сохранила многое из прошлого, только она. И так уж случилось, что в течение десятилетий уничтожались семейные архивы, фотографии, письма, дабы не навлечь беду. Было небезопасно держать в доме любые документы, так или иначе связанные с историей семьи и происхождением. Поэтому рассказы взрослых, случайно сказанные ими фразы, чудом сохраненные детские воспоминания и являются тем историческим материалом, на котором в большинстве своём основывается эта книга.

Не скрою, мне пришлось покопаться многие дни и в Государственной библиотеке и в национальных архивах, чтобы найти подтверждения тем или иным событиям и предположениям. Это – рутинная и трудоемкая работа, но без неё никак нельзя. Что и говорить, архивные бумаги не передают во всей полноте красоту человеческих поступков, благородство их помыслов и свершений. Они лишь фиксируют происходящее, язык их сухой и строгий.

Однако без помощи архивных материалов не обойтись, не открыть порой скрытые тайны и загадки ушедшего времени.

Мои поездки в Усмань, Ереван и Тбилиси, встречи и беседы с родственниками и друзьями несомненно способствовали написанию данной книги. Каждый раз я увозил с собой что-то новое, неизвестное мне ранее.

Собранные новые документы, воспоминания родных и друзей помогли мне до конца проследить в подробностях историю моей семьи и поведать то, что недосказал в первой книге и что попросту не знал тогда.

Мои дедушка, Василий Каграмонович (Кириллович) Осипянц, и бабушка, Елизавета Иосифовна Осипянц (Осипова), урожденная Мелик-Алахвердова, происходили из Нухи, маленького уездного городка Елисаветпольской губернии, затерянного среди близлежащих южных отрогов Главного Кавказского Хребта (сейчас – это территория Азербайджана). Там они родились, выросли и там полюбили друг друга. После бракосочетания в 1903 году они покинули г. Нуху (г. Шеки) и переехали в Тифлис. Эти две нухинские фамилии для меня – родные корни и принадлежат они к Карабахскому гавару Джрабердских князей Мелик-Алахвердовых.

Мне посчастливилось встречаться со всеми Мелик-Алахвердовыми старшего поколения. Их необыкновенная жизнь, полная драматических событий, возможно, достойна пера большого писателя, никак не моего. Но, что уж тут поделать, если мне выпала честь рассказать о них. В меру своих способностей и сил я постараюсь описать то, что мне довелось увидеть, услышать, найти и разгадать.

Я родился через 23 года после гибели моего деда Василия Осипянца. Любовь к нему, бережно хранимую в семье его женой и детьми, передали мне. И именно это чувство двигало мною в течение многих лет с единственной целью – во что бы то ни стало раскрыть неизвестные обстоятельства его гибели и найти место его захоронения.

Не судите меня строго, коль речь моя будет местами звучать несколько высокопарно. Поймите, что это от избытка чувства любви к моим родным и

гордости, что и я, пусть на самую малость, принадлежу к этим благородным фамилиям.

М. И. Артеменко

Октябрь, 2008 г.

Часть первая

Гибель полковника Василия Осипянца

Глава I. Усмань, 2007 год

В тот год майские праздники я встречал в Липецке в семье моего двоюродного брата Павлика Торадзе. Фамилии у нас разные, но по взаимной привязанности мы с ним как родные братья. Выросли в одной семье, вот и тянемся друг к другу. Часто видимся и вместе проводим праздники. Где как не за семейным столом можно поговорить по душам, высказать наболевшее и повспоминать. Общее прошлое объединяет.

Теще Павлика посчастливилось получить от властей маленький автомобиль «Ока». Ей, как ветерану Великой Отечественной войны, преподнесли этот подарок под конец жизни. Естественно, всем не терпелось обкатать машину и съездить куда-нибудь. Я предложил проехать в Усмань, тем более, что там меня ждали. Этот маленький провинциальный городок притягивал меня, и я столько о нем рассказывал, что Павлику и его жене Ире, наконец, захотелось увидеть всё своими глазами. На том и порешили – ехать в Усмань.

Ранним утром следующего дня мы выехали. Машина весело урчала, как бы радуясь первому испытанию, и уверенно продвигалась на юг мимо проносившихся грохочущих трейлеров и блестящих иномарок. Павлик был

немногословен и сосредоточен. Видимо, волновался немного. Ещё бы, опытный в прошлом водитель, он не сидел за рулем несколько последних лет.

Я же был счастлив от одной только мысли, что снова увидаю Усмань. Удобно раскинувшись на переднем сиденье, я наслаждался видами русской природы, открывавшей перед моим взором всё своё очарование: сказочный сосновый лес сменялся прозрачными березовыми рощицами, шеренги осиновых кленов вдоль дороги нисколько не заслоняли уходящие вдаль поля и луга, а ровненькие липы, группирующиеся стайками меж крестьянских хозяйств, не пытались скрыть беленькие хатки. Русское Черноземье. Богатая, щедрая земля.

Усманский район начинается с села Октябрьское. Кругом деревенские домики, незамысловатые сарайчики и ветхие постройки ещё дореволюционного времени. Перемен мало. Видны березовые рощи, отдельно стоящие липы и бескрайние просторы. Столько земли, а ведь живут люди не больно богато! Сиротливо стоит безмолвным силуэтом одинокая заброшенная колокольня без купола. Храма нет, нет и ограды. Молчаливый укор безумству послереволюционной эпохи. Не ведали, что творили! Как звалось село до революции, не знаю, но чувствую сердцем, что звучало оно благозвучно, как дошедшие до нашего времени названия других Усманских деревень, привольно раскинувшихся вокруг города: Медовка, Стрельцы, Песковатка, Угляновка, Девица, Грачевка и другие.

Деревенька Никольское — последняя перед въездом в Усмань. Деревенские дворы утопают в сочной яркой зелени кустарников и трав, а кроны больших тенистых деревьев делают их неприметными для глаз. Много брошенных совсем заросших домов, еле различишь. Церкви нет и в помине, хоть село и большое.

Сразу за деревней совсем другая жизнь. Новенькие дома и коттеджи богатых людей, отгороженные высокими металлическими решетками от остальной жизни. Тут уж всё ухожено: стриженные газоны и вымощенные

дорожки, дорогие кованые ограды и нарядные парадные ворота. Это дома «новых русских», как они сами себя называют.

Неподалеку стоит только что отстроенная кирпичная церковь с тяжелым придавленным куполом. Всё какое-то не наше, не русское. Стиль не тот, души нет. Русские церковушки радовали глаз своим изяществом и красотой куполов, устремленных ввысь. Они выглядывали издалека и, приветливо улыбаясь маковками куполов самых разных оттенков, привлекали людей. Они словно напоминали страждущим: «Господь с тобой!»

Нет, что-то тут не верно. Опять разъединение русских людей, опять богатство и бедность. Зачем тогда нужна была революция 17-го года и гражданская война? Для чего в безрассудном шабаше грабили, разрушали и уничтожали «старый мир», а затем десятилетиями стирали из памяти людей всё исконно русское, обрубали корни вековой истории народа, его культуры и православной веры? Сколько людей погибло, сколько искалеченных судеб, сколько крови ради безумных идей построения нового мира.

Не заметил я за размышлениями, как мы подъехали к Усмани. Большой стенд у въезда гласит: «г. Усмань основан в 1645 г.»

– Куда теперь? – спросил Павлик.

– Давайте сначала повидаем дом Новоселовых, – сказал я, и моё предложение поддержала Ира, жена Павлика.

Она увлекалась историей. Все мои поиски её всегда интересовали, и мы часто беседовали, обсуждая неясные и не до конца исследованные события, затрагивающие историю моих предков. Нередко по некоторым вопросам я обращался к ней за советом и поддержкой. Здесь в Усмани она мне казалась незаменимым компаньоном и я был рад, что она рядом.

Мы подъехали к дому Новоселовых на Садовой улице с левой стороны, обогнув городской парк. Теперь улица носит имя Радищева, но для меня так и осталась Садовой. Я был взволнован. Совсем скоро, через мгновение Павлик с Ирой увидят этот знаменитый для нашей семьи дом. Многие десятилетия о нем с теплотой вспоминали мои родные.

В этом доме в 1916 году проживала семья моего деда, коменданта города, полковника Василия Каграмоновича (Кирилловича) Осипянца.

Дом изменился после последней нашей встречи года три назад. Потускневший, чуть покосившийся, с подслеповатыми оконцами немых стекол, он не узнал меня или же слишком стеснялся своей немощи. Не было в нем прежней радости встречи. Он окончательно потерял всё своё величие за прошедшие годы. Вместо двух величавых лип перед верандой одиноко торчал обрубок ствола последнего дерева. Верхняя его часть лежала покорно на земле, готовая для дальнейшей распилки. Нарядные въездные ворота, так украшавшие особняк, были снесены ранее. В левой стороне подвального основания зияло углубление для нового гаража, как кровоточащая рана.

Да, дом меня уже не узнавал. Слишком постарел. Ему ведь было уже за сто лет, и память

Ира Торадзе у дома Новоселовых

ослабела. Помню, как он радовался моим прежним приездам, как весело шелестели ветвями две могучие липы. Теперь передо мной был дряхлый инвалид, готовившийся отойти в мир иной. Он, видимо, устал жить. Так ведь

тоже бывает. Сколько всего перевидал на своем веку и как переживал времена лихолетия!

Мы сделали
несколько
снимков на
прощание. Теперь
в семье будут
бережно
храниться
фотографии

Павлика и Иры на
фоне дома

Павлик Торадзе у дома Новоселовых

Новоселовых. Маленькая Анна, мать Павлика, жила здесь, когда ей было всего-то 4 годика, а как вспоминала и дом и сад всю жизнь! Наша бабушка, жена полковника, Елизавета Иосифовна Осипянц никогда не рассказывала о той жизни, чтобы не расстраиваться, а вот её дети со всеми подробностями делились с нами своими детскими приключениями в Усмани.

Прощай милый старина, дом Новоселовых! Через несколько лет тебя уже не станет. Ты послужил верно и честно моей семье. Ты опекал и согревал семью полковника в 16-ом году, радовался вместе со всеми праздникам, слышал звонкие детские голоса и их веселые шумные игры,

Дом Новоселовых, 1916 г.

оберегал детей и никогда не ворчал. В тревожные дни 17-го года ты, вероятно, волновался и переживал события вместе со всеми. Ты не предал своих обитателей, когда они бежали из объятной революционным пламенем Усмани. Ты всех их тихо проводил. Ни одна половица не скрипнула, дабы не привлечь внимания к их отъезду. Застыли неподвижно две опечаленные липы. Не слышно было ни единого шороха. Ты помог им уехать, и только щемящая грусть разлуки наполнила всё твоё существо. Ты был им родным. Признайся, ты ведь не знал толком, выберутся ли они.

Тебя помнили долгие годы далеко-далеко в Тифлисе те три маленькие девочки Лена, Нина и Анна и их ласковые слова «Усмань. Дом Новоселовых» продолжают звучать в моей памяти.

Я не забуду тебя. Ты будешь жить в моих книгах и картинах таким же молодым, ухоженным и красивым, как и в дореволюционное время, а рядом с тобой вечно будут шелестеть ветвями две огромные липы.

В Усманском краеведческом музее нас встречали как старых добрых друзей. Ольга Николаевна Кванина, научный сотрудник музея, улыбалась мне и, чувствовалось, была рада нашей встрече. Мы с ней часто общались по телефону, и я держал её в курсе всех моих планов, связанных с поиском новых архивных документов и доказательств. Кстати, Ольга Николаевна была одной из первых, кто настойчиво советовал мне написать отдельную книгу о коменданте Усмани Василии Осипянце. Помнится, как она повторяла: «Ваш дед – герой войны, и он заслуживает признания».

Она повела нас наверх в свой кабинет, чтобы обсудить программу нашего посещения Усмани. Я передал в дар музею папку со всеми фотографиями и документами моего деда, последнего военного коменданта

Усмани Царской России, всё то, что мне удалось собрать за последние годы, и мои книги о нём. Это была моя основная цель поездки.

Пока я подписывал книги, Павлик, осмотрев экспозицию музея, вернулся и шепнул мне: «Нет, Миша, ничего не изменилось. Портреты революционеров и их воззвания заполняют весь второй этаж».

Что поделаешь? Обидно, конечно, что нет пока уголка для дореволюционного периода города, но время это, уверен, наступит. История всё расставит по своим местам и восстановит справедливость. Нам же надо набраться терпения и стараться изо всех сил помочь музею в этом.

Мне усманцы также приготовили подарки. Преподнесли книгу Б. П. Княжинского «Очерки по истории Усманского края», о которой я давно мечтал, и копию приказа по гарнизону города Усмани № 81 от 31 августа 1917 года, подписанного начальником гарнизона Осипянцем.

Ждали только Виктора Сергеевича Ярцева. Этому человеку я был обязан появлением проникновенной статьи о моей семье в местной газете «Новая жизнь» в марте 2006 года под заголовком «Забытые герои забытой войны».

Статья была написана с поразительным знанием и пониманием исторической драмы, обрушившей устои Царской России, с такой теплотой и симпатией к личности моего деда, что я интуитивно заочно чувствовал глубокое к нему уважение. И он вскоре пришел, скромный, подчеркнуто аккуратно одетый, пожилой человек. Вначале немного конфузился, что так характерно для истинно интеллигентных людей. Разве что в глубинке, в старинных уездных городах встретишь таких. Книгу Б. П. Княжинского об Усмани он с удовольствием подписал. Надпись гласила: «Уважаемому Михаилу Ивановичу от усманцев! За автора его племянник В. Ярцев».

Историк и первый редактор «Усманской газеты», издававшейся некоторое время после Февральской революции, Б. П. Княжинский приходился ему дядей и, понятно, что Виктор Сергеевич хорошо знал старую Усмань. Беседа увлекла его, тем более, что все слушали с живым интересом и

вниманием. Позднее он предложил показать нам город и все те места, связанные с усманским полком и его последним командиром.

Прогулке погода не благоприятствовала. Было холодно и ветрено. Ветер дул пронизывающий и злющий. Одет я был в тоненькую курточку, но как отказаться от такого заманчивого предложения!

И мы решились. Я всё время не отхожу от Виктора Сергеевича, ловлю каждое сказанное им слово. Позади Ира с Ольгой Николаевной. По пути он рассказывает:

– Вот на углу женская гимназия. Сюда ходили учиться ваши мама и тетя. Моя мама была постарше их. В 16-ом году она занималась в последнем классе. Удивительно, но она помнила двух маленьких темноволосых девочек – дочерей коменданта.

Мы проходим наискосок через городской парк. Виктор Сергеевич продолжает вспоминать:

– Городской парк был очень красивым и тенистым в то время. Он завораживал посетителей яркими цветочными клумбами и, как роскошный ковер, украшал всю территорию.

– А была ли здесь детская площадка, качели либо карусель? – осторожно полюбопытствовал я.

– Нет, качелей и детской площадки здесь не было. Всё было чинно и строго. Было, правда, много скамеек для отдыха. Слева располагался Летний театр со сценой, а справа, вон там на пригорке, тут же в парке, возвышалась православная церковь. Она называлась, если память не изменяет, именем Святых Безсребренников. Ваша семья, по всей вероятности, посещала именно её. Рядом ведь с домом. Только представьте себе, в Усмани до революции действовало до 8 церквей и соборов. Как, должно быть, они скрашивали город! Какая это была неповторимая красота! Сейчас осталась только одна в низине у реки. Все остальные храмы постигла печальная участь. Они были разграблены, разорены и уничтожены.

По левую сторону за оградой парка просматривается Садовая улица и знакомый нам дом Новоселовых.

– Бок о бок с домом коменданта, – вспоминает Виктор Сергеевич, – находился приютский дом. Там содержались не только дети, но и взрослые. А за ним далее – дом князя Вяземского. Большую часть времени он проводил в своем родовом поместье около Грязей, но и здесь часто бывал, когда посещал Усмань. Ваша семья была в большой дружбе с князем. Как-никак соседи.

Какое неожиданное открытие для меня! Дом князя Вяземского в двух шагах от дома Новоселовых! Так вот почему в статье В. Ярцева так и написано: «друг Василия Осипянца – князь Вяземский». Меня это даже немного удивило, когда я впервые прочитал статью.

На выходе из парка мы ненадолго останавливаемся. Ира делает несколько снимков особняка князя и панорамы Садовой улицы. Она непрерывно щёлкает фотоаппаратом, чтобы запечатлеть все те места, на которые наш добрый проводник обращает внимание. С её стороны это неоценимая услуга. Я ничем помочь не могу, так как продрог до костей. Пальцы онемели от стужи и не слушаются, где уж там фотографировать! Порывистый ветер трепет волосы и рвет на мне куртку. Впечатлений, однако, так много, что я почти не чувствую холода. Не часто встретишь такого интересного и знающего человека.

Пройдя всю Садовую, мы поднимаемся вверх по улице Исполатова. Через пару кварталов снова остановка.

– Видите, там вдали низкое белое строение, – говорит Виктор Сергеевич, указывая вдаль налево. – На этой площадке размещался 212-ый усманский полк, командиром которого был ваш дед. Казармы для солдат были низкие, по типу землянок. Офицеры квартировались по частным домам. Там снимать нечего. Ничего не сохранилось.

Снова идем вверх. Проходим старинное здание городской больницы, рынок и, совершенно неожиданно, В. Ярцев сворачивает на местный

стадион. «Неужто болельщик местной футбольной команды?» – мелькнуло в голове. Но, нет! На местном стадионе, по словам Виктора Сергеевича, располагалась основная часть усманского полка с солдатскими казармами и зданием полкового начальства. Здесь на плацу проходили ежедневные учения, смотры, готовились новобранцы для рот пополнения. Сейчас же перед нами простиралось зеленое поле стадиона.

Я был в приподнятом настроении. Этот удивительный человек показал то, о чем я никогда не догадывался, что никогда бы не увидел и нигде не прочитал. Теперь же я ясно представлял поездки моего деда по городу, его службу и деятельность. Всё увиденное было тесно связано с его жизнью в городе.

Виктор Сергеевич намеревался вести нас дальше к строящемуся храму и чудом сохранившемуся единственному надгробию и памятнику действительному статскому советнику Новоселову. Но холодная погода одержала верх. Я дрожал всем телом и с трудом говорил. Видя мое состояние, Виктор Сергеевич понимающе подсказал:

– Вы продрогли. Так недалеко и заболеть. Храм, хоть и поблизости, но давайте повернем назад.

Возвращаясь, по пути заскочили в небольшой ресторан «У воеводы». Мне хотелось обогреть и чем-нибудь угостить моих добрых друзей. Но ничего путного из этого предприятия не вышло. Они очень смущались и наотрез от всего отказывались. Что за люди? Их было даже трудно угостить. Откуда столько скромности, тонкости и порядочности в наше-то время! Думаю, они не желали обременять меня лишними расходами. После долгих уговоров согласились на чашку кофе, да и то из приличия. Я же опрокинул рюмку виски, чтобы как-то согреться и не простыть.

Прощались мы у краеведческого музея. Я пообещал непременно написать им о результатах поездки на Кавказ, которую собирался совершить этим летом, и о подробностях гибели последнего усманского коменданта, полковника Василия Осипянца.

Через два дня я снова побывал в Усмани. В этот раз без сопровождения. По широкой улице воеводы Вельяминова я спустился вниз к единственной уцелевшей Святоуспенской церкви, что вблизи реки Усманки. В храме не служили, и было тихо, когда я вошел. Купив свечку, я спросил у молчаливой прислуживающей:

– Простите, где бы вы посоветовали поставить свечку за упокой души родных?

– Вон там в углу, у Корсунской иконы Божией Матери. Это – чудотворная усманская икона. Во время разграбления храма, ещё до войны, одна из верующих тайком унесла её. Прятала она икону больше пятидесяти лет на чердаке. Так икона с божией помощью и сохранилась.

Моя свеча загорелась в темноте под Корсунской иконой и я начал шептать слова вечного покоя всем моим родным, которые проживали здесь давным-давно и грезили потом этим городом всю жизнь.

«Если бы вы только знали», – говорил я им, – «что вас всех помнят в Усмани, что в местном музее хранятся ваши фотографии и книги о вас и о вашем «папе». Он не забыт».

Уже находясь в Липецке, я пожалел, что не приобрел какую-нибудь иконку в Усмани. Она бы так скрасила мою подольскую квартиру. Я поделился с Ирой своими мыслями. Она отреагировала мгновенно:

– Не принимай близко к сердцу. Завтра отправимся в Задонск. Там такое множество монастырей, что ты без труда выберешь иконку по душе.

Неважно, что будет она не усманская. Задонск – место святое. Как знать, возможно его посещали и твои родные.

Что было делать? Доводы были убедительны, и поездка в Задонск состоялась. Только вот была она суматошной и поспешной. Не заладилось с самого утра. Не переставая, моросил дождь. Небо было затянуто плотным покрывалом облаков, и никакого просвета к улучшению погоды. Павлик, утомленный вождением и плохой видимостью, почти не выходил из автомобиля и торопил нас. Мы же с Ирой заняты были поисками подходящей иконки.

А ведь места на самом деле удивительные. Вдали от мирской жизни и скоростных шоссейных трасс, в глубине непроходимых сосновых лесов, несколько действующих монастырей. Сколько храмов и церквей – не сосчитать. Маковки куполов появляются будто бы вдруг, сразу за поворотом. Святые источники повсюду. Паломники и туристы приезжают сюда поклониться со всей России. Нам бы неторопливо осматривать пленительную нетронутую временем красоту и вдыхать этот чистый воздух, но времени нет.

В самом сердце Задонска расположен Богородицкий мужской монастырь. Его история корнями уходит в далекое смутное время противостояния Лже-Дмитрия и Василия Шуйского, в начало семнадцатого века. Почтил своим посещением монастырь и император Александр II.

У входа во Владимирский собор толчея, тут и священнослужители и богомольцы и верующие. Да и разного народа хватает. Внутри полумрак, со стен глядят печальные, но одновременно и наставляющие лики святых. Они подсказывают, как жить, если на сердце печаль, и как вести себя, если радость. Нам удастся пройти по храму и хоть ненадолго приобщиться к умиротворяющему воздействию божественной атмосферы.

Я заискрил свечку у Владимирской иконы и поднял глаза, внимательно всматриваясь в прекрасный образ богоматери. Мне показалось, что она понимающе, неуловимым движением передала послание: «Живи, не тревожься. Господь тебе поможет».

Было ли это видением или мне просто почудилось, но я загорелся желанием непременно купить иконку Владимирской богородицы. В церковном киоске, куда я обратился, шла бойкая торговля золотыми крестиками, цепочками и молитвенниками. Писаных икон очень мало, а мне хотелось иметь именно такую. Здесь ее не было и в помине.

Пришлось нам проехать дальше в следующий женский монастырь, но и там нас ждало разочарование. И только возвращаясь назад, в том же Владимирском соборе Ира сумела подобрать для меня недорогую, но очень светлую икону «Господь Все Держитель».

Павлик с облегчением вздохнул. Можно было ехать домой в Липецк.

Совсем недавно я получил по почте из Усмани книгу «Гордость земли усманской». Это был подарок мне от О. Н. Кваниной. На странице 96 напечатана биография моего деда и его портрет. Усмань помнит своего последнего коменданта...

Глава II. Вспоминая прошлое

Я просматриваю выцветшую от времени пожелтевшую владикавказскую газету «Терек» за пятницу 24 октября 1908 года.

Г. Владикавказ... кто только не бывал в этом славном городе! Здесь гулял А. С. Пушкин вдоль бурного Терека, в доме для гостей останавливался и М. Ю. Лермонтов, сосланный на Кавказ за стихотворение «Смерть поэта». В разное время город принимал Грибоедова, Толстого, декабристов. В начале XX века Владикавказ был форпостом Российской Империи на Северном Кавказе. Здесь располагались штаб 3-го Кавказского армейского

Владикавказ, Армянская церковь, 1919 г.

корпуса,
штабы 21-ой
пехотной и 3-й
казахьей
дивизий, штаб
Терского
казахьего
войска. В
городе
квартировался
один из
старейших
полков

Русской армии– 81-й пехотный Апшеронский, отпраздновавший свой 200-летний юбилей в 1900 году.

Читаем в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона: «Владикавказ, глав. гор. Терской области, при р. Терек, на возвышенной равнине, представляющей северн. отлогость Глав. Кавказского хребта на 2233 ф. над уровнем моря. Основан в 1784 г. для охранения Военногрузинской дороги на месте осетинского аула Капкай; поэтому осетины и до сих пор зовут его Капкаем, а черкесы «Терек-Кала», т. е. город на Тереке».

Тогда это был город военных, да и многие здания были построены силами армейских частей, как-то казармы Апшеронского полка, военный госпиталь, кадетский корпус, дома офицерских собраний и штабов. Город украшали многочисленные церкви и храмы: Спасо-преображенский собор, Церковь Александра Невского, полковая Апшеронская церковь, Армянская церковь Св. Григория Просветителя. Были тут и мечеть и католическая немецкая Кирка. Ни одна религия не была обделена.

Памятник простому русскому солдату Архипу Осипову, героически погибшему на подступах к Владикавказу в 1840 году, был одним из самых красивых и почитаемых. С лицевой стороны монумента – образ Спасителя с лампадой, а пониже – мраморная плита с описанием подвига. На вершине гордо восседал могучий орел с венком славы.

Параллельно Тереку простирался бульваром широкий Александровский проспект, а от него вверх и в сторону разбегались улицы с нарядными домами в 2-3 этажа самой разной архитектуры. Первая рядом с проспектом – Лорис-Меликовская улица, за ней в разных направлениях Московская, Мещанская, Сергиевский бульвар, Грозненская, Гимназическая, Купеческая и другие.

Городской парк ТРЕК, утопающий в тени вековых деревьев, спускался террасами прямо к реке в верхней части Александровского проспекта. Шум

неугомонного, буйного Терека наполнял парковый ансамбль особым звучанием.

Во Владикавказе было несколько мужских гимназий, женская Ольгинская гимназия, реальное училище и около 20 народных школ.

Таким был город до революции.

Я продолжаю листать газету столетней давности. Обычный день 24 октября 1908 года.

«В Сербии волнуются в связи с захватом Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и ходят слухи о готовящемся восстании сербов в этих регионах... Английские суфражистки продолжают свою борьбу за избирательное право... В правительственных кругах циркулируют слухи о замене государственного секретаря барона Ю.А. Гильденбандта на товарища министра внутренних дел сенатора А. А. Макарова... Морское министерство заканчивает историю Русско-Японской войны 1904-1905 гг... В хищениях на ташкентской ж. дороге замешано около 200 высших и низших агентов дороги... Забастовки среди большинства студенческой массы успеха не имели и прекратились... В Думе депутат Родзянко подтвердил, что нет опасения насчет возможности изменения правительственного закона 9 ноября, что возврата к прошлому нет и в большинстве губерний половина земель уже находится под хуторскими участками... Из Тифлиса сообщают, что в Горийском уезде явились с повинною к властям два члена партии красносотенцев, обвиняемых в ряде террористических актов...»

В газете имеются маленький фельетон, местная хроника, глава из неизданного романа Анри Дюверкова «Источник славы», сообщения из иностранной печати и множество рекламных объявлений, некоторые из которых довольно любопытны:

«Подписка на газету «Терек» – 6 руб в год с доставкой»,

«Лучшее средство от холеры – красное кахетинское вино»,

«Готовое мужское платье М. и И. Мандля»,

«Золотые и серебряные часы М. В. Русецкого»,
«Подписка на журнал «Мир» – 4 руб в год»,
«Предложение работы 100-200 руб в месяц»,
«Баяны Л. Адрер от 6 до 18 руб»,
«Сапожки из кожи Леопольда Нейшеллера»,
«В здании Ольгинской гимназии состоится литературно-музыкально-вокальный вечер в субботу 25 октября. Артисты: П.П. Медведева, Л.В. Болотина, И.А. Орлова (чтение), Г.М. Субботина (чтение), И.П. Барсова (пение), В.Н. Кядилова (рояль). Далее комедия в 1 д. «Благотворительница», с участием И. Огинской, А. Туганова, Б. Орлицкого, танцы и лотерея-аллегри. Начало в 8 часов вечера».

Да, это был обычный день, очень спокойный, ничем не отличающийся от других. В России воцарился порядок и канули в вечность террористические акты и мятежные выступления 1905 года. Во главе правительства был П.А. Столыпин.

Для меня этот день особенный и самый счастливый. В этот день 24 октября 1908 года в семье штабс-

Нуне в 8 лет

капитана Василия Осипянца во Владикавказе на Лорис-Меликовской, 41 родилась девочка, которую называли Ниной, а при крещении Нуне. Это моя мама – Осипова Нина Васильевна.

Она была третьим ребенком в семье. Старшему, её братику Мише, было 4 года, а сестре Лене почти 2. Через пять лет после её рождения будет ещё прибавление в семействе – маленькая Анна. Моя бабушка вспоминала, что дети с самого раннего возраста нежно опекали друг друга и никогда не возникало между ними конфликтных ситуаций, шалили как все в этом возрасте, но обид

*Штабс-капитан В.Осипянец с супругой
Елизаветой и детьми: Мишей и Леной*

и ссор не было. Такую взаимную любовь они сохранили на всю жизнь.

Все дети, кроме Миши родились и провели первые детские годы во Владикавказе. Здесь были и крещены в армянской церкви. Но вот, что удивительно, городом счастливого своего детства они всегда называли Усмань.

Хорошо помню, как моя мама уже в преклонных годах, оставаясь единственной из большой семьи полковника Осипянца, поведала мне однажды, что под утро ей снятся такие радостные и сладкие сны. Она в окружении сестер и брата, совсем молодые, рядом папа с мамой. Все улыбаются и о чем-то беседуют. Точно пересказать сны мама не могла, но с нетерпением ждала следующих встреч с родными.

Узнав об этом, я со своей стороны, уходя утром на работу, старался не шуметь, чтобы не разбудить её и не прервать её сладостные сновидения.

Я побывал во Владикавказе в Советское время. От той военной цитадели Царской России не осталось ни следа. Исчезли церкви, многие старинные здания и радующие слух названия улиц. Не пощадили и памятник русскому солдату Архипу Осипову. Это был совсем другой город.

Глава III. Усмань, 1917 год

i

Переломный и трагический для Российского государства 17-й год начался вполне спокойно. Отпраздновали Новый год и Рождество по обычаю весело и шумно, никому и в голову не приходило, что страна приблизилась к роковой черте. Из столицы доносились слухи о готовящемся решительном наступлении и близкой победе над Германией и о всеобщем единении общества вокруг царя. Поговаривали даже о якобы имевшей место встрече

государя с послами союзных держав по поводу будущего мироустройства. Всем верилось, что наступивший год принесет России долгожданную победу в войне. Увы, надежды оказались иллюзорными.

Всё началось в феврале с нехватки хлеба в Петрограде. Последовавший затем хлебный бунт и неожиданный Высочайший указ о роспуске Государственной думы послужили сигналом к началу беспорядков и массовых антиправительственных демонстраций. К бунтующим толпам присоединились вышедшие из повиновения своим офицерам запасные полки и началось... Власти в городе не существовало. Ненависть и негодование выплеснулись на улицу. Массы людей скапливались вокруг Государственной думы, выражая таким образом ей поддержку.

1 марта император Николай II отрекся от престола в пользу своего брата, а на следующий день его примеру последовал и Великий князь Михаил Александрович. Рухнула монархия, закончился тысячелетний период существования России как монархического государства. Случилось непоправимое. Для многих поколений русских людей, которые выросли и воспитывались при самодержавии и под властью престола, произошло крушение всех их надежд и чаяний, всей их жизни. Кончилась династия Романовых, казавшаяся незыблемой и неизменной. Страна приближалась к катастрофе.

Армия была парализована. Ближайшее окружение императора Николая II и кучка высших военных руководителей убедили государя отречься от престола под предлогом того, что за отречение выступили командующие фронтами. Они шантажировали царя угрозой всенародного восстания и неповиновением войск, и он подписал отречение во имя спасения России. Роковой акт свершился.

Однако, как выяснилось в дальнейшем, не все генералы и офицеры приняли безоговорочно отречение императора. Командующий кавказским фронтом генерал от инфантерии Н.Н. Юденич выразил телеграммой свою поддержку конституционной монархии. Такой же была реакция

командующего Черноморским флотом адмирала А.В. Колчака. Генерал армии граф Ф. А. Келлер прислал сообщение о своей готовности немедленно выступить в защиту государя. Командир гвардейского корпуса генерал-адъютант Хан-Нахичеванский не признал отречения и телеграфом известил о преданности гвардейской кавалерии Николаю II. 13-й Гренадерский Эриванский полк (две роты) во главе с полковником Колчиным направился эшелонами в Петроград защищать царя. Этот список можно продолжить до бесконечности. Итог один – русское офицерство осталось верным своей присяге императору и монархической форме правления.

Генерал А.И. Деникин вспоминал: «Войска были ошеломлены – трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифеста. Ни радости, ни горя. Тихое сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы». Армия оставалась на стороне царя.

Создание Временного правительства и одновременно Исполнительного комитета Советов солдатских и рабочих депутатов привело к дальнейшим катастрофическим последствиям. Последовал знаменитый приказ № 1 о демократизации в армии, выношенный в зловещих кабинетах революционных Советов, с целью разложения армии. Была дарована свобода митингов, собраний и печати. Россия погружалась в период полной анархии и безвластия. По всей стране началась травля и избиение офицеров. Самосуд над офицерами и издевательства над ними поощрялись повсеместно революционными комитетами. Армия была деморализована. Многие офицеры стрелялись, не выдержав глумления солдат. Такова была общая картина состояния страны к маю 1917 года.

В маленьком уездном городке Усмани волнения начались с приходом весны. В центре на бульваре шли непрерывные митинги с участием солдатских масс и отдельных слоев населения. Ораторы выступали с самыми

различными требованиями и диаметрально противоположными призывами. Эмиссары Временного правительства убеждали толпу вести войну до победного конца, ортодоксальные революционеры требовали перехода власти к Советам и прекращения войны. Часто после очередного собрания возбужденные толпы двигались к дому коменданта города с очередным ультиматумом. Людей надо было успокоить и все вопросы решать незамедлительно. Коменданту

Усмани и командиру 212-го усманского полка Василию Осипянцу приходилось нелегко. Урезонить

подстрекаемые провокаторами солдатские массы становилось с каждым днем всё труднее. Пока что ему удавалось удерживать ситуацию под контролем, не допускать беспорядков и сохранять на уровне дисциплину в полку.

Авторитет его был высок, и в гарнизоне его уважали. Достаточно сказать, что Совет солдатских депутатов 212-го

полка избрал его своим председателем. Но что может произойти в самом недалеком будущем, никто не мог предвидеть.

Полковник В.К. Осипянц, Усмань, 1917 г.

Полковник Василий Осипянц, как и многие другие кадровые офицеры, был предан монархической власти. Для него отречение императора было и личной трагедией. Погибло Великое Царево дело, в которое он безгранично

верил и которому верно служил в течение всей жизни. Это была его драма, и крах царской власти он тяжело переживал. Однако, как комендант города, он признал Временное правительство, чтобы иметь возможность защитить город от безвластия и смуты.

Некоторые из приказов коменданта полны тревоги и волнения за вверенный ему город. Вот один из них:

«Приказ № 189 от 4 июня 1917 г.

Свобода – благо, к которому стремился человек с первого дня своей сознательной жизни; свободы мы добились; нужно её беречь и закрепить. Свобода дает права, но налагает и обязанности; свободный человек сам живет и другим жить дает, обиды не потерпит, но и других не обижает; он корректен, вежлив, добросовестен и свои гражданские обязанности исполняет не за страх, а за совесть, пока она не перешла в своеволие и себялюбие; в этом случае она превращается в насилие. Не свобода, например, если кто службу превращает в разгул, кто отказывается от несения своих гражданских обязанностей; не свобода, если круглые сутки кто шатается по улицам, так же не свобода, если кто увлекается игрой на деньги и выворачивает карманы товарища; а когда в публичном месте бабе задирают подол, это уже не свобода и не своеволие, а просто хамство.

Товарищи!

Не сомневаюсь, что вы всемерно пользуясь свободой, не переступите черты, где право превращается в бесправие, свобода – в своеволие, себялюбие.

Подписал Командующий 212 пех. зап. полком

Полковник Осипянц

С подлинным верно полковой адъютант

прапорщик Матвеев»

А вот ещё одно предупреждение в Усманской газете № 96 за 1917 год:

«Довожу до сведения граждан гор. Усмани и окрестностей, что покупка казенных вещей у солдат строго воспрещается и виновные в этом будут привлекаться к судебной ответственности.

Нач. гарнизона, полковник Осипянц
Комендантский адъютант, прапорщик Моргатъев
август 18 дня 1917 г.»

Мой дед, Василий Осипянц, был человеком честным и порядочным. Насилие и разгул толпы он отвергал полностью, кем бы они не осуществлялись и под какими лозунгами не проходили.

Моя бабушка рассказывала, что представление о повышении деда в чине уже было отправлено в высшие инстанции, но генерал-майора он так и не дождался. Летом 17-го года, когда во многих уездах средней полосы России прокатилась волна еврейских погромов, включая и усманский, полковник Василий Осипянц, не дожидаясь приказа вышестоящего начальства, поднял свой полк на защиту еврейского населения от обезумевшей разъяренной толпы погромщиков. Не мог он поступиться своей совестью и уронить честь офицера и гражданина, к тому же оголтелый шовинизм и национализм были ему не по нутру. В течение всей службы он защищал людей Российского государства, как же не помочь было им теперь, когда они в беде. Действия полковника кому-то наверху не слишком понравились, и чин генерал-майора он не получил.

Но не это его огорчало. Положение в Усмани, не прекращающиеся митинги и протесты, принимавшие порой звериный характер, куда больше беспокоили коменданта. Выступления с участием рвущихся к власти проходимцев, солдат запасных полков, отказывающихся служить, рабочих, желающих бастовать, и просто хулиганствующих молодчиков, чтобы погулять да побезобразничать, стали принимать уродливую форму и угрожающие размеры. Он прекрасно понимал, что России нужна сильная верховная власть, способная разогнать толпу, успокоить волнения и

удержать страну от полного развала. С этой задачей могли справиться только военные.

13 августа 1917 года в Москве собралось долгожданное Государственное совещание, на котором генерал Каледин огласил свой вариант вывода России из тупика. Он предложил следующие неотложные меры для спасения родины: армия должна быть вне политики, Советы в армии и тылу должны быть упразднены, дисциплина в армии должна быть восстановлена и, наконец, вождям армии должна быть предоставлена полная свобода действий по наведению порядка.

Русский генералитет, испытывая глубокую озабоченность и тревогу за судьбу страны, пытался спасти армию от полного разложения. Генералы Корнилов и Крымов, адмиралы Колчак и Непенин, казачьи атаманы Каледин и Дутов начали решительные действия.

24 августа 1917 года Верховный Главнокомандующий Л.Г. Корнилов с одобрения Временного правительства назначает генерала Крымова командующим отдельной армией в Петрограде и одновременно направляет в столицу 3-й конный корпус во главе с генералом Красновым. Цель – очистить Петроград от деморализованных запасных полков, полностью разложившихся под влиянием большевистских Советов, восстановить порядок и спокойствие в городе.

Увы, Временное правительство во главе с Керенским в последний момент отстраняет Корнилова от должности и объявляет мятежником. Это двойственная и безнравственная политика предопределила вскоре падение самого правительства. Власть была в безвольных руках.

Движение Л.Г. Корнилова вызвало воодушевление и подъем духа в офицерской среде, да и не только. Военные понимали, что это был последний шанс спасти страну от большевиков, коих они считали откровенными врагами Российского государства и немецкими наймитами. Предательство Временного правительства они восприняли как удар в спину и окончательно

перестали его поддерживать. Офицерский корпус отвернулся от правительства.

Были арестованы: генерал Л.Г. Корнилов, нач. штаба Верховного генерал А.С. Лукомской, главком Юго-Западного фронта генерал А.И. Деникин, нач. штаба Юго-Западного фронта генерал С.Л. Марков, генералы И.Г. Эрдели, Г.М. Ванновский, И.П. Романовский и другие. Генерал Крымов застрелился. Генерал Каледин бежал в Новочеркасск. Русская армия была обезглавлена, путь большевистскому октябрьскому перевороту был открыт. 31 августа 1917 года Временное правительство объявляет о введении военного положения в двух округах: Московском и Казанском с целью поимки и ареста мятежных генералов, участвовавших в выступлении Корнилова. Последовали многочисленные перемещения среди командного состава, аресты и расправы над высшими военными чинами. Волна преследований офицерства прокатилась по всей России. Так август окончательно разделил армию на два враждебных лагеря: офицерский и солдатский.

В соответствии с телеграммой начальника штаба Московского военного округа полковника К.И. Рябцева от 30 августа нач. гарнизона В. Осипянц вынужден был ввести военное положение в г. Усмани и уезде. Он исполнил приказ. Безусловно, его симпатии были на стороне мятежных генералов и тех военных, что попытались силой предотвратить катастрофу. В городе уже несколько дней было неспокойно. Злодейская расправа над предводителем дворянства уезда князем Б.Л. Вяземским напугала своей жестокостью, всколыхнула общественное мнение не только Усмани, но и всей страны. Это было первым предупреждением надвигающегося кровавого столкновения и гражданской войны.

Ростки ненависти и злобы прорастали со всех сторон. После отмены военного положения митинги стали принимать угрожающий характер. Утихомирить и урезонить толпу не представлялось возможным. Чаще стали звучать лозунги: «Бей золотопогонников и их щенков». Сыпались угрозы

расправиться с офицерами гарнизона. Полковник Василий Осипянц беспокоился теперь за жизнь своей семьи, за жизнь своих маленьких детей. Бесчинствующая серая масса может не пощадить и их.

Оставался только один выход – проситься в действующую армию на Южный фронт, где, по его сведениям, существовала ещё дисциплина, а семье – уезжать на Кавказ. Здесь в тылу он был бессилен что-либо сделать, как-нибудь изменить ситуацию. Ему – герою войны 14-го года, награжденному за беспримерные подвиги высокими наградами и орденами: Св. Станислава III степени, Св. Анны III степени, Св. Станислава II степени с мечами, Св. Анны II степени с мечами, Св. Владимира IV степени с мечами и бантом и, наконец, Золотым Георгиевским оружием, места на родной земле не было.

Полковник Василий Осипянц с супругой Елизаветой и детьми: Мишей, Леной, Ниной и Анной

«С середины августа 17-го года папа ходил всё время бледный и озабоченный, – вспоминали его дети, – он не шутил более. Отчаяние и

безднадежность проглядывались во всем его поведении. В его добрых глазах постоянно присутствовала тревога. Начиная с сентября мы ходили в гимназию с кем-либо из взрослых. Частенько нас сопровождал папин денщик Никита».

Кстати, о денщиках. Отношения денщиков к своим офицерам тоже менялось. Революционеры и провокаторы всех мастей вселяли яд ненависти к офицеру в простое мужицкое сердце, пробуждали недоверие солдата к своему офицеру. Своей агитацией они и здесь одержали победу. Денщики, многие из которых были даже обязаны своим офицерам жизнью или спасению, потом предавали, доносили на них и убивали их. Что же касается денщика Никиты, он остался преданным семье полковника Василия Осипянца до самого их отъезда из Усмани. Как сложилась жизнь этого человека в дальнейшем во время Гражданской войны – неизвестно, но его имя часто мелькало в разговорах моих родных. Произносилось оно всегда с теплотой и благодарностью.

Глава IV. Князья Вяземские

Князья Вяземские принадлежали к старинному русскому княжескому роду и вели родословную от князя Смоленского Ростислава, внука Владимира Мономаха. Они – потомки Рюриковичей. Многие из них верой и правдой служили России в течение столетий.

А.С. Пушкин так писал о своем ближайшем друге П.А. Вяземском в 1820 году:

«Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой».

Князь Леонид Дмитриевич Вяземский был одним из крупнейших землевладельцев усманского уезда в конце XIX века. В своем имении Лотарево он построил прекрасное здание больницы и передал его в дар уездному земству. В селе Коробовка, расположенном рядом с имением, князь на собственные средства возвел здание школы и Коробовскую церковь.

Благотворительной деятельностью и помощью бедноте не устал заниматься всю жизнь.

Он был женат на М.В. Вяземской, урожденной графине Левашовой. У них было четверо детей:

княгиня Лидия Леонидовна была замужем за князем Иларионом Сергеевичем Васильчиковым,

князь Дмитрий Леонидович был женат на графине Елизавете Дмитриевне Шереметевой,

князь Борис Леонидович был женат на графине Александре Шуваловой,

князь Владимир Леонидович был женат на графине Софье Ивановне Воронцовой-Дашковой.

Обратите внимание, Вяземские были в родстве с самыми знатными и древними родами. Целая плеяда прославленных в веках русских фамилий: Левашовы, Шереметевы, Шуваловы, Воронцовы-Дашковы, Васильчиковы, составлявших гордость Российской империи.

17-й год для семьи Вяземских обернулся бедой. В феврале в Петрограде был смертельно ранен случайной пулей один из братьев князь Дмитрий Леонидович. Попытки врачей спасти его оказались тщетными, и он скончался от большой потери крови. Человек он был решительный и бесстрашный. Во время революционных событий 1905 года, когда коробовские крестьяне пошли громить фамильную усадьбу, князь Дмитрий Леонидович, не побоявшись, один выехал к ним навстречу. Врезался верхом в толпу бунтовщиков и одним своим грозным видом так напугал их, что те разбежались в панике. В семье он был всеобщим любимцем, и его гибель все остро переживали.

Старший брат Борис Леонидович Вяземский был растерзан толпой на станции Грязи 25 августа того же года. Как предводитель уездного дворянства и патриот России, князь был активным поборником продолжения войны до победы. Он проводил большую работу по набору новобранцев,

уговаривая крестьян вступать в запасные полки. Его деятельность не нравилась тем, кто ратовал за поражение своей армии. Они-то и предпринимали любые подстрекательства против князя.

Представьте себе на минуту, что ваша страна ведет изнурительную и тяжелую войну, и существуют люди, выступающие за её поражение. Как же вы назовете таких безумцев? Предателями, изменниками, а может, провокаторами. Именно им была выгодна смерть князя Вяземского.

Поводом для расправы над князем послужил его спор с коробовскими крестьянами. В обстановке вседозволенности и анархии крестьяне, поощряемые местными революционерами, стали захватывать земли Вяземских и выгонять скот на их луга. Естественно, князь попытался защитить свою собственность от бесцеремонного вторжения.

Крестьяне взбунтовались, ворвались толпой в имение Лотарево и арестовали князя Бориса Леонидовича.

Усманская газета № 82 от 27 августа так описывает дальнейшее развитие событий: «Затем по приговору сельского собрания Вяземский был отправлен на станцию Грязи в распоряжение коменданта станции, который согласно приговора должен был отправить его на фронт.

Разрешение этого вопроса было передано в существующую при станции примирительную камеру, которая также постановила отправить кн.

Князь Б.Л. Вяземский

Вяземского на фронт. В ожидание поезда кн. Вяземский был помещен в верхних комнатах вокзала. На перроне же между тем собралась толпа, которая, естественно, была крайне возбуждена всем происходящим.

Наконец, прибыл поезд, с которым следовал эшелон солдат, которые, заинтересовавшись происходящим на станции волнением, вышли из вагонов и стали спрашивать, в чем дело. Узнав о том, что на станции сидит кн. Вяземский, предназначенный к недобровольной отправке на фронт, солдаты заразились нервностью толпы и охотно вызвались сопровождать кн. Вяземского на фронт, как дезертира. Человек 20 солдат отправились в комнату Вяземского и потребовали от него, чтобы он ехал с ними. Получив отказ, солдаты пришли в раздражение и хотели выбросить кн. Вяземского из окна 2-го этажа. Но им это не удалось сделать, благодаря сильному сопротивлению кн. Вяземского.

Тогда солдаты стащили его вниз и вывели на платформу, где он подвергся расправе толпы.

Как нам передают, первый удар был нанесен камнем, брошенным из толпы и пришедшимся в переднюю часть лица. От этого удара кн. Вяземский упал навзничь. Затем ему нанесены были три штыковых удара: один в грудь, другой в лоб, а третий в висок.

Бессознательный труп после этого подвергался истязанию: его топтали, били пинками и т.д.

После отхода поезда кн. Вяземский без признаков жизни перенесен был в вагон».

Россия содрогнулась. Весть о самосуде и дикой расправе над одним из знатных представителей аристократических фамилий быстро разнеслась по всей России. Многие центральные газеты, такие как «Русское слово», «Петроградские ведомости» и другие, опубликовали сообщение о гибели князя Б.Л. Вяземского в траурных рамках. В Петрограде по распоряжению министра юстиции на одного из следователей по особо важным делам было

возложено производство предварительного следствия по делу об убийстве на станции Грязи.

Только было уже поздно. Время было упущено. Страна медленно погружалась в бездну. Впереди маячил кровавый бунт «бессмысленный и беспощадный».

Жестокое убийство князя Б.Л. Вяземского потрясло полковника Василия Осипянца. Трагедию, разыгравшуюся на станции Грязи, он переживал вместе со всей своей семьей. Обвинял и корил себя, что не обеспечил должную охрану имени князя, не был рядом, чтобы защитить этого всеми уважаемого человека. Князь во многом помогал ему по службе и тесно с ним сотрудничал в работе по подготовке и отправке запасных рот на фронт. В послужном списке полковника есть такая запись: «Командирован по сопровождению 164, 165, 168,

Полковник Василий Осипянец, 1916 г.

169 и 171 рот пополнения и 2 маршевых рот в распоряжение

257 пех. запасного полка в качестве начальника поезда с янв. 18 по февр. 10 1917 г.»

Вместе с князем Вяземским трудился он на благо России, пытаясь помочь армии продолжать войну в трудных условиях расшатывания изнутри

государственных устоев страны. Но сделать уже ничего было нельзя. Россия была на пороге полной катастрофы. По словам Уинстона Черчилля: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Её корабль пошел ко дну когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда всё обрушилось».

Хаос и неразбериха, бесчинства солдат и убийство князя Вяземского послужили причиной отъезда полковника Василия Осипянца, тем более, что предписание о его переводе в действующую армию на Южный фронт уже было получено.

В середине ноября после большевистского переворота полковник покидает Усмань навсегда. Вскоре за ним последовала и вся его семья. Новой власти преступников и проходимцев он не признал. В Усманском музее мне говорили, что видели тот зловещий документ о передаче всей полноты власти в городе большевистским Советам. Против фамилии коменданта города В. Осипянца подписи не было.

Ещё в сентябре после неудавшегося выступления генерала Корнилова все потянулись на юг: в Крым и на Кавказ. В основном это были семьи русской аристократии и дворянского сословия, семьи офицеров и интеллигенции. Переждать взрыв ярости и бесчинства толпы, террор революционных Советов и подстрекательство большевиков на Севере и в Средней полосе России было невозможно. Спасали свои семьи, спасали жизни своих жен и детей. Оставаться было равносильно гибели. Приведу только один пример, характерный для того страшного периода. Семья барона Фон Фальцфейна, потомка двух знатных родов Епанчиных и Фальцфейнов, основателя знаменитого на всю страну заповедника Аскания-Нова под Херсоном, вынуждена была также оставить имение и бежать. Все выехали, кроме бабушки, 85-летней старушки. Она наотрез отказывалась покидать родовое гнездо. Разъяренная толпа разграбила и сожгла поместье. Бабушку убили.

Старая княгиня М.В. Вяземская вместе со своей дочерью княгиней Л.Л. Васильчиковой, тремя женами своих сыновей, мужа двух из которых были убиты, и своими внуками благополучно выбрались в Крым и поселились в имении «Харакс», принадлежавшего Вел. Кн. Георгию Михайловичу. Во дворцах между Алупкой и Ялтой скопилось тогда большое количество жен и детей русской аристократии. Тут же находились и некоторые члены императорской семьи во главе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Им всем посчастливилось избежать гибели. В 1919 году английский король Георг послал в Ялту крейсер «Мальборо», чтобы вывезти оттуда императрицу, Вел. Кн. Николая Николаевича и остальных Романовых. Но императрица категорически потребовала, чтобы одновременно с ней были вывезены и все те люди, проживающие в Ялте и окрестностях, которым грозит несомненная опасность при взятии Крыма большевистскими воинскими частями. По поручению Марии Федоровны список таких лиц был составлен и включал около 200 имён. Императрица поднялась на борт последней. Так семья Вяземских была доставлена в Севастополь, а оттуда в Константинополь. Дети старинных российских домов были спасены.

Ещё одна любопытная деталь. Племянник князя Б.Л. Вяземского Георгий Иларионович посетил семейные места на Тамбовщине в 1995 году. К его удивлению, в фамильном склепе разрушенной Коробовской церкви сохранились все семейные гробницы, в том числе и несчастного князя Бориса Леонидовича. Не было только одной – князя Дмитрия Леонидовича Вяземского. Большевики припомнили ему разгон крестьянского бунта 1905 года и не простили. Могила была осквернена и уничтожена.

Глава V. Первая поездка в Армению

Армения, Эчмиадзин, 2008 г.

Признаюсь, я немного волновался перед поездкой. Возраст уже не тот, чтобы совершать такие далекие путешествия, и сил не так много осталось.

Годы берут своё, мне далеко за 60. Не знал, выдержу ли. Однако, желание побывать в Армении и увидеть эту древнюю страну было велико. Там на месте я мог одновременно продолжить поиск документов, так необходимых для того, чтобы полностью прояснить картину участия моего деда, полковника Царской армии, Василия Осипянца в сражениях 18-го года на Южном фронте. Надо было ехать и, откинув все сомнения, весной 2007 года я полетел в Ереван.

Судьбу деда, погибшего в Армении в самом конце I Мировой войны, я впервые попытался выяснить лет 30 тому назад. Именно тогда маршал Советского Союза И.Х. Баграмян в своей книге воспоминаний упомянул фамилию полковника Осипянца в битве за Александрополь в 1918 году. Была ещё жива мама, и мы вместе написали письмо И.Х. Баграмяну с просьбой помочь нам. Он откликнулся очень быстро и сообщил, что переслал наш запрос в Архив

*Полковник Василий Каграмонович
(Кириллович) Осипянец, 1917 г.*

Армянской ССР с указанием найти сведения о командире 4-го стрелкового полка Василии Осипянце. Ответ директора армянского архива нас удивил и разочаровал. Когда я прочитал его маме, она усмехнулась и сказала:

– Всё они перепутали. Папа служил в России до 18-го года и воевал в 1914 году на Западном, а не на Южном фронте. Они пишут явно о другом человеке. Им ничего неизвестно. Брось ты эту затею, Миша.

Первая попытка закончилась полным провалом, а я так надеялся и ждал. Не знал тогда, что все архивные материалы на офицеров Царской армии хранились в НКВД Армении. Все были засекречены, и доступа туда не было. Наивно было искать в то время истину.

Следующую попытку я предпринял в 2005 году. «Армения освободилась от Советской власти, – думал я, – и, возможно, теперь мне повезет». В этот раз я написал прямо Президенту Республики. Прошло несколько месяцев, а ответа из Армении всё не было. Ожидание затягивалось. Как же быть? Как заканчивать книгу «Кавалер Георгиевского оружия Василий Осипянц», не имея на руках сообщения из Еревана и достоверных данных, как и где он погиб? Я был в отчаянии.

Скупые отрывистые сведения, почерпнутые из интернета, и семейные предания помогли мне завершить книгу. И всё же было много неясного: не до конца освещались события, связанные с гибелью моего деда. Предполагаемая версия, что он застрелился, была также маловероятна и неубедительна.

Почему молчит Армения? Почему моё письмо осталось без ответа? Всё это меня, безусловно, удручало, но я не сдавался. Я продолжал искать и надеяться. Мои родные и друзья поддерживали меня и старались помочь. Моя двоюродная сестра Нона Сулаберидзе, встретившись в Тбилиси со своей подругой Инной Микаелян, вскользь коснулась в разговоре о моих трудностях. Случайно брошенная фраза упала на благодатную почву. Инна заинтересовалась и пообещала прояснить историю с пропавшим письмом в Ереване.

– Это дело надо довести до конца, – решительно заявила она. – Мише я не могу отказать в помощи.

Инна Микаелян приложила все усилия, чтобы докопаться до истины. В Ереване она обратилась и в администрацию Президента и в Национальный архив республики. Ходила по всем инстанциям и высоким кабинетам – и добилась результата. Она получила на руки копию сопроводительного письма Архива и документальные материалы на полковника Василия Осипянца. Мне сообщили об этом немедленно, и я был счастлив.

Инна сделала то, что вряд ли кому было под силу. Такой уж она человек. Чужие проблемы, неприятности воспринимает как свои собственные, тем более, когда это касается близких друзей. С моей семьей её связывала взаимная и бескорыстная многолетняя дружба. В самые трудные минуты она всегда первая приходила на помощь, чтобы быть рядом с нами. Без её участия, её настойчивости и упорства вряд ли довелось бы мне узнать всю правду о гибели моего деда.

Прошло 90 лет и мы, наконец, узнали, как всё случилось. В сопроводительном письме сообщалось, что полковник Осипянц погиб при отступлении после Караклисского сражения, и возможное место захоронения – село Чанахчи в Марнеульском районе Грузии. Приложенных документов было немного, но они правдиво свидетельствовали о том, что с ним произошло. В последнем отчете военного ведомства о безжалостной расправе над военнопленными турецкими регулярными войсками в селе Чанахчи старинным почерком было приписано, что среди пленных офицеров находился и полковник Осипянц. Было ясно, что он, как и другие несчастные, был казнен турками. Не мог он застрелиться или покончить с собой, находясь в плену.

В аэропорту меня, конечно, встречали. Нона и Инна стояли рядом, и я легко их разыскал среди толпы встречающих. Мы обнялись. Нону я не видел два года, а Инну целую вечность, около 30 лет. Пока добирались на такси в Ереван Нона без умолку болтала, рассказывая мне о своей поездке сюда из Тбилиси.

– Дорога чудесная, места живописные. Я нисколько не устала, – не умолкал её голос, – и легко её перенесла. Всего-то 4 часа на комфортабельной маршрутке. Через неделю мы поедем назад, и ты будешь уже дома в Тбилиси.

Я смотрел на сестру и улыбался. Всё-то она придумывает, что не устала. Ведь не молодая уже, а сколько в ней жизненной силы и ответственности! Какой путь проделала, чтобы встретить меня! Сердцем чувствовала, что одному мне будет тоскливо, да и неловко будет жить у её подруги, даже такой близкой, как Инна. А может, действительно, боялась, как бы не потерялся я в незнакомом большом городе.

Инна переехала в Ереван из Тбилиси во времена обрушения и распада Советского Союза. Тогда многие меняли место жительства и переезжали в свои национальные республики. Так поступила и она, хотя расстаться с городом, в котором прожила большую часть жизни, было нелегко. Но она сделала правильный выбор. Она – армянка, и ей уютнее и спокойней жить на исторической родине. Инна на пенсии и живет вместе со своей сестрой Нази в самом центре Еревана. Нази – опытный преподаватель английского языка, доцент кафедры университета. Дает и частные уроки, что, безусловно, выгодно материально, но в то же время требует большой отдачи сил.

Обе сестры постарались сделать всё возможное и невозможное, чтобы я не чувствовал стеснения. Было даже неловко от их чрезмерного внимания к моей персоне. Хочешь пива или рюмку коньяка к обеду – и Инна, отложив все дела, несется в магазин. Захотелось чашки кофе – тут же варят настоящий кофе с пенкой и чудесным ароматом. Они окружили меня заботой и теплотой, и я быстро привык к ним. Мне было хорошо, и чувство неловкости

быстро покинуло меня. По натуре консерватор, я долго привыкаю к новому окружению и новому месту. Здесь же всё произошло быстро и естественно.

Вечером я стал составлять программу своего визита. Прежде всего меня интересовали места сражений 18-го года и всё то, что связано с теми героическими победами. Я хотел увидеть их в первую очередь. Но мои планы не совпадали с планами моих друзей. Инна опередила меня:

– Нет, завтра никак нельзя ехать в Сардарapat или в Караклис, поскольку намечена поездка в Гегард и Гарни. Ты увидишь древнейшие армянские храмы. Обо всем уже договорено заранее с нашими близкими друзьями Джулей и Мери Чолокян.

Я начал было протестовать и капризничать, но Инна меня успокоила:

– Ты познакомишься с Мери. Она вдумчивый историк и опытный журналист. Сможет тебя выслушать и помочь. Кроме того, она хорошо разбирается в недавней истории Армении и многое знает.

Доводы Инны были убедительны, и я сдался. Завтра едем в Гегард, а поездку в Караклис отложим на другой день. Кстати, в Караклис я так и не попал. Последовавшие встречи заставили пересмотреть мои первоначальные планы.

В Гегард мы поехали на двух машинах. Компания собралась пестрая и большая, в одном автомобиле никак не уместиться. Организатором поездки и душой компании была, без всякого сомнения, Джуля Чолокян. Общительная и жизнерадостная, она объединяла совершенно разных людей и по характеру и по интересам. Её неиссякаемая энергия, добрый нрав и дружелюбие притягивали и объединяли. Своей сестре Мери она поручила роль гида и рассказчика. Кто, как не она, сможет увлечь нас вековой историей

древнейших армянских храмов. Она – признанный авторитет в этой области и серьезный ученый. Мери немного замкнутая, но цельная натура, манера держаться и вести беседу – изысканная. В пути мы довольно быстро перезнакомились со всеми и весело общались.

Дорога уходила на восток от Еревана, поднимаясь вверх крутыми извилинами. Чем выше мы взбирались, тем уже становилось ущелье. Непрístupные места, веками служившие армянам последним бастионом. Здесь среди скал природа скрывает все свои тайны. В самой глубине ущелья неожиданно за поворотом начинаются монастырские стены Гегарда. Приехали.

Яркое солнце слепит, но жары не ощущаешь. Воздух насыщен влагой, бьющей сквозь скалы горной реки. Вокруг завораживающие исполинские горы. На гранитном уступе у самой реки – один из древних пещерных монастырей – Гегард.

Пока мужчины вместе с Джулей заняты приготовлением пикника, мы отправляемся осматривать Гегард. По ходу Мери рассказывает удивительную историю сотворения пещерного чуда:

– Время основания храма точно не установлено. Историки полагают, что это либо IV либо VIII век н. э. В восьмом веке он принадлежал князьям Прошьянам. Видите над входом вырезанную в камне фигуру львицы – это герб Прошьянов.

Мери монотонно продолжает рассказывать историю создания монастыря с его пещерными кельями и прорубленными в скале часовнями. Ей не хочется утомлять нас своими обширными знаниями. Цель другая – доставить нам удовольствие увидеть эту нерукотворную красоту своими глазами, почувствовать дух глубины веков и насладиться седой стариной храма. Но она с радостью делится с нами, если мы спрашиваем что-либо.

Позже мы спускаемся вниз к реке. Я сажусь поодаль от ревущего, бьющего по камням потока воды, но и меня настигают капельки освежающей

влаги. Подставляешь лицо, закрываешь глаза и на время будто сливаешься с природой всем своим существом.

Вскоре нас уже зовут к накрытому столу. Специально для туристов сдаются здесь столики со скамьями и место для разведения костра. Всё продуманно. На столе обжаренные на вертеле баклажаны, помидоры, разные шашлыки и кебабы, свежие овощи и зелень. Открывается вино и пиво. Начинаются тосты, как принято на Кавказе, и настоящий пир. Описать словами невозможно. Потом пошли непринужденные беседы, разговоры и мнения о поразившем всех без исключения древнем монастыре предков. Все немного отяжелели и устали и не хотели двигаться дальше. Но подгоняло время. Надо было успеть осмотреть Гарни.

На обратном пути не все поднимаются к храму. А ведь место уникальное. На вершине утеса, высоко в горах, одиноко высится стройный языческий храм I века н. э. Поражают его удивительные пропорции и строгая классическая архитектура. Это сохранившаяся резиденция первых армянских царей. Со всех сторон отвесные скалы кроме одной, укрепленной крепостной стеной для отражения неприятеля.

Когда мы стали спускаться, я воспользовался моментом и стал рассказывать Мери о судьбе моего деда, погибшего в Армении, и о моей книге о нём. Почувствовав её неподдельный интерес, я увлекся и уже не мог остановиться вплоть до самого Еревана. Сбивчиво, боясь не успеть, я выложил всё, что меня волновало в последние годы: историю вооруженного нападения Турции на Армению в 18-м году, победоносные сражения армянского корпуса, трагизм положения офицеров при отступлении и гибель многих из них. Мери меня не останавливала, хотя, думаю, что утомил её своим напором. Она, как историк и журналист, заинтересовалась и стала расспрашивать меня, вдаваясь в некоторые подробности. Уже прощаясь, она пообещала:

– Я непременно прочитаю вашу книгу и ознакомлюсь с архивными документами. Я передам знакомым журналистам всё, что вы мне рассказали.

Тем более, что в мае следующего года Армения будет отмечать 90-летнюю годовщину этих сражений.

Вечером Инна спросила:

– Миша, ну ты доволен путешествием в Гегард и Гарни?

– Нет слов! Я всё ещё нахожусь под впечатлением увиденного. Вы доставили мне огромное удовольствие, что и говорить. К тому же я встретил Мери, а это тоже большая удача.

На следующий день я передал Мери мою книгу о Василии Осипянце с дарственной надписью, которая гласила: «Глубокоуважаемой славной Мери с благодарностью и надеждой».

В Национальном архиве Армении я встретился и поближе познакомился с зам. директора Соней Суреновной Мирзоян. Заочно мы уже знали друг друга. Именно она занималась моим письмом и готовила ответ об участии моего деда в сражениях 18-го года. Она была знакома с моей книгой, принимала близко к сердцу мои переживания и пыталась мне помочь. Чувствовалось, что судьбы офицеров армянской армии, сражавшихся за независимость страны, ей далеко не безразличны. В тот день она вспомнила печальную историю полковника Николая Корганова, одного из героев Караклиссской битвы:

Памятник Н. А. Корганову

– Несколько лет назад мы получили письмо от сына Корганова из Австралии и немедленно стали собирать материалы на него. А позднее он и сам приехал в Ереван. Вы, наверное, знаете, что полковника Корганова расстреляли большевики в 1921 году. Так вот, его жена сумела бежать вместе с сыном за границу. Они благополучно добрались до Австралии и там осели. Только через семьдесят с лишним лет была восстановлена справедливость, и доброе имя полковника вернулось в нашу историю. В сквере у театра Сундукяна теперь установлен обелиск с именами офицеров, репрессированных Советской властью. Сын Корганова приезжал на его открытие.

Соня Суреновна останавливается на минуту, чтобы перевести дух и продолжает:

– Миша Корганов собирался на собственные средства поставить бюст отцу на этом обелиске и уже летел в Ереван, но по пути скончался. Сердце не выдержало. Ему было 80 лет. Трогательная история, не правда ли?

– Да, – киваю я, – трогательная, но вместе с тем обнадеживающая. Возвращаются славные имена героев Отдельного армянского корпуса, кадровых офицеров Царской армии. Героев Армении и Царской России.

Соню Суреновну интересуют мои дальнейшие планы, и я выкладываю всё без утайки.

– Теперь, когда я имею достоверные подтверждения гибели моего деда, я непременно напишу книгу о Караклисском сражении и его последних днях жизни. Кроме этого, я собираюсь поехать в горы в село Чанахчи и найти место его захоронения.

– Не езжайте в Чанахчи, – отговаривает Соня Суреновна. – Вы ничего не найдете. Там живут азербайджанцы. Они вам просто ничего не покажут. Вы потеряете время, да ещё будете переживать, что не нашли могилы.

– Нет, нет! Я обязательно найду. Это мой долг. Если не сделаю этого, душа будет болеть.

Национальный архив Армении передал мне все копии имеющихся документов по Караклисскому сражению, и заслуга в этом принадлежит, безусловно, Соне Суреновне. Она сделала для меня всё, что было в её силах. Мы делали вместе одно общее дело, и она прекрасно это понимала. Восстановить и сохранить для истории имена всех воинов, всех героев, сражавшихся за свободу армянского народа, – её работа, и она с успехом выполняла возложенную на неё благородную задачу. Вечером я спустился в центр и нашел тенистый сквер у театра Сундукяна. Я стоял перед заброшенным скромным постаментом из красновато-коричневого мрамора. Он небольшой, в человеческий рост, и на нём просматриваются надписи на армянском языке. Ничего не понять. Я в полном недоумении. Кому этот памятник? Никто из прохожих ереванцев не может ничего объяснить. Что делать? Рядом – телевизионщики. Молодые парни снимают новости. Обращаюсь к ним, но они тоже ничего не знают.

Тогда я подхожу поближе к постаменту и внимательно всматриваюсь в непонятную мне армянскую письменность. Вдруг, среди армянских слов, проявляется одно на английском языке. Я читаю: «KORGANOV».

Именно об этом памятнике говорила Соня Суреновна. И я его разыскал. Было только немного грустно оттого, что памятник армянским офицерам, расстрелянным Советской властью вместе с Коргановым, был какой-то неухоженный и невидный. Не успел сын Корганова установить на нём бюст отца. А ведь, должно быть, как мечтал осуществить это!

Побывал я и в Эчмиадзине, в центре армянской христианской религии, признанной государственной аж в 301 году н. э. Само поселение – одно из древнейших – I век н. э. Господи, вы только представьте, I век, прошло всего сто лет после рождения Христа. Римская империя правила тогда миром, но

была рядом и Великая Армения – огромная страна, простиравшаяся от Кавказа до побережья Средиземного моря. Исчезли целые народы, что окружали Армению: финикийцы, вавилоняне, ассирийцы, парфяне, мидийцы. Армяне выстояли благодаря своей вере. Основоположник армяно-григорианской религии Григорий Просветитель положил начало эчмиадзинскому собору в непосредственной близости от царского дворца, подчеркнув тем самым государственный статус христианской религии. В этом соборе зарождалась духовная культура армянского народа и его вера. Именно она помогла сберечь нацию и пройти сложный многовековой исторический путь через все трудности, беды и лишения. В судьбоносные дни 1918 года здесь у стен Эчмиадзина собирались добровольцы, чтобы оказать посильную помощь армянским воинским частям генералов М. Силикова и Д. Пирумова в борьбе с коварными турецкими захватчиками. Среди них было и много священников. Но главное, что всех объединяло, – армянская религия. Люди с такой верой в душе не могли не победить!

Кафедральный собор поражает своей монументальностью и строгим величием, да и как иначе: армяне – один из первых христианских народов на Земле. Обустроенный вокруг храма монастырь включает резиденцию католикоса всех армян, церковь Рипсима, духовную семинарию и другие церковные учреждения. Рядом с собором находятся гробницы выдающихся пастырей нации – армянских католикосов прежних веков.

Вход в собор – с западной стороны, как и во всех армянских церквях. Этому есть своё объяснение. Первые лучи солнца с востока попадают во внутрь храма через узкие отверстия купола и освещают божественным светом алтарь.

Я вхожу под своды древнего собора. День не выходной, но очень много приезжих и туристов. Толпа порой мешает сосредоточиться и почувствовать всю глубину веков и духовность дома Господа. Верхняя часть купола расписана армянским орнаментом в благородных темно-оранжевых тонах,

временами плавно переходящих в иссинь-фиолетовые. Внутри довольно светло. Стены украшают многочисленные иконы.

Я с интересом рассматриваю алтарную часть и основной иконостас. Всё скромно и торжественно. Нет блеска золота и богатой пышности, нет роскоши чрезмерной, что порой ослепляет вошедшего помолиться и поговорить с Творцом. И это так верно, ведь ты в гостях у самого Господа, а сын его Христос был простым человеком, равнодушным к богатству, власти и славе. Его богатство, как и любого человека, – в душе.

Моё внимание привлекает пленительная картина мадонны с младенцем. В глазах столько нежности и материнской любви! Она вся струится каким-то неземным светом и теплом. Я замер и не могу оторваться. В руках у меня зажженная свеча. Я смотрю в эти ласковые глаза мадонны и прошу её про себя побережь там наверху моих родных и мою маму.

Мне хотелось сфотографировать эту картину, и я уже приготовил фотоаппарат, но меня остановил служащий-семинарист, совсем ещё молодой юноша.

– Я бы разрешил вам, – сказал он, – но, видите, сколько здесь туристов. Они тут же вслед начнут щёлкать, а это запрещено. Простите меня, но никак не могу допустить этого.

Пришлось запечатлеть мать Христа в памяти. Ничего не поделаешь!

С правой стороны проход в музей. Здесь выставлены редкие экспонаты и дары Эчмиадзину: серебряные сосуды разных размеров, кресты тонкой ювелирной работы, кадила, посохи из серебра с драгоценными камнями и церковные одеяния. Много древних манускриптов и книг в серебряных окладах. Можно увидеть и большой сосуд для варки «миро» – церковного отвара обряда крещения. Мне рассказали, что «миро» варят только в Эчмиадзине, а затем отправляют всем армянским церквям по всему миру.

Мои дедушка и бабушка были армяно-григорианского вероисповедания, и дети их, включая и мою маму, все были крещены в армянской церкви, поэтому для меня посещение центра армянской религии

было важным событием. Я прикоснулся ненадолго к таинству армянской духовной жизни и прочувствовал глубину веры, объединяющей один из древнейших народов мира.

Мы едем с Инной в Сардарапат. Это недалеко, к западу от Еревана у самой границы с Турцией, рядом с рекой Аракс. Место святое уже тем, что в грозные майские дни 1918 года именно здесь была одержана историческая победа армянских войск над турецкой армией. Быть в Ереване и не посетить Сардарапат было бы непростительно с моей стороны.

Лишь только мы отъехали от столицы, как я Его, наконец, увидел во всем великолепии. Слева вдали виднелся Арарат, неприступный исполин, упирающийся своей снежной вершиной прямо в небо. Этим утром он полностью открыл мне всю свою красоту и мощь, ведь в обычные дни Арарат зашторен облаками. Он притягивал меня, и я всё время искал его глазами. Мне казалось, будто этот сверкающий белизной немой свидетель истории пытается поведать мне то, что видел с высоты своей. А видел он многое! Он пережил всю историю многострадального армянского народа с древнейших времен. И хотя, по воле судьбы, находится по другую сторону границы, в Турции, он каждое утро подымается вновь и как бы говорит армянам: «Я с вами!»

Через час мы были в Сардарапате. Теперь здесь целый монументальный комплекс, воздвигнутый ещё в советское время.

Машина останавливается, и мы не спеша идем к нему. Четыре стелы, увенчанные ожерельем колоколов, видны издалека. Впереди – два могучих крылатых быка, упирающихся в землю. Они символизируют волю и мужество воинов, отстаивших независимость Армении в смертельной схватке. Откуда взялись силы у народа отразить турецкое вторжение?

Коварный враг находился почти у стен Эчмиадзина, и многие тысячи добровольцев пришли тогда на помощь отступающим войскам. Тысячи офицеров Отдельного Армянского корпуса, армян и русских, сражались не щадя живота своего, тысячи добровольцев и солдат проливали кровь за свою родную землю. Все они – герои и вечная им слава! Сардарapat, Баш-Апаран, Караклис – три битвы насмерть, принесшие долгожданную свободу армянскому народу.

Чувство гордости за своего деда, сражавшегося бок о бок с этими героями, не покидало меня. Говорят, что колокола звонят отныне каждый год 28 мая, в годовщину победы. В советское время об этой победе не больно-то вспоминали, да и имена офицеров были под запретом, многие из которых были репрессированы и расстреляны. Другие вынуждены были навсегда покинуть страну.

Я молча низко кланяюсь этим героям. Их самоотверженность и самопожертвование обеспечили тогда восстановление Армянского государства. Герои не умирают, они остаются на века! Они – бессмертны!

Как тут не вспомнить слова командующего Болгарскими войсками Петогерова при вручении «Креста храбрости» Андранику Озаяну во время Балканской войны 1912 года;

*Памятник героям
Сардарapatского сражения*

«... Вы, армяне, все – герои и сражаетесь как львы... Народ, который ценит своих героев, никогда не умрет. Будущее такого народа светлое, его спасение близко».

На обратном пути мы решили подъехать к ещё одному памятнику, который привлек наше внимание. По своей наивности и незнанию мы полагали, что это, должно быть, памятник русским казакам, о котором писала пресса год назад.

Но, поднявшись по бесконечным ступеням ближе к памятнику, мы поняли, что ошибались. Монументальное творение изображало одноглавого орла. Скорее этот герб мог принадлежать Армении или Первой Дашнакской республике, но никак не России, а значит, и памятник был не русским войскам, да и надпись на армянском языке говорила о чем-то ином.

Как же разобраться? Читать по-армянски Инна не умеет, и мы обращаемся с просьбой к детям, которые тут же неподалеку взбираются за нами. Они начинают читать по слогам и не могут ничего объяснить нам. На помощь им приходит молодая женщина, видимо, их мать. Она подходит к нам и, полагая, что мы туристы, спрашивает на английском языке:

– Вы говорите по-английски?

– Да, да, – с радостью киваю я ей, и она начинает рассказывать историю этого монумента.

– Памятник этот был воздвигнут нами, потомками героев Муша-Дага.

В далеком 1915 году армяне, проживавшие в местечке Муша-Даг в Киликии,

Памятник героям Муша-Дага

подверглись нападению турецких войск. Они ушли в горы и сражались с турками в течение 40 дней. Все они были обречены на гибель, если бы не подоспевший французский корабль. Он принес им спасение. Многие армяне очутились тогда в Ливане и там осели. Некоторые перебрались во Францию. Мои дедушка и бабушка с малолетними детьми переехали в Канаду. Я – их внучка и живу сейчас в Канаде. Многие армянские семьи возвратились несколько лет назад сюда в Армению и основали поселение Муша-Лер. «Лер» - это «Гора» по-армянски, по-тюркски «Даг». Потом появилась идея установить памятник героям Муша-Дага, и все потомки принимали в этом участие. Я привожу сюда своих детей каждый год, чтобы они помнили свою Родину и гордились ею.

Я был взволнован рассказом. В её словах не было пафоса, одна только безграничная любовь к родной земле и героическим предкам. К стыду своему, мне ничего не было известно о героическом сопротивлении в далекой Киликии.

Доброжелательность и манера общения этой молодой армянки из Канады располагали к дальнейшей беседе. Я не сдержался и поведал ей и то, что наполовину я – армянин и что мой дед, кадровый полковник Царской армии, сражался здесь в 1918 году и погиб после Караклисского сражения.

– Значит, вы – армянин, – подытожила услышанное моя новая знакомая. – Вы непременно должны знать армянский язык, ведь так? Нас мало, и мы разбросаны по всему миру. Но, где бы мы ни жили, нам надо объединяться, и в этом будет наша сила.

– Вы правы. Стыдно не знать свой родной язык. Я попытаюсь, но не могу обещать. Начинать учить язык в моем возрасте – нелегко.

Надо было прощаться. Женщина вынула из сумочки листок бумаги и аккуратно записала для меня всю историю Муша-Дага, которую мы только что слышали.

– Чтобы вы не забыли, – сказала она с улыбкой.

Да разве можно забыть? Неужто можно жить и не помнить прошлого? Само провидение подарило мне эту удивительную встречу с молодой армянской эмигранткой после посещения Сардарапата. Теперь я был твердо убежден, что ни один подвиг, ни одно имя защитника отечества не будут забыты следующими поколениями.

Последний прощальный вечер в Ереване я провел со своими друзьями в маленьком уютном кафе на улице Абовяна. Эта центральная улица, пожалуй, самая нарядная. Здесь много сохранившихся старинных домов двух-трехэтажной постройки. Они-то и придают очарование проспекту, а разросшиеся платаны добавляют теплоту. По вечерам шумно. Многие выходят погулять семьями с детьми. Молодежь, веселая, неугомонная, собирается большими компаниями и гуляет до темноты. Для жителей города – это как Арбат для москвичей. А сколько хорошеньких белокожих молодых девушек, прогуливающихся в толпе! Стройные, высокие, с темными пленительными глазами, они привлекают внимание и от них невозможно оторвать глаз.

Мои друзья волнуются и озабоченно спрашивают, доволен ли я своей поездкой. Да, конечно, очень доволен, отвечаю я. Многие места повидал впервые, повстречался с интересными людьми и увожу с собой целую папку архивных документов. Я узнал, наконец, тайну гибели моего деда и что с ним произошло. Жаль только, что нет в живых его детей и некому все это рассказать. Я продолжал говорить, когда Инна вдруг прервала меня. Она хочет что-то сказать, и мы все внимательно слушаем.

– Давайте выпьем и вспомним семью Осиповых. Это были удивительные люди. Я благодарна судьбе, что она свела меня с ними. Я часто вспоминаю наши чудные встречи в Тбилиси. Этот флигель у самой скалы,

запах роз и такой светлый образ бабушки – Елизаветы Иосифовны. Мои родные, как и я, так любили навещать этот дом.

Слова Инны растрогали меня. Мы молча поднимаем бокалы и вспоминаем ушедшие годы, старый Тбилиси, наш район Сололак, детские впечатления и тревоги, наших родных. Увы, былого не вернуть.

Мы поднимаемся, хотя время не позднее и никто не хочет расставаться. Но Нона торопит. Завтра первой маршруткой нам уезжать в Тбилиси и вставать рано. Ей тоже не хочется уходить. Не избалована она вечерними кафе и встречами с друзьями. Целый год сидит одиноко в своей квартире и ждет, когда я нагряну из Москвы. Терпеливо ожидает следующего лета и моего очередного прибытия.

Следующим утром мы покинули Ереван.

Глава VI. Караклисское сражение

Мой дед, полковник Василий Каграмонович Осипянц, благополучно добрался до Тифлиса в начале декабря 1917 года. В штабе Армянского корпуса он встретился с командующим генерал-лейтенантом Ф.И. Назарбековым, которого давно знал ещё по службе в 14-ом Гренадерском Грузинском полку, и получил назначение командиром 4-го стрелкового полка в дивизию генерала М.В. Арешева. Вместе с корпусом он участвовал во всех сражениях с турецкими войсками от Сарикамыш до Караклиса вплоть до провозглашения независимости Армении. Именно во главе 4-го стрелкового полка прошел он этот путь. В моей книге «Кавалер Георгиевского оружия Василий Осипянц» была допущена досадная ошибка. Не имея тогда на руках архивных данных Национального архива Армении, я полагал, что он командовал 2-м стрелковым полком, ссылаясь на

воспоминания маршала И.Х. Баграмяна. Это не соответствовало действительности.

Однако вернемся к событиям, происходившим на Кавказе в то время, событиям запутанным и тревожным.

1918 год. Закавказская Федерация, объединяющая Грузию, Армению и Азербайджан, пытается создать независимое государство на развалинах Российской империи. Ещё существуют Южный фронт во главе с главнокомандующим Российской армией генерал-майором Е.В. Лебединским, хотя в Петрограде у власти большевики с Лениным. Полная неразбериха.

Такая сложная обстановка способствовала появлению надежд у султанской Турции вернуть все потерянные в ходе I Мировой войны территории на Кавказе и восстановить пограничную линию, существовавшую до русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

После подписания позорного Брест-Литовского мира в марте 1918 года Советская Россия соглашается на отвод своих войск из Ардагана, Карса и Батуми. Ценой баснословных уступок огромных территорий большевики стремятся во что бы то ни стало удержаться у власти. Русские солдаты эшелонами покидают фронт. Начинаются активные действия Турции по всей линии фронта и это, несмотря на то, что правительство Закавказской Федерации не признало большевистской власти в России и, тем более, Брест-Литовский договор. Военные операции на юге продолжаются, однако теперь туркам противостоят кавказские войска: Отдельный Армянский корпус во главе с генерал-лейтенантом Ф.И. Назарбековым и Отдельный Грузинский корпус во главе с генерал-лейтенантом В.Д. Габашвили. Могли ли они противостоять натиску турецких дивизий?

Спешно созданные отдельные национальные корпуса в декабре 1917 года не имели ещё достаточного опыта ведения боевых операций, солдаты были плохо подготовлены и обучены, да и дисциплина была не на должной высоте. Что же касается офицерского состава, то он был блестящим: генералы и полковники, капитаны и штабс-офицеры ещё Царской армии; многие имели высшие боевые награды, в том числе ордена Св. Георгия и Георгиевское оружие, за участие в недавних сражениях I Мировой войны. Такому офицерскому корпусу могла бы позавидовать любая европейская держава.

В Армянском корпусе служили многие офицеры прославленных кавказских полков Императорской армии, наводивших ужас на противника своим присутствием на передовой. В первые же месяцы войны 14-го года они покрыли себя немеркнувшей славой. Они участвовали в самых тяжелых сражениях на Западном и Южном фронтах. Их перебрасывали на те участки, где положение казалось безнадежным, и они всегда выходили победителями. Вот что рассказывает капитан К.С. Попов:

«Погоны 13-го Лейб-гвардейского Эриванского полка были желтого цвета. Полк одним своим участием в боях вызывал панику у противника, за что и прозвали их «желтыми дьяволами».

Русское офицерство, скопившееся в Тифлисе после крушения императорской власти и падения Временного правительства, также охотно принималось на службу в национальные войска. Им-то и возвращаться было некуда. В Советской России их ожидало преследование и гибель. Здесь же они могли по-прежнему сражаться с внешним врагом за земли бывшей империи.

Однако в целом национальные армии, ведомые даже таким прекрасным и опытным офицерским корпусом, не могли изменить положения на Кавказском фронте.

Заняв 12 марта Эрзерум, турки продолжили движение к Карсу. 16 марта начались бои вокруг Мерденека и Ардагана. А в конце месяца

развернулось сражение у Сарикамыш. После упорных и ожесточенных боев почти две недели Отдельный Армянский корпус отошел к Ново-Селиму. 5 апреля сдали Сарикамыш, а 7 апреля Ардаган.

В начале апреля турецкая армия перешла в наступление и на участке Отдельного Грузинского корпуса. Сначала заняли форт Авария, а 15 апреля Батуми. Одновременно турки по линиям железных дорог подошли к подступам Карса.

Мирные переговоры с Турцией, начавшиеся ещё в Эрзеруме, были перенесены в Батуми и всячески затягивались. Закавказская федерация, объявившая свою независимость 22 апреля 1918 года, предпринимала любые шаги для умиротворения зарвавшегося правительства Оттоманской империи. Ради собственного спасения они готовы были пожертвовать и Карсом, чего настойчиво добивалась турецкая сторона.

Председатель нового правительства Закавказской Федерации А. Чхенкели вынужден был отдать приказ командующему Отдельным Армянским корпусом генерал-лейтенанту Ф.И. Назарбекову сдать город и крепость Карс противнику без боя.

Несмотря на упорное возражение командующего, его доводы и нежелание покидать крепость стратегического значения Карс, который армянские войска могли бы прочно удерживать не менее месяца, правительство А. Чхенкели заставило генерала Назарбекова сдать город. 25 апреля турки заняли этот важный населенный пункт без единого выстрела. Войска Отдельного Армянского корпуса отходили за р. Арпачай к Александрополю.

Вот отрывок из донесения в Тифлис комиссара Карской крепости Дзамаева:

«Ввиду неожиданной и чрезвычайно быстрой для нас всех сдачи Карской крепости, население, всемерно приготовившееся к защите твердыни Закавказья, было вынуждено бросить буквально всё и оставить 25 апреля в 5

часов вечера объятый пламенем Карс. Горели лучшие здания. Картина отхода населения неопишима».

Закавказское правительство имело возможность дать отпор туркам под Карсом, но оно не воспользовалось ею. Военную твердыню и базу Закавказья уступили туркам, но расчеты правительства подписать мирный договор с Турцией не оправдались. Переговоры в Батуми затягивались, и Порта выдвигала всё новые условия. Теперь перед турками простиралось все Закавказье, униженное и, казалось, обреченное. Тем не менее, новое требование турецкой стороны – сдать г. Александрополь и передать железную дорогу Александрополь-Джульфа было решительным образом отвергнуто.

Агрессивные планы Турции включали не только присоединение Армении и Грузии, но и захват Баку с его богатыми нефтепромыслами. Турция стремилась стать властелином всего Закавказья. Поэтому-то переговоры в Батуми шли без успеха. Турция выжидала момент и готовила новое наступление.

К началу мая Отдельный Армянский корпус располагался вдоль границы 1877 года по рекам Арпачай и Аракс. Справа – отряд легендарного генерала Андраника, в центре у Александрополя – дивизия генерал-майора М.В. Арешева, на левом фланге – отряд Мореля и дивизия генерал-майора М.М. Силикова.

Коварное нападение турок на Александрополь произошло 15 мая в первый день Пасхи. Войска Отдельного Армянского корпуса не смогли сдержать напор орды турецких дивизий. Здесь, очевидно, сыграл фактор внезапности и значительного превосходства в численности войск. Была утеряна бдительность. Всем казалось, что вот-вот будет подписан мирный

договор и прекратятся военные действия. Никто не мог предвидеть наступления турецких войск, да ещё в день светлой Пасхи. Оно было неожиданным и зловещим.

Вот как описывает корреспондент «Кавказского слова» от 8 июня 1918 года эту катастрофу:

«Раннее утро 15 мая на редкость выдалось прекрасное... вдруг затрещали пулеметы, послышался грохот орудий. И молнией пронеслась весть – турки перешли Арпачай, посты расстреляны в упор нарушившими перемирие турками.

В городе творилось нечто страшное, жуткое, что можно лишь почувствовать, но нельзя передать. В истерике бились женщины ... многие в одном белье, схватив детей в охапку, бросив все, бежали. Часам к 11 лагерь и казачий пост были в руках турок. Город стали крыть из тяжелых орудий. Александрополь пал к ночи...»

Командующий корпусом Ф.И. Назарбеков в этот день был еще в городе, пытаясь организовать оборону, штаб корпуса днем раньше перешел в Караклис. Турки повели фронтальную атаку с охватом флангов. Завязалось сражение, но силы были неравны. Участвовавшие в бою части отдельной конной бригады полковника Н. Корганова и полки дивизий, уступами стоявшие на флангах, после упорного сопротивления вынуждены были отступить. В ночь на 16 мая под давлением превосходящих сил противника войска армянского

Командующий корпусом Ф.И. Назарбеков

корпуса отступили по трем направлениям: части генерала Андраника откатились на север на Борчало, дивизия генерала М.В. Арешева вместе с командующим – через Джаджурский перевал на Караклис, части генерала М.М. Силикова и полковника Мореля – вдоль железной дороги на Эчмиадзин. Отдельный Армянский корпус потерпел жестокое поражение. Разрозненные части корпуса, не имея связи между собой, продолжали хаотическое отступление.

Историк В. Шамбаров в своей книге «За Веру, Царя и Отечество» раскрывает перед нами страшную картину преступлений турецких войск после взятия Алесандрополя: «Было взято 4 тысячи пленных, с которыми расправились с крайней жестокостью – их везли в тыл и отдавали на растерзание толпам гражданского турецкого населения, вооруженным палками, камнями, ножами».

А дальше толпа творила самосуд, и несчастных воинов забивали насмерть. Звери, другого слова не подобрать.

Казалось бы, после падения Александрополя и отхода армянских войск турки должны были бы остановиться. Но нет. Буквально через несколько дней они вновь продолжили наступление по всем направлениям. Штаб Отдельного Армянского корпуса обосновался в Дилижане. В штабе – упадническое настроение, паника и никакой связи с отступившими частями войск. Армянские соединения, не до конца сформированные, плохо снабжаемые, изнуренные непрерывными боевыми действиями, находились в полной дезорганизации.

Турция праздновала победу, и её представители на переговорах в Батуми не хотели даже слышать о создании Армянского государства.

Насколько трагичным и безысходным было положение армянских войск, свидетельствует, полная отчаяния, телеграмма командующего корпусом в Армянский национальный Совет Агаряняну от 16 мая 1918 года:

«...Положение армянских частей войск до чрезвычайности затрудняется тем, что мы находимся между двумя врагами. Впереди у нас – турки, в тылу – татары и в случае дальнейшего наступления турок нам дальше некуда отходить. Крайними пунктами, дальше которых нельзя отступать, я считаю Джалал-оглы и Воронцовку на правом фланге, Санаин – в центре и Дилижан и Новобаязет – на левом фланге. Спрашиваю указаний, как быть в случае подхода турок к этим предельным пунктам. К сожалению, у меня нет надежды на то, что части войск окажут врагу должное сопротивление, на занимаемых ими ныне позициях – дезорганизация частей корпуса полная. Полки обратились в роты, так, в восьмом стрелковом полку пока 120 человек. В седьмом стрелковом – пока собралось лишь несколько десятков человек. Самым грозным вопросом для вверенного мне корпуса в данное время является вопрос питания войск всеми видами продовольствия. Из-за невозможности своевременной эвакуации и вследствие наплыва беженцев, недостатка подвижного состава Карса и Александрополя и захвата в обоих пунктах огромных запасов турками, оставшиеся в распоряжении корпуса запасы, боевые, вещевые, продовольствия и фуража, оказываются совершенно ничтожными: запас трехлинейных патронов – всего лишь на один бой, другими словами патронов у нас почти нет. Винтовок нет совершенно. Обмундирования и обуви совершенно нет, имеется лишь некоторый запас белья. Муки вовсе нет. Сухарей, считая суточную норму по фунту на человека, имеется на семь дней, имеется лишь некоторый запас крупы и сахара. Имея в виду, что на подачу корпусу патронов и продовольствия из Тифлиса рассчитывать трудно и что вместе с тем наши войска уже почти достигли указанных выше предельных пунктов возможного отхода, приходится признать: положение наше без помощи

извне безвыходным, делающим невозможным дальнейшее продолжение войны с турками.

16 мая 1918 г. 22 часа 30 мин.

Комкор Назарбеков»

Картина разложения и развала войск предвещала надвигающуюся катастрофу и крушение. Началось массовое дезертирство солдат. Они самовольно покидают позиции и разбегаются. По сообщениям генерала М.В. Арешева, в его дивизии осталось около 800 человек. Генерал М.М. Силиков доносит о бедственном положении Эриванского отряда и невозможности далее управлять войсками. Обстановка такова, что требуется немедленное заключение мира с турками на любых условиях. Казалось, что неотвратимо надвигается беда и остановить зарвавшегося противника уже невозможно. Смертельная угроза нависла над всем Закавказьем.

К исходу 22 мая положение войск Отдельного Армянского корпуса становится все более угрожающим и тревожным. Генерал М.М. Силиков ведет тяжелые бои под Сардарapatом, генерал Андраник сосредотачивает свои части у Джалал-оглы, прикрывая прорыв турецкой конницы в Лорийскую степь. Получено донесение о движении турецких войск на Баш-Апаран. Караклис полностью сдан туркам. Немногочисленные полки дивизии генерала М.В. Арешева отходят к Дилижану.

В этот трудный час генералы Ф.И. Назарбеков и М.М. Силиков обращаются за помощью к армянскому народу. Это был единственный выход. На карту было поставлено само существование армянской нации. Генералы призывают всех армян встать с оружием в руках во имя спасения Родины, встать на священную войну за свободу и независимое Армянское государство. Тысячи и тысячи добровольцев, воодушевленные призывами военачальников, стали прибывать из районов Араратской долины, Эривани и Эчмиадзина. Массовое их появление в частях регулярных войск на юге Армении подняло дух солдат и укрепило их веру в свои силы.

Народные ополченцы оказали неоценимую помощь в боях под Сардарapatом.

Тем не менее положение войск на севере Армении продолжало оставаться тревожным, если не сказать безнадежным. Тифлис был далеко, и помощи было ждать неоткуда.

В штабе корпуса в Дилижане с утра 24 мая царило подавленное настроение перед надвигающимся крахом и безоговорочной капитуляцией. Армении грозило полное уничтожение.

Начальник штаба генерал Е.Е. Вышинский собрал всех офицеров русского происхождения и сообщил им, что дальнейшее сопротивление невозможно. Под угрозой общего развала армии и в связи с окончанием военных действий офицеры освобождались от своих обязанностей и присяги. Дабы избежать плена, им предлагалось прорываться через горы в соседнюю Грузию.

Генерал Е.Е. Вышинский сообщил при этом, что командующий генерал Ф.И. Назарбеков вместе со штабом и оставшимися офицерами будут сражаться до конца, а в случае дальнейшего преследования уйдут дальше в горы Карабаха и продолжат партизанскую войну.

Командующий предложил покинуть штаб и самому генералу Вышинскому, но оно было отвергнуто в категорической форме: «Я солдат. Вы – мой начальник. Где будете вы, там буду и я. Вас не оставлю». Сколько в этих скупых словах мужества и верности присяге! Фигура настоящего офицера и воина, готового к самопожертвованию ради спасения армии и фронта.

Полное поражение Армении ожидалось с минуты на минуту. Офицеры медлили и не расходились. Казалось, все ждали чуда, и оно произошло.

Будто сам Творец дал последнюю надежду христианскому народу и его армии избежать крушения. За несколько часов коренным образом изменилась ситуация. Поступили сообщения об ожесточенных боях со значительным успехом армянских войск в Сардарапате и Баш-Апаране. В штабе корпуса воспряли духом. Среди офицеров ликование. Срочно вновь собирают офицерский корпус и объясняют произошедшие перемены. Надо немедленно выступить и помочь войскам, сражающимся на юге Армении.

Общая операция наступления на Караклис поручается полковнику А.П. Бей-Мамиконяну. В группу войск входят: 1-ый стрелковый полк полковника К.М. Гамазяна, 2-ой стрелковый полк во главе с полковником С.К. Самарцевым, 3-ий стрелковый полк под командованием полковника С.А. Алабина, 4-ый стрелковый полк во главе с полковником В.К. Осипянцем и конный полк под командованием полковника А.П. Мелик-Шахназарова. Передовой отряд поручается возглавить полковнику Н.А. Корганову. В него входят особый конный полк в две тысячи человек, полк конно-горной батареи полковника Б.И. Кобылецкого, три горные батареи и один пехотный полк.

Основная цель операции – занять Караклис и любой ценой удерживать этот рубеж. Это позволит создать угрозу туркам с севера и заставит противника передислоцировать одну из дивизий с юга, где армянским войскам сопутствует удача. Войска выступили в ночь с 24 на 25 мая и молниеносно заняли Караклис и его окрестности. Началось знаменитое Караклисское сражение.

Несколько дней продолжалась эта битва не на жизнь, а на смерть, значение которой ещё будет по достоинству оценено историками. Как и

предполагалось, турки оттянули на север главные силы своей 9-ой дивизии, чтоб вновь овладеть Караклисом.

По высотам впереди Караклиса они сосредоточили значительные силы и повели наступление со стороны Амамлы. Силы были неравны, но армянские войска, воодушевленные успехами на юге, сражаются мужественно и стойко. В течение двух дней неприятельские атаки отражаются и не имеют успеха. Армяне не только обороняются, но и сами переходят в наступление. История сохранила нам беспримерные подвиги отдельных офицеров. В первый же день сражения погиб смертью героя капитан артиллерийской батареи Г. Мовсесян. В отсутствие снарядов он лично возглавил атаку своих солдат на турецкие позиции и отбросил их. Полковник Н.А. Корганов находился все время на передовой под непрерывным пулеметным огнем. Личным примером он поддерживал дух в войсках, не щадил себя. Фронтальная атака его передового отряда принесла первый долгожданный успех. И 26 мая противник дрогнул и отступил, неся большие потери. И хотя по флангам стояли недоукомплектованные стрелковые полки, скорее роты без каких-либо резервов, офицеры и солдаты бились отчаянно против превосходящих в несколько раз турецких частей.

Значительное превосходство в живой силе и технике способствовало медленному продвижению турок. Не было сил, не хватало патронов и снарядов, чтобы остановить врага. 27 мая неприятель занял позицию у горы Маймах. Создалась реальная угроза с фланга. Армянской группе войск грозило окружение, но они отходили, продолжая сражаться.

Кто же были эти воины, которые оказывали отчаянное сопротивление, эти офицеры, которые сражались насмерть, понимая, что речь идет о судьбе Родины? К сожалению, известны лишь немногие имена героев, хотя все участники Караклисского сражения могут называться героями, все до единого.

Сражение продолжалось, и была ещё надежда на помощь отряда народного героя Армении генерала Андраника, который находился недалеко

от правого фланга в районе села Дсих. Но он не пришел. То ли личная обида, то ли другая причина не позволили ему помочь Караклисским воинам.

28 мая турецкие войска глубоким обходом с флангов отрезают путь отступления большей части корпуса. Армянские войска покидают позиции.

Сведений, как и где, на каком участке воевал мой дед, командир 4-го стрелкового полка В.К. Осипянц, у меня нет. Нет даже плана военной операции, по которому можно было бы определить позицию полка во время сражения.

Отрывистые донесения отдельных командиров скупо освещают его присутствие в группе войск. Вот выдержка из рапорта командира роты 1-го стрелкового полка поручика Тер-Петросянца:

«По дороге встретил начальника дивизии полковника Бей-Мамиконяна. Передал, что дорога обстреливается турками. Немного не доходя до деревни Кишляг, навстречу мне вышла турецкая кавалерия и начала рубить панически бегущих жителей и солдат. Не встретив своей роты, я повернул обратно в Караклис, где застал командира 4-го Армянского стрелкового полка Осипянца. Не знаю, какая участь постигла его, так как я побежал к мосту и стал бросать всё моё оружие, как огнестрельное, так и холодное, в реку».

Это происходило 28 мая. Полковник Василий Осипянц всё ещё находился в Караклисе. Одним из последних он покинет село.

Командир 5-ой горной батареи штабс-капитан А.Д. Векилов свидетельствует в своем донесении о подробностях отступления 28 мая:

«Полковник Корганов приказал двигаться всем на Санаин... Полковника Корганова и весь остальной отряд, который двинулся по полотну железной дороги, мы потеряли из виду, так как дорога сворачивала в лесистую гору. Не доезжая до станции Шагали, я потерял из виду штабс-капитана Пирумова, поручика Акопянца, штабс-капитана Зарикянца и прапорщика Арутюнянца, которые с частью солдат поскакали вперед... Вечером прибыли в деревню Шагали, где встретили командира 4-го полка

полковника Осипянца. Мы решили на другой день с утра двинуться на станцию ж.д. Санаин, где и связаться с полковником Коргановым, дабы получить дальнейшие инструкции».

Тут я бы сделал осторожное предположение, что, возможно, 4-ый стрелковый полк и был тем самым пехотным полком, входившим в передовой отряд полковника Н.А. Корганова. Это подтверждается некоторыми обстоятельствами, а именно, полковник Осипянц принимает указания от полковника Корганова, да и находится во время отступления среди старших офицеров, входящих в передовой отряд. Но это уже задача армянских военных историков.

Четыре дня продолжалось судьбоносное Караклисское сражение. Четыре дня, с 24 по 28 мая, бились отчаянно солдаты и офицеры Отдельного Армянского корпуса с превосходящими силами турецкой армии. Четыре дня смогли продержаться бесстрашные воины. Всего четыре дня, а дальше началось отступление. Но они отступали победителями. Эти четыре дня беспримерной битвы измотали турецкие воинские части и дали возможность армянским войскам на юге Армении одержать убедительную победу под Сардарapatом и Баш-Апараном. Они заставили Порту признать независимость Армянской республики и подписать перемирие. Караклис пал, но это сражение принесло общую победу армянскому народу. Военные историки дают однозначную оценку Караклисскому сражению как кровопролитному, но победоносному.

Слова, сказанные главнокомандующим турецкими войсками на Кавказском фронте Мамед Вехиб-пашой: «Это была редкая битва в истории войн... Под Караклисом армяне показали, что они могут быть лучшими солдатами мира», являются верным тому подтверждением.

И добавляет тифлисская газета «Кавказское слово» от 12 июня 1918 года:

«Но больше всего подействовали на турецкого главнокомандующего 4-дневные бои под Караклисом, где против наскоро собранных и даже не

сведенных в батальоны и полки 7000 армян при 10 орудиях и 20 пулеметах турки имели 10000 отборных войск, 70 орудий и 40 пулеметов. И все же конечный успех дался туркам ценой огромных жертв. Первые два дня армяне отбивали все турецкие атаки, сами переходя в контратаки, и лишь истощение патронов и снарядов заставило прекратить эту героическую борьбу и отойти назад».

Положение армянских войск, выходящих из окружения, было тяжелым. Отступающие воинские части и разрозненные соединения устремились по единственному не занятому противником пути – железной дороге в Санаин. К вечеру 29 мая здесь скопилось до двух тысяч офицеров и солдат, среди которых находились полковники Н.А. Корганов, В.К. Осипянц, Н.А. Владимиров и Б.И. Кобылецкий. Пробриться с боем в Тифлис или Дилижан не было никакой возможности. Дороги были перерезаны и контролировались турками. Учитывая ситуацию, командир передового отряда полковник Н.А. Корганов принимает единственно правильное решение – распустить отряд и пробиваться из окружения отдельными группами. Небольшие отряды во главе со старшими офицерами стали немедленно покидать Санаин и уходить в горы по разным направлениям.

Большая часть солдат и беженцев, в количестве до 500 человек, двинулась вдоль железной дороги в сторону Борчалинского уезда. Они пытались добраться до немецкой колонии Екатеринфельд. Уставшие, голодные, сломленные бойцы несли впереди белый флаг с одной лишь целью выбраться и достичь Тифлиса, лишь бы выжить. По пути из засады их всё время обстреливали местные татарские банды. С большими потерями половина этих несчастных дошла до села Болнис-Хачин. Здесь их ждала западня. Глава села и «просвещенный помещик» Исрафиль-бек пообещал

провести солдат в немецкую колонию при условии сдачи оружия. Они поверили этому, казалось бы, «благородному» человеку и были на всё согласны. Не знали, что ждет их впереди. А он, выстроив безоружных людей и окружив своей охраной, повел их через татарское село Капанахчи. Замысел был коварный. В пути он бросил пленников на растерзание татарской толпе, и они оказались в самом логове зверя. Дикая толпа извергов творила хладнокровное убийство, расстреливая в панике метавшихся людей. Мусульмане с кинжалами в руках раздевали раненых и приканчивали тех, кто был ещё жив. Почти все были перебиты. Тяжелораненые солдаты с пробитыми черепами и распоротыми животами умирали на земле.

Прапорщику 6-й горной батареи Агамаяну посчастливилось уцелеть в этой бойне. Вместе с несколькими военнослужащими он добрался до Тифлиса и рассказал подробности кровавой драмы под Екатеринфельдом в своем рапорте от 6 июня 1918 года.

Другая группа младших офицеров во главе с командиром 1-го армянского артиллерийского дивизиона полковником Н.А. Владимировым была взята в плен в селе Алаверды. Прапорщик Карского крепостного полка Карапетянц и подпоручик Смирнов в своих показаниях описывают ужасающую картину бесцельного убийства 25 пленных, совершенного солдатами регулярной турецкой армии. Пленных отвезли к северу от Алаверды к не приметному разъезду Ашаги-Сераль и там свершили злодеяние. Вечером 3 июня турки заставили офицеров снять сапоги и вывели всех из вагона.

Полковник Н.А. Владимиров всё время успокаивал молодых офицеров и говорил, что регулярные войска не расстреливают пленных и не совершают зверств. Он, действительно, верил этому. Всю войну 14-го года существовали негласные международные нормы среди воюющих держав — не расстреливать пленных. Как он был наивен. Турки отвели офицеров в сторону от разъезда версты на три, отобрали деньги, велели раздеться и сесть в кучу. Вооруженные турецкие солдаты, расположившись вокруг

безоружных людей, приготовились к стрельбе. В ответ на протесты полковника Владимирова и его предложение расстрелять его одного как командира, сохранив тем самым жизнь молодым, послышалась ругань и стрельба. Часть пленных бросилась врассыпную. Из всей группы спаслись только трое. В Ашаги-Сераль было перебито 12 русских, 9 армян и 4 грузин. Трупы убитых были расчленены и сброшены в глубокий колодезь. Озверевшие турецкие военные пытались скрыть следы преступления.

Группа офицеров около 35 человек во главе с полковником Н.А. Коргановым взяла направление на Дилижан через горные хребты. Чтобы избежать возможного пленения, военные передвигались горными тропами и часто меняли местонахождение. Гвардии штабс-капитан А.Д. Векилов подробно описывает этот переход в своей докладной от 14 июня 1918 года:

«Больше 2-3 дней нигде не задерживались, так как местные сельчане боялись, что турки будут мстить им за укрывательство офицеров. По этой причине они нас принимали не очень доброжелательно.

Необходимо было двигаться вперед и жить в самых тяжелых условиях, иногда даже не в селах, а в высокогорных кочевьях, где пасся скот. 7 или 8 июня в селе Шнох встретили полковника Мацнева с капитаном Рославцевым, которые сообщили нам новость – 1 июня заключен мирный договор с турками. Они же сообщили нам месторасположение штаба корпуса и частей дивизии. Эта новость имела для нас большое значение. Так как уже нечего было бояться плена, то на рассвете 7 июня вместе с полковником Н.А. Коргановым коротким путем через горы двинулись в Дилижан..., куда прибыли 11 июня к вечеру».

Большая группа офицеров и солдат, примерно 200 человек, во главе с полковниками В.К. Осипянцем и Б.И. Кобылецким устремилась на север левее Шулаверы. По мере продвижения эта группа разбилась на два отряда. Один отряд, состоящий почти полностью из офицеров 4-го стрелкового полка вместе с командиром полка В.К. Осипянцем, двигался скрытно по

глухим нехоженым горным тропам и лесистым холмам. Чуть правее продвигался отряд полковника Б.И. Кобылецкого. Направления выбирались таким образом, чтобы избежать столкновения, как с турецкими войсками, так и с многочисленными татарскими бандами. Была опасность встречи и с армянскими мародерами. Чего греха таить, находились такие нелюди и среди собственного народа.

Видимо, через день оба отряда благополучно перешли Лалварские горы и достигли сёл Ахкерпи и Чанахчи. К этому времени уже было известно о начале переговоров с турками о перемирии и, может, от этого была утеряна бдительность. Возможно, повлияла и погода. Всю дорогу шел непрерывный дождь. Промокшие, уставшие, изнуренные переходом воины совершили непоправимую ошибку. Они вошли в армянские сёла.

Детали произошедшей кровавой трагедии представляет нам доклад начальника информационного бюро Военного министерства Армянского национального совета штабс-капитана Малхазова от 17 июня 1918 года. Привожу его с некоторыми сокращениями:

«После отступления из Караклиса отряд армян воинов под командой полковника Кобылецкого в количестве 150 человек прибыл в ненастную дождливую погоду в село Чанахчи. Село в ожидании турок было эвакуировано и оставались только старики. Пока местные жители-армяне убеждали воинов уйти в лес, так как ожидалось турки со стороны Ахкерпи, появился отряд сувары в количестве 105 человек. Отряд вел с собой человек 30 армян воинов, плененных в Ахкерпи, в числе коих был и полковник Осипянц.

Полковник Кобылецкий устроил совещание для разрешения вопроса о сдаче или сопротивлении.

Принимая во внимание, что мир уже заключен, что сопротивление поведет, правда, к истреблению всего появившегося отряда сувары (турецкая конница, примечание М.И. Артеменко), но вызовет со стороны новых отрядов репрессии по отношению к местному армянскому населению,

полковник Кобылецкий настоял на сдаче оружия, тем более, что прибывшие представитель турецкого отряда – офицер и проводник того же отряда – житель села Ахкерпи... убеждали, что все сдавшиеся будут тотчас же отосланы в Тифлис.

Отряд сдался и по обезоружении все пленные были загнаны в конюшню в имении Лорис-Меликова, в длину 3 сажени и в ширину аршин 5-6.

К вечеру турки потребовали, чтобы пленные разбились на группы по городам для отсылки их. Армяне заявили, что все хотят в Тифлис.

Их оставили в покое, но поздно ночью в конюшню явились турки, и частью выводя, частью же на месте начали холодным оружием истреблять пленников. Таким образом, все пленные были перебиты.

У некоторых турки сняли новое обмундирование и оделись сами, потом уходя часа в 2 ночи, они подожгли конюшню.

После их ухода жители с. Чанахчи потушили огонь и открыли двери. В живых остались два раненых солдата, показания которых отбираются.

Два дня трупы лежали неубранные и начали разлагаться. На третий день все

Полковник Василий Осипянц

трупы были собраны в арбы и вывезены за село, где свалены ... без всякого порядка и зарыты. Раскрытие могилы никаких результатов в смысле опознания не дало, так как трупы уже разложились...»

Штабс-капитан Малхазов приводит в своем докладе имя предателя-армянина, жителя села Ахкерпи, указавшего туркам местонахождение офицеров с целью их последующего ограбления. К сожалению, такие факты имели место. Я не стану называть имя иуды. Оно должно быть предано забвению. Оно не должно стоять рядом с именами героев-офицеров, взошедших на свою Голгофу в армянском селе.

Гибель полковника В.К. Осипянца в Чанахчи косвенно подтверждается и рапортом подпоручика 4-го стрелкового полка А. Назаретянца от 17 июня 1918 года. По его рассказу, отряд офицеров во главе с полковником В.К. Осипянцем достиг села Ахкерпи к вечеру 30 мая. На ночь разместились в домах сельчан. Не знали, что это приведет к роковым последствиям. Нагрянувшая турецкая конница захватила их врасплох. Турецкие всадники, переодетые в армянскую военную форму, окружили часть младших офицеров вместе с подпоручиком А. Назаретянцем и, взяв в плен, повели в село Чанахчи.

По дороге армянским офицерам удалось бежать и скрыться в лесу. Только ночью в горах они нашли армян-кочевников, один из которых был местный ахкерпинец. От него на следующий день они узнали, что всех оставшихся в селе офицеров повели в Чанахчи. А через два дня тот же сельчанин принес страшную весть – в селе Чанахчи турки перебили более 120 армянских военнопленных, включая и офицеров, захваченных в селе Ахкерпи.

Подпоручик Арам Назаретянц приводит в своем отчете и список офицеров 4-го стрелкового полка, казненных турками:

1. Полковник Василий Каграмонович Осипянц (командир полка) – убит,
2. Подполковник Арам Иванович Карагезов (пом. командира) – убит,

3. Поручик Оганес Тер-Исаакянц – убит,
4. Прапорщик Самсон Галустянц – убит,
5. Прапорщик Арсен Тер-Арутюнянц – убит,
6. Прапорщик Ашот Качазнуни – убит,
7. Прапорщик Аршак Калантаров – убит,
8. Прапорщик Вардан Ананиев – убит,
9. Прапорщик Арменак Меликянц – убит,
10. Прапорщик Кервалов – убит,
11. Прапорщик Шахназарянц – убит,
12. Прапорщик Мисак Оганесянц – убит,
13. Прапорщик Асатур Тер-Арутюнянц – убит.

Турецкие войска, охваченные яростью и злобой после изнурительного Караклисского сражения и длительного противостояния, где они понесли большие потери, устроили настоящую расправу на оккупированных ими территориях. В Караклисе после захвата села 28 мая началось поголовное истребление как военнопленных, так и мирных жителей. Пленных офицеров и солдат расстреливали небольшими партиями в ближайшем лесу. Одновременно не прекращалась резня местных жителей. Некоторые семьи были полностью вырезаны. Женщины подвергались изнасилованию и уничтожению. Никого не щадили, даже детей. Резня продолжалась 4 дня. По некоторым сведениям, там погибло более 1000 военнопленных и, возможно, столько же мирных жителей.

Кровавый шлейф турецких злодеяний прошелся по всей оккупированной захватчиками территории Армении. Это был неслыханный доселе террор, осуществленный войсками регулярной армии. Турецкие войска покрыли себя несмываемым позором, и подобному преступлению не

может быть прощения. Преступление против человечности не имеет срока давности.

Турецкий разбой в Армении поощрялся до поры до времени союзной Германией. Но когда турецкие части продвинулись вплотную к столице Закавказья, разногласия между Турцией и Германией усилились. Немцам не хотелось допустить владычества Турции на Кавказе, им больше нравилась идея федерального государства Грузии и Армении под эгидой Германии. Поэтому они стали настойчиво требовать от Турции освободить оккупированные армянские земли и направили свои воинские соединения в Закавказье. Немецкие эшелоны начали прибывать в Тифлис как со стороны Турции, так и морским путем через Батуми.

Героические победы, одержанные армянскими войсками под Сардарapatом, Баш-Апараном и Караклисом заставили Турцию признать суверенитет Армении и заключить перемирие. 28 мая Армянский национальный Совет, по примеру Грузии, провозгласил создание независимого армянского государства. Военные действия приостановлены начиная с 12 часов 2 июня, а 4 июня были подписаны мирные договоры Грузии и Армении с Турцией. По этим договорам Армения сумела отстоять свои восточные области и свою государственность. 17 июня 1918 года первое правительство Армянской республики во главе с Качазнуни переезжает в Эривань. Это стало возможным благодаря мужеству и героизму воинов Отдельного Армянского корпуса и тысяч добровольцев. Многие из них отдали свои жизни за эту свободу.

Общее положение в Армении было нелегким, но настроение в войсках оставалось приподнятым. Им досталась победа. Долгожданная, трудная победа ценой огромных потерь и жертв, но победа!

Как же были счастливы офицеры и солдаты, победившие в недавних кровопролитных боях с грозным и вероломным противником, те, кто сумел выжить, кто избежал плена и гибели, те, кто добрался до Дилижана или Эривани. Они писали через тифлиские газеты своим родным и близким, что остались живы, пытались скорей успокоить свои семьи. Таких сообщений множество.

«Кавказское слово» от 11 июля 1918 года:

«Прибывший из штаба 1-ой армянской дивизии А.Г. Арутюнов сообщает, что нижепоименные чины штаба живы и здоровы: полковник Бей-Мамиконян, инженер Аргутинский-Долгоруков, полковники: Пирумов, Давидов, Корганов, Каракешишев, подполковники: Годзиев, Шах-Назаров, Мириманов, капитан Легин, штабс-капитаны: Торосов, Мелик-Гусейнов, Арутюнов, Мазманиян, поручики: А. Полунц, Мурадян, Степанянц, Чимишкян, подпоручики: Степанянц, Абгаров, Г. Гайджунцев, В. Меликян, прапорщики: Касальян, Амирагов, Торосов, Г. Айрапетян, Ходжалянец с отцом, Г. Азизянц, О. Григорян, доктора: Лазарев, А. Белубекян, Г. Хачатуров, Тер-Мартиросян, Мелик-Карапетынц, Саакянц, чиновники: Г.С. Давыдов и Мануков...»

«Тифлисский листок» от 14 июля 1918 года:

«В Эривани находятся офицеры 6-го армянского стрелкового полка, которые шлют привет своим знакомым и близким.

Полковник А.С. Долуханов,

подпоручик С. Шевердов,

врачи: М. Тер-Матеузов и Тер-Акопов,

чиновники: Л. Сафаров, О. Тер-Захаров и В. Чернов,

подпоручик А. Вартанов,

прапорщик А. Дабанак».

«Тифлисский листок» от 19 июля 1918 года:

«Командир, офицеры и всадники 1-го армянского конного полка шлют привет родным и знакомым из Эривани.

Полковник Мелик-Шахназаров,

подполковник Ананов,

поручики: Еган-бек, Калантаров, Тумаев, Шимкевич,

штаб-ротмистр Аванов,

корнеты: Джагетян, Александров,

прапорщик Хунуянц,

врачи: Бинатян, Александров, Балашов».

И только убитые хранили молчание. Они не могли о себе дать знать. Не было вестей и от полковника Василия Осипянца, а ведь его так ждали застрявшие во Владикавказе его супруга Лиза и три маленькие дочери. Не получил сообщения от отца и его сын Миша в Тифлисе. А потом случилось несчастье. Пришло известие о его гибели. В их дом пришла беда. Горе, безутешное горе сразило эту некогда счастливую семью. Они навсегда потеряли любимого отца, своего защитника и опору.

Армения не досчиталась многих своих отважных сыновей. Большинство участников Караклисского сражения, до последнего вздоха сражавшихся в смертельной схватке с врагом, погибло. Мало кто уцелел и выбрался из окружения. До сих пор неизвестным остается количество потерь.

Судьба жестоко обошлась с офицерами славного Армянского корпуса. Национальных героев Армении, победивших в сражениях при Сардарапате, Баш-Апаране и Караклисе, ожидало уничтожение и полное забвение с приходом Советской власти в 1921 году. Большая их часть была этапирована

в Россию и расстреляна, лишь немногим удалось эмигрировать и жить на чужбине вдали от Родины. Они не посрамили офицерской чести и не пошли на сотрудничество с новой властью. К большевикам примкнули только немногие младшие офицеры.

Командующий корпусом генерал-лейтенант Ф.И. Назарбеков был арестован, отсидел несколько лет в лагере и окончил свою жизнь в нищете и одиночестве в Тифлисе в 1928 году.

Начальник штаба корпуса генерал Е.Е. Вышинский умер в Армении в 1919 году до прихода Красной Армии. Он успел ...

Командир 1-ой стрелковой дивизии генерал А.П. Бей-Мамиконян арестован в 1921 году и расстрелян.

Командир 2-ой стрелковой дивизии генерал М.М. Силиков расстрелян в 1937 году.

Командир особого отряда генерал-майор Андраник Т. Озонян эмигрировал, умер в Калифорнии в 1927 году.

Командир одной из частей корпуса полковник Г.Е. Нжде (Тер-Арутюнян) бежал в Болгарию, умер в 1954 году.

Зам. командира 2-ой стрелковой дивизии генерал Д.А. Пирумов погиб при загадочных обстоятельствах в 1921 году.

Генерал М.В. Арешев был арестован в 1921 году и его дальнейшая судьба неизвестна.

Командир артиллерийского дивизиона полковник Х.Г. Араратов расстрелян Советской властью в 1937 году.

Командир особого отряда полковник Н.А. Корганов расстрелян в 1921 году.

Командир 5-го стрелкового полка полковник П.К. Пирумов покончил с собой при аресте в 1922 году.

Командир 1-го стрелкового полка, полковник Д.А. Коракешиев расстрелян в 1921 году.

Командир 2-го стрелкового полка полковник С.К. Самарцев арестован в 1921 году и, по всей вероятности, расстрелян.

Командир стрелкового полка полковник К.М. Гамазян расстрелян Советской властью в 1921 году.

Командир стрелкового полка полковник А.А. Алабин – судьба не известна.

Полковник Д. Канаян (Дро) эмигрировал в 1921 году. Умер в Бостоне, США в 1956 году.

Командир 1-го Армянского конного полка, полковник А.П. Мелик-Шахназаров расстрелян Советской властью в 1937 году.

Командир 6-го стрелкового полка полковник А.С. Долуханов расстрелян в 1937 году.

Список этот бесконечный. У меня в руках архивные документы репрессированных военных Армянской армии первой республики. Мелькают фамилии генералов и полковников, капитанов и штабс-капитанов, поручиков и прапорщиков. Много русских фамилий. Всех ожидала гибель. Так расправилась новая власть с героями-офицерами.

Глава VII. Цветы на могилу деда

Ранним утром мы с сестрой покидали город на маршрутке «Ереван-Тбилиси». Нас провожала Инна. Она улыбалась и махала нам рукой на прощание. Продолжала что-то говорить, видимо, чтобы приезжали снова и не забывали. Да разве услышишь, когда машина уже тронулась. Я уезжал в прекрасном настроении и увозил с собой массу добрых впечатлений. Мои друзья постарались, чтобы мне понравилась столица Армении, и я был благодарен им за это. В Ереване я чувствовал, что нахожусь среди своих, близких мне по духу людей. Отношение к русским самое доброжелательное.

Дорога, вначале прямая вдоль Араратской долины, начинает позже подниматься вверх вплоть до Апарана. Вокруг холмы причудливой формы. Сами зеленые, а вершины усыпаны горкой камней. Камни разбросаны повсюду, будто кто-то искусственно их набросал, создавая такой причудливый ландшафт. Не видел никогда ничего подобного. После

перевала мы в Северной Армении. Здесь картина резко меняется. Скалистые горы чередуются с лесистыми горными массивами. Проехали Караклис (Ванадзор), Санаин, затем Алаверды. Места живописные и ни с чем несравнимые. Суровая природа. Горы надвигаются с двух сторон и, кажется, вот-вот перегородят дорогу. Непроходимые леса уступают место отвесным скалам. И снова леса. Дорога вьется вдоль горной реки и копирует прихоти ее изгибов. Рядом слева железнодорожные пути.

По этой самой дороге уходили отступающие войска 1-го Отдельного Армянского корпуса после Караклисской битвы в 1918 году. Я начинаю в очередной раз перебирать в памяти отдельные рапорты и донесения участников того героического сражения. Всё моё существо взволновано теперь теми событиями. Возбуждение растет с каждым километром пути. От этого не уйти, и я не в состоянии переключиться и отдохнуть. Я пытаюсь вздремнуть, но не могу. Всё перемешивается как в кипящем котле: генералы и полковники, отдающие приказы, крики, ругань и стоны раненых, грохот орудий, ружейные выстрелы, бегущие солдаты, офицеры и армянский гимн «Мер Айреник...», турецкая речь, татары и ... тишина.

Машина остановилась. Тбилисский автовокзал. Видимо, я всё-таки заснул в пути. Спросонья ничего не могу понять. Нона меня тормозит и объясняет:

– Приехали, Миша. Это уже Тбилиси. Возьмем сейчас такси и через полчаса будем дома.

Тбилиси встречает нас ласково. Погода теплая и нет изнуряющей жары, обычной для этого времени года. Кругом слышится знакомая с детства грузинская речь. Я нахожусь снова в родном своем городе. Да, Тбилиси – мой родной город, в нём я провел свои детские годы, окончил школу. Здесь жили все мои родные. Так думают все люди. Город, где ты вырос в окружении родных, остается самым дорогим на всю жизнь. Видимо, поэтому и мои родные считали Усмань своим родным городом, хотя всю жизнь прожили в Тбилиси.

Такси мчит нас по тенистой набережной вдоль Куры. Я считаю проносящиеся мимо мосты: Метехский, Мухранский, Воронцовский, Кирочный и, наконец, Дидубийский. Сейчас свернем на мост, и мы в Дидубе. Добрались.

Какое наслаждение – быть у себя дома после долгого отсутствия! Первые дни не хочется выходить. Наслаждаешься одним своим присутствием среди знакомой с ранних лет обстановки, рассматриваешь забытые вещи, книги, фотографии и вспоминаешь ушедшие годы и родных.

В гостиной на стене два портрета. Портрет бабушки я написал с натуры, когда она ещё была жива. Мне было тогда лет 14, и бабушка несколько дней подряд позировала мне. Вот уж не знаю, как мне удалось создать его, но портрет получился. Бабушка до сих пор смотрит куда-то вдаль, как живая. В её глазах – столько пережитого в жизни.

Портрет дедушки я написал позднее в начале 60-х годов в один из моих приездов домой во время учёбы в Москве. Инициатива здесь целиком была моей тёти Лены. Она, как и все остальные дочери, любила своего отца, но именно Лена настойчиво убеждала меня написать портрет «папы» и добилась этого. Сама, на собственные деньги, приобрела необходимые масляные краски, кисти, растворители и холст. Из своего заветного ящика извлекла бережно

хранимую редкую фотографию отца и передала мне для работы. Как здесь можно было отказаться!

В течение нескольких дней Лена всё время не отходила от меня, давая пояснения относительно тех или иных цветов и оттенков. Фотография была черно-белая, а как написать портрет, не зная ни цвета мундира, погон, орденов, да и всего остального. Память у Лены была потрясающая. Она помнила всё до мелочей. Без её помощи и советов ничего бы не получилось. Можно сказать, мы вдвоём создали портрет дедушки. В золоченой раме он занял достойное место рядом с портретом бабушки.

Среди моих родных самой строгой, но одновременно и самой скованной и нервной была, пожалуй, Лена. В детстве я не мог понять, откуда в ней такая нервозность, и приписывал это её характеру. Да и откуда мне было знать? Теперь, оглядываясь назад в прошлое, я ясно понимаю, что страх появился в ней ещё в раннем возрасте во время бегства из Усмани.

Представьте на минуту двенадцатилетнюю девочку, волею судьбы, оказавшуюся в России, охваченной пламенем гражданской войны. Преследование семьи. Бесконечные переезды из одной станицы в другую. Встречи с незнакомыми, а иногда и озлобленными, грубыми людьми. Обстрелы. Полуголодное существование. Надо было прятаться, скрываться, обманывать... Тревожное время 1918 года.

Мучительно переживала она и за младших сестер. Она была старшая и должна была присматривать за ними, оберегать их в отсутствие матери. Можно только предположить, что творилось в душе ребенка, как учащенно билось её сердце при звуке каждого взрыва или выстрела, при любом стуке в дверь, при бесконечных обысках.

Девочка не понимала, почему её добрую, доброжелательную и уважаемую ранее семью теперь преследуют, почему они должны скрывать имя отца – героя войны. Думаю, именно тогда, в то смутное время, в ней родился этот страх. Это было такое сильное потрясение, что отпечаталось в её подсознании на всю жизнь.

Уже в Тбилиси через много лет она по-прежнему выглядела скованной и нервной на улице, в общественном транспорте, среди незнакомых ей людей.

Лена успокаивалась и весело улыбалась только в кругу своей семьи и друзей. В эти минуты страх покидал её на время.

Знала ли она об обстоятельствах гибели своего отца полковника Василия Осипянца. Полагаю, что да!

Ненароком услышанное мною её высказывание, сохраненное моей памятью, позволяет сделать осторожное предположение, что она многое знала. Знала и одновременно скрывала от родных, не желая их волновать и вновь переживать горе потери «папы».

Случилось это в г. Степанаване (г. Джалал-Оглы) в 1955 году. Тем летом мы отдыхали в Армении вместе с нашими дальними родственниками. Место необычное на высокогорном плато. Вокруг бескрайние просторы альпийских лугов. Когда солнце уходило за горизонт и воздух насыщался прохладой и ароматом полевых цветов и сочной травы, мы совершали вечерние прогулки.

В тот вечер моя сестра Нона ушла вперед с подругой, а я шагал рядом с Леной и невольно стал свидетелем её беседы с нашей родственницей.

Ветер шелестел травой и шептал что-то снова и снова, накатываясь волнами, как бы желая напомнить о чем-то. И вдруг совершенно отчетливо я услышал голос Лены:

– Папа погиб после отступления где-то в этих краях. Они уходили отдельными группами, пробиваясь в сторону Грузии. Турецкая конница

перерезала все дороги, и они шли через горы. Знаете, на них нападали не только татары, но и свои же армяне с целью грабежа.

Лена приостановилась и, подумав, добавила:

– Да, где-то в этих местах погиб мой отец. Для нас это была трагедия. Помню, как переживала мама это горе.

Её слова врезались мне в память так сильно, что я до сих пор помню даже интонацию её немного отрешенного голоса. Лена что-то знала! Это было странно, тем более, что в семье всегда считали, что мой дед погиб где-то под Карсом, но никак не здесь, на севере Армении. Я был мальчиком и не придавал тогда значения её словам. Теперь – они меня поражают, ведь полученные архивные документы подтверждают факт гибели полковника Василия Осипянца в селе Чанахчи. Это совсем рядом со Степанаваном, всего-то километров 50.

Зададимся вопросом: «Откуда Лена могла знать и что она действительно знала?»

Лена находилась во Владикавказе до весны 1919 года вместе с матерью и сестрами. Ей было тогда всего 12 лет. Что-либо прочитать в местных газетах она вряд ли могла. Правда, одну владикавказскую газету «Терек» за 1918 год она хранила всю жизнь, но что было в ней, мне неизвестно. Газета давно утеряна. Бабушка ездила в Эривань два раза, но и ей ничего не удалось узнать. Вот – оригинал прошения вдовы полковника В. Осипянца Совету

Елизавета Иосифовна Осипянц

Министров республики Армения от 26 сентября 1919 года:

«Я приехала сегодня в Армению, где мне неизвестно даже место его гибели, чтобы пролить слёзы на его могиле и рассказать ему горькую правду о печальной судьбе детей. Исполнив свой долг перед Родиной, пожертвовав свою жизнь за счастье и свободу своей родной измученной страны, мой покойный муж не знает о том, что я одинокая теперь женщина – обречена на гибель с малолетними детьми, на неопределенную, но полную лишений и горя будущность детей, когда-то счастливых и радостных. Всё это лежит на совести власти той страны, которую их отец любил так безумно и который погиб смертью храбрых в мрачные дни национального поражения и народного горя при вторжении неприятеля вглубь страны в мае 1918 года».

Бабушке не сказали о трагической гибели мужа. Они не могли этого сделать. Было бы слишком жестоко сообщить ей, молодой красивой женщине, подробности злодейского и вероломного убийства. Где его захоронение и как он погиб, она так и не узнала.

В кадетском корпусе в Тифлисе учился старший брат Лены Миша. В 18-м году ему было 14 лет. Он знал, где воюет отец и, наверняка, следил за военными сводками по газетам. Наиболее читаемыми русским газетами среди офицеров считались в то время «Тифлисский листок» и «Кавказское слово». Миша мог прочитать о казни офицеров в селе Чанахчи в одной из этих газет. Он, вероятно, и рассказал Лене, как старшей сестре, правду о гибели отца. Возможно, что всё так и случилось, и они вдвоём хранили эту тайну до самой смерти.

Мне предстояло выяснить, было ли сообщение о казни офицеров в Чанахчи в тифлисских газетах и что это была за статья. Надо было разыскать старые газеты за 1918 год. Это была непростая задача.

В Государственной публичной библиотеке меня ждало разочарование. Газет на русском языке за 18-й год не сохранилось. Не так-то легко найти газеты столетней давности. Меня успокаивают и советуют обратиться в библиотеку Государственного университета. Ну что ж, остается еще надежда.

Еду туда, и моё упорство вознаграждается. Служащие университетской библиотеки предоставляют мне все русскоязычные газеты за 18-й год. Удача меня вдохновляет, и я несколько дней знакомлюсь с сообщениями журналистов о событиях, связанных с нашествием турок на Закавказье. Страницу за страницей я просматриваю с нетерпением и осторожностью, боясь пропустить что-нибудь важное. Статьи о Караклисском сражении, о подвигах её героев встречаются повсюду. Моя сестра рядом, помогает переписывать их от руки. Перед моими глазами пронесется вихрем хроника тех событий страшного времени, неравной схватки с коварным и вероломным врагом. Очень много информации. Однако о трагедии в селе Чанахчи – ни слова. Я задаюсь вопросом, почему так старательно замалчивалось это преступление, почему ни одна газета не поведала о кровавой расправе над беззащитными военнопленными. Время было тревожное. И, возможно, такое сообщение могло вызвать взрыв негодования тифлисской общественности, ведь в Тифлисе проживала значительная часть армянской интеллигенции, да и Армянский национальный совет находился также в столице Закавказья. Может быть, такое сообщение могло помешать заключению мирного договора с Турцией. Кто знает? Всё возможно. Заключается мирный договор с Турцией. Провозглашается создание независимых республик Грузии и Армении. Новое Армянское правительство и весь аппарат чиновников переезжает в Эривань – столицу новой Армении. В сентябре 1918 года вновь созданные республики будут торжественно встречать Энвер-пашу и, естественно, обострение отношений никому не нужно. Обиды забыты. Убитый офицер или солдат уже не больно востребован новым правительством. К чему тогда вспоминать о прошлом?

Так думалось мне, пока на глаза мне не попало одно сообщение в «Кавказском слове» № 140 от 9 июля 1918 года. Оно было как-то связано с событиями в Чахахчи и опровергало мои первоначальные предположения. Привожу эту статью с некоторыми сокращениями.

«Убийство редактора «Мшак» А. Аракеляна.

6 июля около 8 ч. вечера, у себя дома на улице Жуковского № 23 тремя выстрелами из маузера убит редактор газеты «Мшак» Ам. Аракелян. Убийство произошло при следующих обстоятельствах. Около 8 часов вечера в дом убитого явились трое неизвестных. Узнав, что Аракелян дома, они попросили прислугу доложить о них. Пришедшие поднялись на балкон и заявили, что имеют сообщить интересные подробности о резне армянских офицеров у села Чанахчи.

Заинтересованный Аракелян попросил их к себе в кабинет, причем туда вошли лишь двое, третий спустился с балкона и занял место у черного входа в квартиру Аракеляна.

Узнав о цели визита незнакомцев, жена Аракеляна также вошла в кабинет, чтобы расспросить их, не знают ли они чего-либо о судьбе сына доктора Шахпаронова. Неизвестные дали на это уклончивый ответ. Полагая, что неизвестные стесняются присутствия жены, Аракелян взглядом попросил её выйти из кабинета. Госпожа Аракелян вышла. Через минуты раздались выстрелы... Аракелян был мертв. Тело убитого было доставлено в Михайловскую больницу... Покойный в последние дни получал угрожающие письма...»

Редактор армянской газеты «Мшак», видимо, занимался расследованием преступления, совершенного турками в селе Чанахчи, и это стоило ему жизни. Кто-то явно пытался скрыть следы этого преступления. И на долгие годы оно было забыто...

Других статей о трагедии в Чанахчи разыскать не удалось. Возможно, такое сообщение всё же имело место в газете «Мшак», и по городу распространялись слухи. Трудно что-либо добавить.

Сомнений больше не было, теперь я точно знал обстоятельства и место гибели моего деда полковника Василия Осипянца. В селе Чанахчи в Грузии в одной братской могиле покоится его прах вместе с товарищами по оружию – воинами Отдельного Армянского корпуса. По разным документам количество казненных не совпадает. По одним – более 120 человек, по другим – до 150, а может и больше.

Найти это захоронение было моим долгом, и я, находясь в Тбилиси, тщательно готовился к поездке. Заранее по карте наметил маршрут в это высокогорное село через пункт Садахло и договорился не без помощи сестры насчет машины. Наконец, через два дня все проблемы, казалось, были решены. Едем вчетвером: я, моя сестра Нона и племянник Георгий. Повезет нас знакомый водитель Отари Гаприндашвили на своей старенькой Волге.

Выехали поздно, и это была наша первая ошибка, тем более, что день выдался жаркий и солнце пекло нещадно. Трудности начались после Садахло, когда свернули на разбитую проселочную дорогу. Теперь мы не ехали, а ползли. За час проехали всего несколько километров. Машина вздрагивала, преодолевая каждую выбоину, скрежетала и, казалось, вот-вот развалится на части. Дорога поднималась вверх. По пути – только татарские деревни с минаретами. А потом началось безлюдное пустынное плоскогорье. Теперь дороги не видно. Скалистый грунт и камни. Впереди крутой обрыв. Машина останавливается, дальше ехать просто невозможно. Тут нам не проехать. Солнце уже в зените, и воздух раскален до предела. Голова моя распухла от жары и нервотрепки, и я плохо соображаю. Что делать? Ехать ещё далеко, и мы вряд ли дотянем на этой старой машине. Я сдался и велел водителю возвращаться.

Вдали с левой стороны маячили зеленые холмы, скрывающие Чанахчи. Они глядели в мою сторону, приглашая продолжить путь. Манили меня, чтоб поделиться тайной, сокрытой в глубине ущелья. Но мы уже повернули назад...

Через 3 часа въехали в Тбилиси. Настроение явно подавленное. Я попросил водителя остановиться у ворот армянской церкви «Сурб Геворг». Под сводами храма – божественная прохлада и тишина. Внутри ни души. Я поставил свечку, зажег её и шепотом заговорил с дедушкой:

– Деда, мы не сумели доехать к тебе. Дорога вся разбита. Все очень устали и было страшно находиться одним в горах. Не добрались, а ведь разделяло нас всего несколько километров. Прости нас.

И почудилось мне тогда, будто эхом отозвались в сумраке церкви нежные успокаивающие душу слова. Они могли принадлежать только ему одному, моему деду:

– Да, это не близко, Миша. Это случилось дальше в глубине холмов. Трудно найти и, ох, как трудно доехать. Но я знаю тебя. В следующий раз ты сможешь. Ты обязательно придёшь.

Следующую попытку я предпринял только через год. Многие знакомые и друзья меня всячески отговаривали, говорили, район небезопасен, что дороги размыты, не доехать, высказывали различные сомнения в успехе предприятия, но я никого не слушал и не сдавался. Моя сестра бушевала больше других:

– Ты такой упрямый. Как вобьешь себе в голову какую-либо идею, так, несмотря на все уговоры, стремишься её осуществить. Ведь говорят знающие люди. Туда нельзя ехать. Там татары. Они могут нас ограбить, убить, бог знает, что сделать. А ты все твердишь одно и то же – едем, едем. Твоя мать,

будь она жива, никогда не разрешила бы тебе пускаться в такую рискованную поездку.

Нона не знала, что за несколько месяцев до смерти мама просила меня выяснить всё, что возможно, о гибели её отца, и я пообещал сделать это, чего бы мне ни стоило.

В этот раз мы с сестрой поехали в горы рано утром. Наш водитель, всё тот же Отари, уговорил участвовать и своего товарища Славу Маградзе, владеющего немного как армянским, так и татарским языком. Мы ведь толком не знали, кто в селе Чанахчи: армяне или татары. Прошло ведь 90 лет после той жуткой резни.

Кроме того, присутствие Славы, сильного рослого мужчины, всех как-то успокаивало. В горах всё может случиться. Дорога была нам уже знакома до определенного места. Село Садахло, затем проселочная грунтовая дорога. Наша машина ползет как черепаха, скрипит и грохочет, объезжая любую вмятину и торчащие камни, но движется. Было, конечно, боязно, что мы станем и уже никогда не двинемся. Смогу ли я уговорить людей ехать в третий раз? Вряд ли. Но, пока всё обходится. Движемся, медленно преодолевая препятствия. Проехали татарские деревни, а после началось совершенно глухое безлюдное плоскогорье. Наконец мы у знакомого крутого обрыва.

Скалистый спуск высотой в многоэтажный дом, такой страшный и непреодолимый, что дух захватывает. Все выходят из машины, кроме Ноны и водителя. Нона закрыла глаза, дабы не видеть этого безумного аттракциона. Но спускаться надо – это ведь единственный путь. Слава идет впереди машины и жестами показывает водителю, как сползать и куда поворачивать. Медленно, едва заметными движениями, временами замирая, машина двигается вниз по обрыву. Никто не был уверен в успехе, и все же мы одолели эту преграду. Внизу вновь садимся в машину. Теперь надо ехать вперед через дохлый мостик и налево в ущелье. Дальше тянется неплохое асфальтированное шоссе, чудом уцелевшее с советских времен. Тут машина

уже мчится к цели. Мы поднимаемся в горы все выше и выше. Природа здесь сказочная. С обеих сторон горы, покрытые густыми девственными лесами. Буйная растительность повсюду. Горный воздух – чистый и пьянящий. Проскочили указатель села Опрет, значит, скоро будем на месте. Действительно, через какие-то 10 километров показалось вдали то самое село, куда рвался я с такой настойчивостью. Мы останавливаем машину. В поле работают люди. Слава обращается к ним по-армянски. Спрашивает: «Чанахчи?» Люди кивают и что-то говорят. Слава богу, они армяне. Они показывают нам, как въехать в село через объездную дорогу. Наконец-то, мы въезжаем в село Чанахчи. Останавливаемся на маленькой площади в центре села.

Здесь много народа разного возраста. Я выхожу из машины, следом за мной Слава. К нам спешат две пожилые женщины. На лицах удивление.

– Вы, армяне? – спрашиваю их. В ответ они улыбаются и кивают мне. По-русски не говорят ни слова и зовут молодого юношу переводить. Теперь можно объясниться.

– Очень давно, 90 лет назад, в вашем селе случилась трагедия. Турки казнили здесь 150 офицеров армянской армии. Где их захоронение? Что вам известно об этом? Можете ли вы чем-нибудь помочь? Мне непременно надо найти это место. Я приехал издалека поклониться этим воинам, там могила и моего деда.

Село Чанахчи, 2008 г.

Речь моя получается от волнения сбивчивой, но юноша все переводит достаточно понятно, так как лица женщин постепенно светлеют, и они утвердительно кивают.

– Они знают, где это захоронение, – говорит юноша- переводчик. – Они вам покажут. Вам дадут проводника. Он проведет туда.

Женщины обращаются к одному из мужчин и о чем-то его просят. Видимо, показать нам дорогу и сопровождать нас. Нашего проводника зовут Фрунзиком. Он неплохо владеет русским, и поэтому дело продвигается.

– До конца села поедem на машине, – говорит наш проводник, – а дальше пешком. Машине там не проехать. Дорогу всю размыло.

Наш проводник Ф. Цатынян

Едем до конца села и останавливаемся у самого крайнего дома. Дальше идем уже пешком. По заросшей грунтовой дороге. Ноги утопают в грязи и трудно идти. Нона тащится за нами с букетом алых роз. Ей передвигаться трудно, и она сильно отстает. Наш поводырь Фрунзик Цатынян все это время рассказывает то, что он знает об этом преступлении:

– Турки убили и сожгли здесь много армянских воинов. Мне рассказывали, что здесь недалеко стояла конюшня. Часть людей заперли в ней и подожгли. Двое чудом выжили, когда жители открыли двери после ухода турок. Тут рядом всех и похоронили.

Ключевые слова: «конюшня» и «двое выжили» в точности совпадают с расследованием военного ведомства 18-го года. Мы идем именно к тому захоронению, к той братской могиле армянских офицеров, которую я так долго и настойчиво искал.

Неожиданно Фрунзик останавливается и указывает на небольшую ровную площадку уступом расположенную чуть ниже дороги.

– Вот – место захоронения, – говорит он, – раньше оно было отгорожено забором. Затем, когда забор снесли при советской власти, мы посадили здесь два ореховых дерева. Видите, какие они уже большие. Им не меньше 70 лет. Сколько времени прошло, но люди Чанахчи хорошо знают, кто покоится под этими деревьями.

Я спускаюсь вниз. Вокруг густая, влажная трава по пояс. Но она не может

помешать мне

подойти

вплотную к

месту

захоронения.

Мне передают

цветы, и я

укладываю их

под одним из

деревьев.

Десять алых

М.И.Артеменко у могилы деда. Чанахчи, 2008 г.

роз легли на братскую могилу армянских воинов. Я преклоняю колени и молча поглаживаю теплую кору дерева, будто она рука моего деда, будто я могу передать ему все, что на сердце: «Мы пришли к Тебе, дедушка! Нашли место, где убили тебя, где твоя могила. Спи спокойно вместе со своими боевыми товарищами. Вечная вам всем наша любовь, и память, и царство небесное!»

Здесь в метрах ста от села Чанахчи в глубине ущелья, у подножья живописных Лалварских гор, рядом с горной речкой покоятся воины Отдельного Армянского Корпуса. Никто и ничто не потревожит их вечного сна. Здесь живут армяне, и над могилой звучит только армянская речь.

Жители деревни бережно хранят могилу героев Караклисского сражения и передают эту тайну из поколения в поколение. Мы возвращаемся назад в деревню. На площади люди ожидают нас с нетерпением. Я благодарю их всех и каждому пожимаю руку. Как удалось им сохранить это место? Прошло столько лет, а они всё помнят до мельчайших подробностей!

Армяне обступают меня, говорят, что они всё время верили, что кто-нибудь обязательно придет поклониться героям. Они мне очень рады, и это видно по их улыбкам. Да, трагедия случилась в их селе, но они сберегли место. Сохранили его для потомков. Теперь его никто не забудет, ведь там растут два чудных ореховых дерева.

Я расспрашиваю их о том, как выживают они здесь, в заброшенной Богом забытой деревушке, высоко в горах.

– Живем, перебиваемся, – отвечают они, – конечно, трудно, дороги и связи нет. Нет здесь ни магазина, ни почты, ни школы, ни врача, ничего. Дети ходят пешком учиться в Ах-керпи. Только там школа. За пенсией для стариков отправляем одного человека пешком в районный центр, а это, ох, как далеко, около 60 километров. Он целый день в пути.

Мы прощаемся, и они спрашивают меня с надеждой:

– Вы приедете к нам ещё?

– Будьте уверены, непременно приеду, и очень скоро, – отвечаю я. – Я привезу с собой большой крест и мраморную плиту с именами покоящихся здесь воинов и мы вместе с вами обустроим их могилу.

Я не говорю им «прощайте». Я повторяю несколько раз «до свидания, до следующего года».

Мы покидаем село Чанахчи, и машина уже несется назад в Тбилиси. Я поглощен своими мыслями. Теперь у меня новая цель, и её надо осуществить.

Вернуться вновь и поставить здесь памятный крест с именами офицеров, до конца исполнивших свой долг перед Родиной. Лишь бы успеть...

Армения торжественно отметила 90-летнюю годовщину майских побед армянских войск 1918 года. Благодаря неустанным поискам и скрупулезной работе сотрудников Армянского Национального архива возвращены забытые имена многих героев тех кровопролитных сражений. Имя моего деда полковника Василия Осипянца заняло достойное место среди других офицеров Отдельного Армянского корпуса, сражавшихся за свободу и независимость армянского народа.

Газета «Голос Армении» опубликовала прекрасную статью Левона Микаеляна «Василий Осипянц, кавалер Георгиевского оружия». Она написана с такой теплотой и уважением к личности моего деда, что мне хочется привести выдержку из неё:

«Мы убеждены: вернутся все имена, и память обо всех героях будет увековечена. Ведь армянское государство, за создание и сохранение которого они отдали свои жизни, существует. И будет существовать до тех пор, пока будет помнить и воздавать должное своим героям и героическому прошлому».

Часть вторая

Княжеского рода

Глава I. Моя бабушка

После гибели полковника его жена Лиза с детьми перебралась весной 1919 года в Тифлис и поселилась в маленьком флигеле Силичевского дома на Бебутовской улице. Горе потери любимого человека было велико, но не сломило её. Она осталась одна с четырьмя малолетними детьми и, казалось, стояла на краю бездны.

Вдова полковника Елизавета Осипянц

Впереди никакого просвета, ни проблеска. Та беззаботная обеспеченная жизнь барыни, супруги полковника и коменданта города, с прислугой, полная благополучия и счастья, осталась далеко позади. Ей предстояло

бороться и выживать, не имея никаких ценностей и сбережений, ничего, кроме разве что нескольких вещей: пианино «Адольф Хорн», швейной машины «Виктория» и персидских ковров ручной работы, да и те жаль было продавать. Они были ей дороги, как память о том канувшем навсегда времени.

Семья Осипянц. Тифлис, 1924 г.

Семья бедствовала, и Лиза настойчиво пыталась получить помощь от Благотворительного общества в Тифлисе и Дашнакских властей в Эриване. Отдельные выплаты и разовые подачки чиновников не могли существенно повлиять на безвыходное положение семьи. Получить пенсию за потерю кормильца от Армянского правительства не удалось. Возможно, она бы и получила её, но нашествие Красной армии на Закавказье в 1921 году и приход Советской власти похоронили эту единственную надежду на спасение. Перед нею маячила нищета.

Елизавета Иосифовна Осипова с детьми: Мишей, Леной, Ниной и Анной

Нет, она никогда не пойдет с детьми просить милостыню, не станет нищенкой, не упадет на самое дно. Гордыня не позволит сделать этого. Многие люди молча сдавались

и погибали в таких условиях, но только не Лиза. Удивительная сила и мужество этой молодой красивой женщины поражают и заставляют восхищаться ею. Думаю, эти качества она унаследовала от своих предков – армянских князей Мелик-Алахвердовых. Сколько пришлось ей вынести в эти страшные годы: революционный шабаш, гражданскую войну в России, красный террор и преследование и, наконец, потерю горячо любимого мужа! А ведь не сдалась, не опустила руки, продолжала сражаться за жизнь своих детей и их будущее.

Да, тосковала, плакала втихомолку и ходила каждое воскресенье в церковь – зажечь свечу за упокой души супруга, но не смирилась. Она пошла работать в аптеку провизором. Служба не из легких, всё время на ногах, да и зарплата грошовая. Но только так можно было выжить и вырастить детей. Работы по дому тоже хватало: обежать магазины в поисках дешевых продуктов, успеть убрать квартиру и приготовить обед, проследить за детьми и их занятиями. Не оставалось ни минуты, чтоб отдохнуть и перевести дух. В выходные частенько брела на Колхозный рынок за свежими овощами и зеленью, а если приносила фрукты, то только для детей. Они росли, и их питание стояло на первом месте. Вечерами допоздна стирала, штопала и перешивала свои наряды под детские платья. Пусть одежда не из магазина, но чистая и аккуратная.

Елена Васильевна Осипова

И она победила в этой беспощадной схватке за жизнь и будущее своих детей. Все они, кроме Лены, получили высшее образование и работу. Все пользовались заслуженным уважением в старом Тифлисе. Михаил Васильевич Осипян после кадетского корпуса окончил железнодорожный институт и через несколько лет был уже блестящим инженером и

специалистом по строительству транспортных объектов. Елена Васильевна Осипова достигла положения в крупном тресте «Грузцветметразведка» и занимала должность инспектора по кадрам.

Её обширные познания, широкий кругозор и безукоризненная грамотность приводили в изумление как сотрудников, так и начальников учреждения. Они ценили её знания и дорожили её советом и помощью.

Моя мама, Нина Васильевна Осипова, стала химиком и защитила диплом кандидата химических наук в Москве, благодаря своей завидной настойчивости, целеустремленности и колоссальной

Нина Васильевна Осипова

работоспособности. С легкостью и без усталости работала она и дома и на службе. Анна Васильевна Осипян (в семье её с детства ласково звали Нюсей) завершила успешно экономический факультет университета и служила в том же тресте, где и её старшая сестра. Добрый нрав, отзывчивость и сердечность Нюси покоряли самых разных людей. Дружбой с ней многие просто гордились. Для своей же семьи она была незаменимым добрым ангелом.

Дети полковника Осипянца были разные по характеру и интересам, но всех объединяло нечто общее, а именно: достоинство, порядочность и высокая степень нравственности. Они гордо несли

Анна Васильевна Осипян

фамилию своего отца, правда, уже измененную с провозглашением Советской власти. Тут уж постаралась Лиза, опасаясь преследований со

стороны НКВД бывшей семьи офицера Царской армии. Теперь они были Осиповы. Конфуз вышел только со старшим Мишей и самой младшей Ньюсей. Те, несмотря на уговоры матери, наотрез отказались переделывать фамилию отца и сохранили её, откинув лишь устаревшее к тому времени окончание «ц».

Семья Осиповых к середине 30-х годов пережила все трудности и вихри событий и обрела некоторое благополучие и спокойствие. В доме царил дух взаимной любви, поддержки и уважения друг к другу. В этом была заслуга Лизы. Всё было достигнуто её непосильным ежедневным трудом, любовью к детям, материнской заботой об их будущем. Руки Лизы огрубели, на лице появились морщины, но это её мало удручало. На душе стало спокойней. Она выполнила сокровенную мечту своего супруга, ради которой и жила всё это время, – дать детям приличное образование, и добилась цели. Урожденная княжна Лиза Мелик-Алахвердова, вдова полковника Василия Осипянца, а теперь Елизавета Иосифовна Осипова могла

Михаил Васильевич Осипян

торжествовать, могла праздновать победу. Казалось, что отныне судьба будет милосердной и не принесет ей новых страданий, но злой рок будто преследовал её. Будто Всевышний пытался испытать до конца насколько сильна эта женщина, иначе как объяснить то несчастье, которое обрушилось на неё, и те страдания, через которые ей пришлось вновь пройти в 1936 году. В тот год умер её сын, её первенец, её гордость и опора, Михаил Васильевич Осипян. Жизнь всей семьи погрузилась во мрак. Остались одни женщины. Перенести этот удар оказалось гораздо сложнее. Елизавета Иосифовна постарела за несколько дней, седые пряди посеребрили её волосы, щеки

впали, глубокие морщины прорезали её когда-то молодое и красивое лицо и превратили в старуху. Утешения не помогали. Она медленно сдавалась; она не хотела больше жить. С ней обошлись жестоко. Горе подкосило её, и она медленно угасала.

Но жизнь преподносит нам порой загадочные и неожиданные пути возрождения.

Кажется всё,
дальше дороги нет,
но вдруг среди
мрачной и
холодной темноты
отчаяния
засверкает луч
света, куда можно
стремиться, а

значит, и
продолжать жить.

Е.В.Осипова с дочкой Ноной

Так произошло и с Елизаветой Иосифовной. У неё появились внуки. Сначала Лена вышла замуж и родила девочку в 1937 году. Назвали Ноной. А позднее Нина привезла из Москвы в 1941 году новорожденного двухнедельного сына, названного ею Мишей в честь брата. Это был я.

Появление в доме малышей, новые хлопоты и проблемы, связанные с их кормлением и уходом за ними, забота о них помогли Елизавете Иосифовне справиться со своим горем и разбудили дремавшие в глубине её существа силы, о которых мало кто мог подозревать. Она почувствовала себя вновь главой большой семьи и взвалила на плечи непосильную ношу хозяйки этого дома, где единственным мужчиной был совсем ещё ребенок. А время-то было тяжелое. Разгоралась Великая Отечественная война с её трудностями и лишениями.

– Мими, Мими! Бабушка зовет, – кричит во дворе большого силиковского дома пожилая армянка Финджо, наша соседка.

– Мими! Скорей иди домой, бабушка ждет, – продолжает торопить Финджо.

Это зовут меня. Я слишком увлекся ездой на стареньком трехколесном велосипеде и не слышал голоса бабушки. Меня все соседи называют «Мими» с самого раннего возраста. Виноват тут я сам. Кто бы ни спрашивал: «Как звать?», – я отвечал просто: «Мими», букву «ш» было трудно выговаривать. Это имя и пристало на многие годы вплоть до школьного возраста. Да и после некоторые соседи частенько сбивались на «Мими». Но в семье меня все звали

Мими

почтительно Мишей. Раз бабушка зовет, надо быть пошустрей. Я хватаю велосипед и тороплюсь назад к дому. Велосипед тяжелый, и его неудобно тянуть за собой, педаль задевает и царапает ногу. Но остановиться никак нельзя. Бабушка строгая. Наконец, угол дома, и я вижу на подъеме у крайней галереи мою бабушку. Она стоит в ожидании меня. Всегда в черном одеянии, всегда в трауре. Лицо строгое, без улыбки, но не злое, скорее озабоченное. У неё много дел, и она вечно занята, вся в работе по дому. Надо и на рынок и по пустым магазинам пробежать, вдруг что-нибудь «дают», надо прибрать квартиру, детей накормить, а еще на ней обед. Забот хватает.

Бабушка берет у меня велосипед, и становится легче. Мы спешим в наш старенький покосившийся флигель. Сейчас дома она меня накормит. Она подает мне тарелку каши, кусок черного хлеба и чашку чая. Затем щипчиками отламывает от большой сахарной глыбы несколько кусочков сахара и передает мне. Сама рядом тоже пьет чай вприкуску с кусочком сахара. Говорит, так слаще. В военное время вплоть до 47-го года с продуктами было трудно, и бабушка экономила на себе, оставляя больше детям и взрослым.

– Скоро придет Нона из школы. Будет делать уроки, а мы с тобой пойдем по магазинам, – говорит она.

Нона старше меня на четыре года. Учится уже в школе, поэтому считает себя главным ребенком и от этого уж больно важничает. Отсюда у нас с ней частые ссоры, случаются и потасовки. Но сейчас не до неё. Надо идти по магазинам. Это значит, мы пойдем в Резинотрест за хлебом и в гастроном на Эриванской площади. Почему все люди называли булочную Резинотрестом, я не понимал. Думал, наверное, в хлеб добавляли немного резины, чтоб его не так быстро съедали. Придумают же.

Выходить одному на улицу я побаивался. Да мне и запрещалось. Повсюду звучала незнакомая речь, и это пугало. Грузины говорили по-грузински, армяне – по-армянски, татары на своем языке. Тут еще курды и персы. Все разговаривали на повышенных тонах и жестикулировали. Такая многоголосица и пестрота уличной толпы страшили меня. Как тут не испугаться, когда не понимаешь, о чем люди говорят. В семье у нас говорили только по-русски. Взрослые, все, кроме бабушки, даже не знали другого языка. Знакомые бабушки общались с ней при встрече на улице тоже на русском языке, хотя она знала и свободно владела армянским.

Всё было как-то странно. Вроде семья армянская, а родного языка своего не знали. Тогда я многого не понимал, только чутьем чувствовал какое-то отличие от окружающих. Но в чём оно состояло, мне, маленькому мальчику, понять было невозможно.

Мы с бабушкой идем по Гановской улице. Она держит меня за руку, в другой – сумка с авоськами. Когда я с бабушкой, я ничего не боялся. Одним своим гордым видом она вселяла в меня уверенность. Она знала в этом городе всё, и если надо, могла постоять и за меня и за себя. Она была моей защитницей и всегда могла заступиться за меня. Да и побаловать тоже не забывала. Знаю, сейчас на углу остановится и купит мне леденец на палочке. Леденцы все разные, но только одного красного цвета: петушки, звезды, паровозики. Больше всего я любил петушки. Они были такие сладкие, что таяли во рту. Как я и предвидел, бабушка останавливается и покупает два красных петушка. Один – мне, другой – Ноне.

– Ты сам подари Ноне, – шепчет мне на ухо. – Она сейчас дома одна и делает уроки. Это будет для неё приятным сюрпризом. Когда же вы перестанете ссориться? Живете-то в одной семье. Взрослых расстраиваете. Нехорошо это.

Я молча киваю, соглашаясь. Пока бабушка что-то покупает в гастрономе, я стою в углу и терпеливо поджидаю её. Стою всё время на том же самом месте и глазами слеую за ней. Никуда не отхожу. Я так боюсь её потерять. Наконец, она заканчивает покупки, она рядом. Волнения покидают меня. Мы возвращаемся назад домой.

Наш дом у самой скалы, каймой проходящей через весь старый район Сололак, ветшал с каждым

Наш дом

годом и приходил в упадок. Виной тому было время и огромная насыпь щебня и камня, оставленная сумасбродным незавершенным строительством

железной дороги ещё до войны. Гора насыпи возвышалась прямо перед балконом, и наши крохотные цветочные грядки находились всегда в опасности. С этой бедой мы с бабушкой постоянно боролись. Я помогал ухаживать за грядками, выдергивал сорняки, собирал осыпавшиеся камни и грунт и относил весь мусор наверх к скале. Мы всегда делали всё вместе, и я привык выполнять всю мужскую работу, на которую был способен, и которая была по силам. Именно бабушка приучила меня к труду с самого раннего возраста. Я не отказывался ни от какой работы, лишь бы помочь семье и оказать посильную помощь бабушке: задраивал местами прогнившую крышу, подставлял банки и ведра на чердаке во время ливня, таскал дрова на зиму, делал всё, о чём меня просили.

А когда немного подрос, меня часто можно было видеть после школы возле ограды силиковского сада. Я поджидал бабушку с рынка. Не отрываясь, я внимательно вглядывался вдаль Гановской улицы, пока не появлялась знакомая, чуть сгорбленная фигура с сумками в руках. Тогда я мчался к ней навстречу чтобы помочь. Она всегда радовалась, завидя меня, передавала тяжелые сумки, сначала одну, а затем, после долгих уговоров, и другую. Она гордилась мною, своим помощником и улыбалась, когда соседи по пути хвалили меня.

Я знал, что вечером она непременно расскажет моей маме, как я донес тяжести с базара, и какой я незаменимый помощник. И тогда глаза мамы будут сиять от счастья и это будет для меня самая драгоценная награда.

Я любил свою бабушку, звал её нежно беби. Так почему-то привык с детства. Но мне ничего не было известно о её прежней жизни и сколько горя она перенесла, сколько чего выстрадала и какая была решительная в молодости. Мне и в голову не приходило расспрашивать бабушку о её

детстве, её учебе, родителях и родительском доме. Меня тогда мало это интересовало. Молодая поросль живет настоящим, и рассказы о прошлой жизни не больно-то её увлекают.

Но всё же постепенно, зрелым юношей я многое узнал. Всё это накапливалось в моей голове с каждым прожитым годом в этой семье: тут и рассказы взрослых, семейные предания и легенды, поездки в родной город бабушки Нуху, встречи с её родными сестрами и братом, а иной раз и дальними родственниками.

Знал я, конечно, историю семьи очень поверхностно, понаслышке, не очень углубляясь в детали. Не особенно распространялись люди о своем происхождении в Советское время и, безусловно, мало что рассказывали детям.

Бабушка родилась в Нухе в семье армянского мелика (князя) Иосифа Мелик-Алахвердова. Её мать – Софья Мелик-Алахвердова была баснословно богата, владела до революции землей, лугами, лесом и даже собственной мельницей в Нухе. Детей в семье было шестеро: Артемий, Александра, Елизавета (моя бабушка), Григорий, Сирануш и Мария. Всех их я хорошо знал, кроме Артемия, но о встречах с ними расскажу позже. Все они принадлежали к знатному княжескому армянскому роду, и чувство знатного происхождения их объединяло. Отсюда в облике каждого из них было много достоинства и гордости. И ещё бабушка очень часто повторяла: «Мы – карабахские мелики, карабахские князья, не нухинские». Видимо, это было очень важно, и ей хотелось, чтобы я не забывал об этом.

Начиная с 1958 года я уже учился в институте в Москве. Приезжал в родной дом только на каникулы. Какое это было счастье снова увидеть маму, бабушку, Лену, Нюсю и всех остальных! Они с нетерпением ждали каждого

моего возвращения хоть ненадолго, хоть на несколько дней. К тому же я был единственным мужчиной в этой семье и всегда была нужда в мужской руке: что-то починить, подремонтировать, переделать в доме, таком любимом, но стареющим с каждым годом.

Рядом с флигелем теперь стоял маленький сарайчик-пристройочка, построенная и приобретенная семьей, когда возвели опорную стену и отгородили частично насыпь. Перед балконом росли кусты необыкновенных роз, самых разных сортов и оттенков, и их благоухание разносилось по всему дворику и дому. Старый наш дом утопал в зелени, а непокорная вьющаяся роза заслоняла давно некрашенный обшарпанный балкон и десятками небольших своих цветов, как звездочками, украшала его.

Крыша сарайчика за год моего отсутствия приходила в полную негодность. Она покрывалась толем, и один брошенный камень, пусть даже небольшой, дырявил её. К моему очередному приезду крыша превращалась в настоящее решето. Во время дождя или ливня потоки воды проникали внутрь сарайчика, и все находящиеся там вещи, инструменты и дрова попросту гнили и ржавели.

В первые две недели, как правило, мне было не до сарайчика. Я наслаждался пребыванием дома и общением с родными, перебирал старые книги и тетради или же просто бездельничал. В молодые годы мы заняты своими увлечениями и проблемами, своим пребыванием в этом мире. Родные прекрасно понимали моё состояние и не докучали меня просьбами. И только спустя довольно продолжительное время они осторожно начинали задавать мне один и тот же вопрос. Сначала мама, затем бабушка и Лена спрашивали робко: «Миша, когда крышу делать будешь?»

Я отлынивал, оттягивал время, но, в конце концов, сдавался и объявлял во всеуслышание: «На следующей неделе будем ремонтировать крышу сарая». Как же все тогда радовались этому! Наконец-то у них будет новая крыша и они избавятся от сырости и воды в пристройке.

Вместе с Леной мы шли на Пушкинскую улицу и закупали два огромных рулона толя и необходимое количество гвоздей. Приготовив инструменты, я взбирался на сарай и начинал перекладку толя. Работа не тяжелая, требует только осмотрительности и ловкости. Прогнившие доски и балки могли не выдержать, и приходилось передвигаться предельно внимательно, цепляясь за что угодно, лишь бы не загреметь вниз.

В этой работе мне всегда помогал мой маленький двоюродный брат Павлик, сын Нюси. Он занимал ответственную позицию внизу, выбирал подходящие доски и подавал мне наверх. Его участие во многом облегчало работу. Было бы слишком утомительно спускаться непрерывно за каждой рейкой.

А когда мы заканчивали ремонт, все родные радовались. Я ходил по дому гоголем и

*Анна(Нюся) Васильевна
Осипян (Торадзе)*

Павлик Торадзе

чувствовал себя важной персоной, так как все старались мне чем-либо угодить, все без исключения считали своим долгом посмотреть на мою работу. Все осматривали новую крышу, охали и ахали и искренне восторгались. Как же мало надо было, чтобы сделать их счастливыми!

Конечно, моя семья не была знаменитой в городе, но все мои родные принадлежали, на мой взгляд, к рафинированной тифлисской интеллигенции. Уровень их начитанности и знаний был велик, интересы обширные, охватывающие всю палитру человеческой культуры. Но главное было в другом – в их воспитании и порядочности. Это были на редкость деликатные, терпимые и доброжелательные люди. Их духовное богатство и

высокая нравственность привлекали многих самых разных людей. Они прожили жизнь достойно, никогда не уронив чести и достоинства. Я часто открываю альбом старых фотографий и всматриваюсь в их лица: бабушка – Елизавета Иосифовна, Лена, моя мама и Нюся. Благородная семья Осиповых. Какой же счастливый жребий позволил мне пройти часть жизненного пути вместе с ними. Как мне пофартило!

В последние годы я часто навещаю свою двоюродную сестру Нону Сулаберидзе в Тбилиси. От той скромной семьи Осиповых никого не осталось. Мы – их дети, уже совсем другие, никому даже фамилия не досталась. Обидно! Всё в прошлом, но мы порой с трепетом и благоговением перебираем в памяти всё что сохранилось. Нона любит вспоминать, часто увлекается и делится со мной. Знает, что я её понимаю.

– Наша
бабушка была
решительной и
смелой женщиной.
Ни перед кем и ни
перед чем не
чувствовала страха.
Наш флигель на
Бебутовской (ул.

Энгельса)

Семья Осиповых, Тбилиси, 1965 г.

практически не

запирался на ночь. Толкни любую дверь посильней, а их, ты ведь знаешь, три, и она откроется. Как-то ночью ещё до войны постучали в крайнее окно,

в комнату, где спала Нюся. Стук был тревожный. Женский голос умолял Нюсю открыть дверь. Все перепугались и замерли. Ещё бы, в доме находились одни женщины. Бабушка встала и вышла на балкон. Незнакомцы, а их было, кажется, двое: женщина и мужчина не обратили никакого внимания на появление пожилой женщины: «Мы не к вам, мы к Нюсе. Вас это не касается». Каково же было их удивление, когда бабушка двинулась им навстречу со словами: «Я вам покажу, как это меня не касается!» В её крике было столько негодования и ярости, что грабители пустились наутек. Были слышны только топот мужских ботинок и стук женских каблуков. Как разъяренная тигрица, она всегда защищала свою семью и свой дом.

– Меня бабушка очень любила и всегда ласково гладила по голове, отправляя в школу, – продолжает Нона, – на завтрак давала кусок хлеба и кисточку винограда. Я так отчетливо всё помню.

– А мне, – перебиваю я Нону, – бабушка заворачивала на завтрак кусок хлеба и яблоко. Но я никогда не съедал его и приносил обратно. Не мог кушать в школе, стеснялся. Вокруг были дети, мои школьные товарищи, которым нечего было есть. Время было непростое после войны.

Мы продолжаем обмениваться своими детскими воспоминаниями. Говорят, это удел старости, всё, что нам остается, но я думаю иначе. Это очень сладостно и приятно. И потом, пока мы вспоминаем наших родных, кажется, будто они по-прежнему с нами. Ещё живут на этой земле.

– Одна моя школьная подруга долго не возвращала мою тетрадку, – вновь звучит голос сестры, – и я сильно беспокоилась. Бабушка вмешалась и пошла к этой школьнице домой. А это было довольно далеко. Та жила наверху на подъеме Коджорской улицы. Бабушка тогда уже была немолодая, за 60 лет, а сколько в ней было энергии и решимости! Пошла и забрала тетрадку. А возвращаясь, бедненькая, упала и повредила руку. Она была готова сделать всё ради своей семьи, своих детей и внуков.

К старости силы покинули её. Бабушка как-то обмякла и превратилась в добренькую, всеми уважаемую старушку. Куда девались её решительность, непокорность и строгость? Исчезли навсегда. Может, это перерождение случилось от того, что её освободили от всех забот по дому. Её дочери к тому времени вышли на пенсию и всё делали сами. Первое время бабушка ходила как потерянная, а потом смирилась. Сил не оставалось, и она это понимала. Правда, она по-прежнему встречала гостей на правах главы семьи и своей светлой улыбкой покоряла наших друзей и знакомых.

Портрет Беби

Совсем недавно наша ближайшая соседка по силиковскому дому Женя Родская рассказала мне об удивительной привязанности нашей бабушки к её сыну Коле, родившемуся в начале 60-х годов. Малыш был на редкость смышленный и забавный, и бабушка проводила с ним долгие часы на балконе. Дети, как тончайший инструмент, чувствуют добро и ласку окружающих. Дружба соседского ребенка с бабушкой переросла во взаимную любовь. По воспоминаниям Жени бабушка сильно переживала каждый раз, когда он заболел. Вставала иной раз по ночам, выходила тихонько на балкон и прислушивалась, не плачет ли ребенок, не стонет ли во сне. Вот ведь как волновалась! Были и другие соседские дети, но к Коле бабушка проявляла особую симпатию. Видимо, в те годы в ней проснулось чувство особой любви к детям, которого она была лишена ранее. С нами, со

мной и Ноной, она была строга и воспитывала нас, да и времени не оставалось на излияние чувств, ведь дом держался её трудом.

Может, лишь мой брат Павлик испытал на себе частичку её любви. Он родился гораздо позже нас с Ноной, когда бабушке было под 70 лет. Да, он единственный ощутил её любовь сполна. Потому и воспринял её смерть непрерывными рыданиями, так что взрослые никак не могли его успокоить.

Глава II. Мелик-Алахвердовы

Княгиня Софья Мелик-Алахвердова

Князь Иосиф Павлович Мелик-Алахвердов

*Княгиня Софья Мелик-Алахвердова с
дочерьми Сашей и Лизой*

Лиза Мелик-Алахвердова

Старшее поколение Мелик-Алахвердовых я хорошо помню, со всеми встречался в свои ранние годы. Да и бабушка иной раз рассказывала о своих родных сестрах и брате. Все родились в Нухе в семье князя Иосифа Мелик-Алахвердова и там выросли. Супруга князя Софья происходила из богатой семьи, и по наследству к ней перешло большое состояние. Она умело управляла унаследованным богатством, несла все заботы по дому и занималась воспитанием и образованием своих детей. У княгини Софьи было двенадцать детей. Выжили шесть. В то время дети часто погибали в малолетнем возрасте. Старший сын Артемий умер ещё до революции. Его отправили получать образование в Санкт-Петербург, но через год он

возвратился сраженный туберкулезом и дома уже скончался. После этой трагедии Софья заявила, что отныне дети будут учиться только в Германии. Влажный климат столицы России, да и сам этот город она возненавидела.

Откуда вел свою родословную князь Иосиф Мелик-Алахвердов мне не было известно. Дома никто никогда об этом не говорил. Знала ли моя бабушка своего деда? Думаю, что вряд ли, но вот то, что они из Карабаха, всегда напоминала.

К моменту моего рождения их было пятеро – детей князя Иосифа Мелик-Алахвердова: Александра (тетя Саша), Елизавета (моя бабушка), Григорий (дядя Гриша), Сирануш (тетя Сирануш) и Мария (тетя Мара). Все были уже немолодые. Пережили крушение Царской власти, революцию, вихри гражданской войны и безумство первых лет Советской власти. Потом была Великая Отечественная война, принесящая столько горя, и Сталинский террор. Какое непростое время им досталось! Сколько горя пришлось им выстрадать, сколько трудностей на пути перенести! Не согнулись, не пали духом, не уронили благородства от рождения.

С тетей Сашей и тетей Сирануш судьба свела меня еще ребенком. Было это в 1947 году, если мне не изменяет память. Время было послевоенное, голодное, и Лена повезла меня с Ноной в Нуху на всё лето, чтобы мы окрепли и набрались сил перед школой.

В фамильной усадьбе хозяйничала тётя Сирануш, и я довольно быстро с ней подружился.хлопот у неё хватало, но нам, детям, она старалась уделить как можно больше внимания. Часами мы вместе с ней ковырялись в саду, перенаправляя потоки воды для орошения громадного сада. Это было забавно и увлекательно. Тётя Сирануш действовала мотыгой и попеременно направляла воду сначала в огород, затем к фруктовым деревьям, а под конец в небольшой бассейн – хранилище на случай перебоев с водой. Всё может произойти, без воды растения и деревья не выживут, погибнут.

Сад был огромный, ему просто не было конца: фруктовые деревья всех виданных и невиданных сортов, виноградные аллеи, многочисленные кусты

роз, тут же рядом с правой стороны огород и плантация табака, а вдоль ограждения необъятные кусты спелой ежевики. Конечно, сад зарастал и становился дремучим и запущенным. Сил тётки Сирануш явно не хватало, ведь кроме сада у неё ещё столько разных дел по дому. Но она сама увлекалась, показывая мне этот загадочный заповедник. Водила за руку в темный орешник в дальний левый угол, где вековые ореховые деревья полностью перекрывали небосвод, ни единого луча солнца, и было немного холодновато. Тётя была словоохотлива и без устали рассказывала мне старинные легенды о зарытых в саду сокровищах. Моё детское воображение воспринимало все эти таинственные истории настолько серьезно и глубоко, что я потом самостоятельно бродил по саду, постукивая палкой, в безнадежных попытках отыскать клад.

А утром, проснувшись, получал из добрых рук тётки Сирануш блюдце свежих сливок или стакан теплого парного молока, чего я никогда не пробовал ранее. Так и запомнилась мне тётя с улыбкой и блюдцем утреннего лакомства.

Тётя Саша, в отличие от тети Сирануш, была малоразговорчивой. Она выглядела задумчивой и немного печальной. У неё был свой дом рядом во дворе, но всё свободное время она проводила в кресле на веранде усадьбы. Иной раз прижимала меня к себе и, выбрав самую сочную грушу со стола, протягивала её мне. Она делала попытки приласкать внука своей сестры Лизы, но я как-то её побаивался. Меня немного пугала темная повязка на её левом глазу, и я старательно избегал тесного общения. Тётя Саша была самой старшей, и все обращались к ней с особым почтением. Сейчас, по прошествии многих лет, я переосмысливаю свои детские ощущения, понимаю, что она была очень добра, но замкнута. Выражение грусти сквозило во всём её облике. Очевидно, это было связано с потерей глаза. Потом уже рассказывали, что тётя Саша лишилась глаза ещё девушкой по глупости местных знахарей. Те посоветовали наложить горячую повязку на воспаленный глаз, и к утру он вытек. Тётя Саша осталась без глаза на всю

жизнь. Это не могло не повлиять на её характер, и печаль навсегда поселилась в её душе.

Тогда в Нухе она волновалась и за своего сына Артюшу, который всё числился в холостяках и никак не женился. Последнее, может быть, больше всего и беспокоило её.

В день нашего отъезда из Нухи сын тёти Сирануш Жора сделал мне подарок. Ему было шестнадцать, только закончил школу. Веселый, беззаботный и жизнерадостный, он над всеми по-доброму подшучивал и всем давал прозвища. Своего кота звал «Постраусом». Ко мне же относился как к ребенку, чуть свысока, и это меня как-то смущало. Меня сразу прозвал «Фишманом», и всех уверял, что я вылитый Фишман. Что это означало, до сих пор мне не ясно.

Жора Погосов

Так вот, о подарке Жоры. Он преподнес мне старинный альбом с марками в красном сафьяновом переплете и золотым тиснением. В нем уже было собрано много марок, видимо, ценных. Кому из Мелик-Алахвердовых он принадлежал и кто заботливо подклеивал дореволюционные марки самых разных стран, не знаю. Но альбом был изысканный. К сожалению, мне не удалось сберечь его. Затерялся он в Москве во время моей учебы в институте и бесконечных переездов с одной квартиры на другую. Жаль, конечно.

Тётю Сашу я больше никогда не встречал. Знал, что её сын Артюша женился, и она переехала к нему в Ереван, что у неё появились внуки. Жизнь сложилась. Старшая из сестер Мелик-Алахвердовых прожила последние

годы счастливо, в окружении заботливого сына, невестки и двух внуков, внуки ведь так греют сердце и душу, когда стареешь.

С тётёй Сирануш судьба свела нас ещё раз. Это случилось в 1959 году. Я учился тогда в Москве и снимал угол у одной очень милой старушки Елены Ивановны Калантаровой на Причистинке. В свои 80 лет она была на редкость энергичной, живой и общительной. Говорила так много, что порой меня это даже утомляло, но я продолжал из вежливости выслушивать часами всевозможные истории её жизни. Я знал буквально всё про неё и её предков, так как она частенько повторяла те же самые рассказы. Елена Ивановна происходила из интеллигентной армянской семьи. Отец её служил до революции мировым судьёй в Закаталах на Кавказе, а муж был юристом. Я прожил у неё два года, и всё это время она заботливо ухаживала за мной, готовила утренний завтрак и ужин, стирала моё бельё и волновалась, если я опаздывал из института. Жили мы дружно, но, право же, слушать её непрерывные воспоминания становилось иногда нетерпимым. Мы, молодые, отмахиваемся и не слушаем старых, потом с годами об этом сожалеем, а им ведь так хочется с кем-то поделиться, когда они остаются одни.

Именно в это время я получил письмо от мамы из Тбилиси. Она сообщала, что тётя Сирануш возвращается из сибирской ссылки и что её надо встретить и помочь пересесть на ереванский поезд. Мама указывала в письме и дату приезда тёти и номер поезда. Возможно, я кое-что путаю, и тётя Сирануш на самом деле возвращалась назад в Бийск, в Сибирь, из Тифлиса за своими вещами. Но это ничего не меняет. Важен факт нашей встречи с ней.

Было это зимой. Поезд прибывал рано утром, и я поспешил на вокзал встречать тётю Сирануш. Знал только номер поезда, больше ничего. Узнаю ли я её через столько лет, да и как найти её в привокзальной суете, среди приезжих и массы встречающих. Я был в затруднении и не знал, как искать. Я стоял и терпеливо ждал, пока не разойдутся спешащие с поезда люди с чемоданами и носильщики с тюками.

Когда перрон совсем опустел, я увидел вдали одинокую фигурку старушки в теплом платке на чемоданах и побежал к ней. Она обернулась. Это была тётя Сирануш. В ней было что-то такое «мелик-алахвердовское», что невозможно было её не узнать. Та же легкая горбинка на носу, горделивость и негибкость во взгляде. Такие люди никогда не погибают, даже в самых невероятных условиях. Она меня узнала с первого взгляда. Она была уверена, что я приду за ней. Мы обнялись и расцеловались. Тётя Сирануш, конечно, немного замерзла, но радостно улыбалась мне. Я повёз её к Елене Ивановне отогреться и отдохнуть. Ей предстоял ещё следующий поезд и долгий путь.

Надо сказать, что Елена Ивановна отличалась гостеприимством, но тут она превзошла себя. Приготовила обед, испекла свои знаменитые пирожки с мясом, подала кофе и была очень внимательна к тёте Сирануш. Только позже я понял, что армяне высоко чтят княжеские корни, и фамилия карабахских князей Мелик-Алахвердовых являлась уже особым знаком для уважения и торжественного приема.

Тётя Сирануш много рассказывала о своей жизни в сибирской ссылке и о местных жестоких нравах, немного с патетикой, как это она всегда делала. Вспоминала, как, уезжая на поселение в Сибирь и навсегда покидая фамильный дом, сняла золотое кольцо с большим рубином и выбросила в реку. «Этот камень приносит одни несчастья», – сказала она.

Я был рад нашей встрече, рад был приютить тётю и дать возможность ей немного передохнуть в семейной обстановке после долгой дороги. Через несколько часов я провожал её на поезд вновь. Но теперь был спокоен. В

Ереване её уже встретит сын Жора. Тётя сидела у окна в поезде, ласково глядела на меня, а я всё не уходил. В её глазах было столько теплоты и благодарности, что я был невольно растроган. Поезд тронулся и стал медленно отходить. Последний взгляд, улыбка, прощальный взмах рукой – и она исчезла.

Больше тётю Сирануш мне не довелось встретить.

Дядю Гришу я знал очень близко. Стремительно ворвавшись в наш флигель в одно прекрасное утро после войны, этот человек навсегда покорила меня. Высокий, стройный, с породистым утонченным овалом лица и умными смеющимися глазами, он очаровывал не только родных, но и всех окружающих, а меня продолжал удивлять все мои юные годы. Это был человек будто из другой эпохи. Благородство так и светило во всем его облике, а уж ума была палата. Поразительно обширные знания, утонченная манера поведения, дружелюбие и мягкость выдавали его принадлежность к знатному княжескому роду. Как чародей, он зачаровывал всех знакомых нашей семьи. Раз встретившись с ним случайно, люди ощущали удивительную многогранность его мышления, неординарность и потрясающую простоту общения.

Брат его супруги неотлучно следовал, как адъютант, за дядей Гришей, пока тот находился в Тбилиси. Он был просто влюблен в него. Я ждал каждого его приезда, как и все мои родные. Он превращал серую повседневность дней в один бесконечный праздник. Дядя Гриша всегда много рассказывал и, помню, с каким вниманием его слушали все мои родные, а бабушку невозможно было узнать: счастливая улыбка не сходила с её лица. Радость общения с братом переполняла её. Жаль, что я тогда не

многое запомнил из его рассказов. Только отдельные эпизоды врезались в память и остались со мной навсегда.

Однажды в Нухе мы посетили старое армянское кладбище, что примыкало к городу сразу за мостом через реку. Нас было много, но запомнил я только Лену и дядю Гришу. Мы остановились недалеко от дороги, и дядя Гриша показал нам могилы своей матери – княгини Софьи и отца, князя Иосифа Мелик-Алахвердова. Огромные высокие гранитные камни стояли чуть поодаль друг от друга. На них просматривались надписи на армянском языке, украшенные замысловатыми орнаментами.

Дядя Гриша был немного задумчив. Он что-то вспоминал из прошлого. Потом, обернувшись ко всем присутствующим, объяснил:

– Здесь похоронены все наши Мелик-Алахвердовы. Их много. Вот это – мамина могила, а чуть дальше – папа.

И он обвел рукой достаточно большой участок, где были разбросаны без всякого порядка и оград большие прямоугольные серые камни. Некоторые давно уж покосились, другие наполовину ушли в землю. По моему, их было много. Я был тогда мальчиком и стеснялся утомлять и тревожить дядю Гришу своими расспросами о предках. А уж он-то, верно, многое знал.

Дядя Гриша часто бывал в Тбилиси и всегда останавливался у нас, в нашем доме. Мы, случалось, беседовали, и он расспрашивал о моих занятиях и увлечениях. Его улыбка и смеющиеся глаза создавали настолько дружескую и теплую атмосферу, что стеснение уступало место откровенным признаниям.

Помню, мы рассматривали какие-то альбомы советских художников, и вдруг дядя Гриша довольно открыто и вполне серьезно высказался:

– Миша, ты, наверняка, застанешь то время, когда эта власть закончится. А то, что ей придет конец, я нисколько не сомневаюсь. И вот тогда все произведения литературы, живописи, кино, да и архитектурные ансамбли, сотворенные при этом режиме, будут уничтожены, дабы никто в будущем не мог даже предположить, что такая власть могла существовать так долго.

Он остановился и вскоре продолжил:

– Да, именно так. Всё должно быть стерто из памяти людей. В этом есть справедливость, закономерность и целесообразность.

Дядя Гриша произнес эти слова уже в период оттепели, после смерти Сталина. Он, как ученый и блестящий экономист, всё понимал и верно предвидел, а слова его, безусловно, касались помпезных и вычурных творений, прославляющих советскую эпоху.

Моя бабушка была старше брата всего на два года. Они почти были ровесниками, и может оттого, их связывала взаимная нежная любовь друг к другу. Между ними не существовало секретов, и они всегда делились и своими проблемами и радостями.

Однажды как-то шутливо бабушка пожаловалась на меня дяде Грише:

– Пристает ко мне временами, как Кяспар. Ты помнишь его, Гриша? Он потом переехал в Германию.

Дядя Гриша тут же подхватил и начал вспоминать события пятидесятилетней давности. Память у него была необыкновенная.

– Да, конечно помню. Мы все называли его Кяспаром, а ведь он приходился нам дядей. Я часто виделся с ним, когда учился в Германии. Он работал главным инженером в большой электрической компании. Человек был очень веселый и добродушный. Любил подшучивать над всеми, кто

попадался под руку. Вот и тебя в детстве доводил своими шутками, раз ты так запомнила его.

Однажды мы ехали с ним на пригородном поезде, – продолжал дядя Гриша, – в Берлине, не помню уж куда и зачем. Напротив нас присели две хорошенькие молоденькие фрейлины. Кяспар не мог, естественно, не начать приставать к ним со своими вопросами: как звать, сколько лет, откуда и почему без сопровождающей гувернантки. Ошеломленные его натиском, девушки смутились, покраснели и отвечали робко и невпопад. Они уверяли Кяспара, что им по шестнадцать лет и они достаточно взрослые, чтобы ездить самостоятельно. Кяспар делал вид, что не верит и сомневается. Кончилось тем, что он заставил-таки их встать, чтобы убедиться, достаточно ли они выросли. Немки-фрейлины послушно встали и, вытянувшись, как две свечки, на виду у всего вагона пытались доказать свой возраст. Кяспар же продолжал твердить: «Не верю, фрейлины, ей Богу, не верю». Так

Григорий Иосифович Мелик-Алахвердов

продолжалось всю поездку на утеху Кяспару и всем окружающим. Да, он был забавный, но жуткий приставала и задира. Без шутки не мог прожить ни минуты.

Григорий Иосифович Мелик-Алахвердов получил образование в Германии, окончил Лейпцигский университет в 1908 году и блестяще защитился. Его диссертационная работа «Каутский против Ленина», изданная в Германии, принесла ему известность среди ученых и экономистов. Это же самая книга через несколько лет спасла от расстрела его

мать и сестер в Нухе. Чекисты не посмели расстрелять родных ученого, написавшего книгу о Ленине.

Дядя Гриша женился очень рано на дочери нухинского старосты А.Н. Македонского Елизавете Александровне сразу после окончания университета. После революции долгое время проживал в Тифлисе, а перед войной переехал со всем своим семейством в Ереван. Первые два сына Миша и Иосиф (Бужик) родились и выросли в Тифлисе. Моя мама рассказывала, что Миша Алахвердов был очень дружен с нашей семьей в свои юношеские годы и проводил много времени в нашем доме на Бебутовской. После же переезда в Ереван окончательно всех забыл, и не было от него ни одной весточки. Так бывает. Порой занимая важные государственные посты, люди забывают близких родственников. Мои родные на него не обижались. Считали, что он перегружен работой и времени не хватает.

Миша Алахвердов и Миша Осипян в Тифлисе, 1935 г.

Другой сын дяди Гриши Бужик отличался отчаянной смелостью и в то же время был полон благородства. Он прошел всю Великую Отечественную войну и вернулся в чине полковника, увешанный орденами. Личная жизнь не сложилась, но душа у него была добрая и отзывчивая. Я встречался с ним, когда хоронили мою бабушку в 1968 году. Собственно, Бужик для того и приехал, чтобы организовать и достойно проводить последнюю Мелик-Алахвердову. У него было очень много друзей в Ереване и Тифлисе, и он пользовался определенным авторитетом. Все они помогали ему во время похорон. Вереница черных ЦК-овских машин загромодила всю нашу улицу. В

жизни своей я не видел таких пышных и торжественных похорон. Всё это было сделано руками одного человека – Бужика. Так он отдал последний долг своей тётке Лизе.

Дядя Гриша всегда очень гордился своими детьми, рассказывал об их успехах, их личной жизни. Мы обо всех всё знали по его рассказам. Двое других детей-близнецов родились в Ереване: Александр (Сашик) и Елизавета (Ачик). Сашик был профессором медицины, хирургом, а Ачик – детским врачом, позднее главным врачом детской больницы. Все дети дяди Гриши занимали высокое положение в Армении и продолжали радовать отца.

Один брат и четыре сестры Мелик-Алахвердовы были объединены взаимной трогательной любовью. Дядя Гриша живо откликался на любую просьбу сестер, переживал за них и готов был придти на помощь каждой. Вспомнить хотя бы эпизод его примирения с Сашей Бежановым – мужем Марии Иосифовны (тёти Мары), самой младшей из сестер. Саша Бежанов был ортодоксальным большевиком, нетерпимым к чужим мнениям и взглядам. В свои молодые годы он был одним из руководителей революционного подполья в Тифлисе и с приходом Советской власти в Закавказье занимал высокие посты в первом грузинском правительстве. Имел даже свой собственный вагон-люкс. Его троцкистские убеждения сыграли с ним злую шутку. В 1937 году его исключили из партии, и он чудом уцелел. К старости Бежанов сильно сдал, ослабел и почти ослеп. Больше власть в нём не нуждалась.

Из-за чего у дяди Гриши произошел разрыв отношений с Бежановым, можно только догадываться. Видимо, повлияло здесь хамство, абсурдные революционные идеи и ограниченность последнего, а может, и какой другой проступок. Дядя Гриша терпеть не мог этого человека и никогда не бывал в доме тёти Мары.

Теперь, по прошествии многих лет, тётя Мара настойчиво стала просить брата помириться с мужем. Я был очевидцем их примирения в 1956 году. Не мог дядя Гриша отказать сестре. Он пришел к ним в дом на

Каргановской улице, высокий, стройный, полный достоинства и своей правоты, и протянул руку слепому старику. Бежанов с радостью и смущением тут же подхватил её. Чувствовалось превосходство правоты дяди Гриши, который смог простить своему оппоненту его слабости и ошибки. В своем благородстве он был недостижим для бывшего революционера. Думаю, что Григорий Иосифович был последним князем Мелик-Алахвердовым. Таких людей редко встретишь в жизни, но, если повезет, они оставляют необыкновенно яркий след на многие годы.

Провожать дядю Гришу на поезд доверяли обычно мне, и я очень этим гордился. Я нес его маленький чемоданчик и всю дорогу рассуждал, от чего мне так приятно шагать рядом с этим горделивым стариком. Меня переполняло чувство благоговения и неподдельной радости от одной только мысли, что этот величавый и достойный человек – мой дядя и мы с ним одной крови.

От Дворцовой площади мы ехали на троллейбусе через весь город. Дядя с интересом разглядывал силуэты знакомых ему улиц старого Тифлиса, который он хорошо знал и, думаю, любил. Потом уже на железнодорожном вокзале мы шли к ереванскому поезду, находили вагон и купе и внутри прощались.

– Ну, спасибо тебе, Миша, – как правило, говорил дядя Гриша, – до следующей встречи. Не жди отхода поезда. Это лишнее. Уже поздно, поспеши сразу домой.

Точно так мы прощались и в последний раз, в последний его приезд. Он всё ещё верил, что навестит Тбилиси, но жизнь распорядилась иначе.

Мне остается рассказать о самой младшей сестре бабушки, тёте Маре. Каждый раз, когда я приезжаю в Тбилиси, я непременно посещаю могилу

Марии Иосифовны Бежановой. Мы делаем это вместе с моей сестрой Ноной. Одна она боится ходить на кладбище в Ваке. Говорит, что кладбище безлюдное, посещать его боязно. Вдвоем, конечно, спокойнее и не так тягостно. Мы приносим тётё Маре живые цветы, убираем её последнее пристанище и сидим рядышком, молча вспоминая эту необыкновенную женщину. Чуткая, добрая и отзывчивая на чужую беду, тётя Мара покоряла своих родных, друзей и знакомых несравненной добротой и милосердием. Она была членом нашей семьи, и все мы её очень любили. А какая она была красивая! Даже в свои 60 лет, а умерла она очень рано, тётя Мара поражала всех своей изысканной породистой красотой. Многие люди на улице обращали на неё внимание.

Моя мама после смерти тётти Мары в 1960 году привезла в Москву старенький сломанный будильник, принадлежавший тётте. Эти изящные часики напоминали, видимо, ей тётю Мару, и она очень дорожила ими. Время от времени мне удавалось их починить, и они шли, а после снова ломались. Теперь уже никто из часовщиков, самых опытных и умелых, не берется их восстановить. Не выпускаются больше детали к часам другой эпохи. Время их кончилось, ушло безвозвратно. Любимые люди, как и их вещи, медленно покидают нас. Уходят навсегда, в вечность. Остаются только очень добрые, согревающие душу воспоминания. И мы вспоминаем...

Тетя Мара с мужем, 1930 г.

К сожалению, у тёти Мары не было своих детей. Она была бы прекрасной матерью, заботливой и нежной. Всю свою материнскую любовь тётя Мара отдала детям своей сестры Лизы, а позже нам, внукам. Она жила для других, помогала всем, кто нуждался в её помощи. В страшные сталинские годы она щедро помогала всем нуждающимся, иной раз с риском для собственного благополучия.

После войны многие здания в Тбилиси строились силами немецких военнопленных. Страна тогда нуждалась, и немцев кормили плохо. Они брели частенько под конвоем по улицам, изможденные и худые, и никто из горожан не осмеливался подать им кусок хлеба. Это жестоко каралось властями, и люди боялись.

Однажды открыв балконную дверь на осторожное постукивание, тётя Мара не поверила своим глазам. Перед ней стоял немецкий военнопленный. Совсем ещё мальчик, лет шестнадцати не больше, сильно истощенный и бледный. Он что-то быстро говорил, но тётя Мара не могла его понять. Она не знала немецкого языка, но она поняла другое – юношу надо спасать, спасать от голода. Она жестом пригласила его войти и закрыла дверь. Молча, не говоря ни слова, усадила его в столовой и подала ему только что приготовленный горячий обед. Как он жадно набросился на еду! Он ел захлебываясь, запихивая в рот пищу, не пережевывая и проглатывая, будто обезумевший. Как же он был голоден! Когда он пообедал, тётя Мара знаками объяснила, чтобы он пришел завтра в то же время.

Целую неделю она кормила этого немецкого военнопленного, хотя прекрасно понимала, что если бы кто-нибудь донес куда следует, она вместе с мужем очутилась бы немедленно в подвалах НКВД. Может, кто и видел из соседей. Видел, и не донес, сохранил в тайне. У тёти Мары не могло быть врагов, её все любили и уважали.

Немецкий мальчик пришел в последний раз только чтобы попрощаться. Их, видимо, переводили на другое строительство. В его глазах блестели слезы благодарности, и он пытался поцеловать руки тёти Мары. Если он

выжил и вернулся в Германию, я уверен, он непременно всем рассказывал о той святой женщине, которую ему послал сам Бог в Тбилиси. Её любовь к людям была безгранична, её милосердие шло от самого сердца. Тётя Мара умерла очень молодой через два года после смерти мужа. Ей было всего 63 года.

Мелик-Алахвердовы – четыре сестры и один брат до сих пор поражают меня своей высокой нравственностью, жизнелюбием и бесстрашием. Откуда

Г.И. Мелик-Алахвердов

они пришли в наш мир в самое жестокое и
неспокойное время? Их жизнь началась ещё при
царе. Их детство,
молодость, да и
зрелые годы
протекали в доброе
царское время, в
обстановке
безоблачного
благополучия. После
революции и
установления

Е.И. Осипова

Советской власти, когда в одночасье обрушились
устои государства, они потеряли и свои земли и
богатство. Но вот что удивительно, потеряв всё, не озлобились на мир, не
отвернулись от людей. Вытерпели и выстояли долгий путь лихолетья, когда
одно лишь происхождение могло привести к гибели. Не только перестрадали,
но и передали своим детям и окружающим своё духовное богатство, доброту

М.И.Бежанова

и сердечность. Какая же сила была в них заложена, сколько света они несли все эти мрачные годы и согревали этим светом людей!

Да, мне повезло больше, чем другим. Я знал их, видел их и воспитывался на их примерах.

Приход Советской власти в Закавказье круто изменил жизнь многих, в том числе и последних Мелик-Алахвердовых. Моя

бабушка и тётя Мара так и прожили всю жизнь в Тбилиси, дядя Гриша перебрался в

Ереван со всем своим семейством. Тётя Саша

и тётя Сирануш оставались до поры до времени в Нухе, а позднее также переехали в Ереван.

Пока все они были живы, родственные связи поддерживались. В этом была заслуга в основном дяди Гриши. Ниточка оборвалась после его смерти в 1964 году. К слову сказать, никому из сестер не сообщили об этом, не могли им сказать, что их обожаемого брата больше нет. Практически окончательно родственники потеряли друг друга, когда ушла последняя из сестер, моя бабушка, в 1968 году. То поколение Мелик-Алахвердовых перестало существовать.

Глава III. Ереванские встречи с родственниками

Найти потомков Мелик-Алахвердовых в Ереване было моей давнишней мечтой, но я и в мыслях не предполагал, что она осуществится так быстро и легко. Выручила старая потрепанная записная книжка, в которой аккуратным почерком мамы был записан адрес дочери дяди Гриши Елизаветы (Ачик) Захарян: ул. Прошьяна, дом 7а. Туда-то мы и направились. Я говорю «мы», потому что меня всегда безотлучно сопровождала Нона.

В небольшом уютном дворике, сокрытого двухэтажным частным домом, нас встречает молодая интересная женщина. На вид не дашь больше тридцати лет. Вначале она от неожиданности ничего не может понять, кто мы такие и откуда, какие-такие родственники. Знакомство немного сумбурное и поспешное. Шаг за шагом лицо женщины озаряет приятная улыбка, и она припоминает, что слышала от матери о тбилисских

родственников, и тут же представляется. Она – Рита Захарян, внучка дяди Гриши.

– Мы пришли познакомиться, – говорю я робко, – мы вас долго не задержим. Мне очень хотелось передать вам мою книгу воспоминаний. В ней есть отрывки о Мелик-Алахвердовых и о вашем дедушке Григории Иосифовиче. Возможно, вам будет интересно её прочитать.

Рита приглашает в дом, но мы отказываемся, говорим, что времени ни минуты. Усаживаемся за столиком во дворе и соглашаемся только на чашку кофе. Пока Рита хлопочет, Нона осторожно спрашивает её насчет Жоры, сына тёти Сирануш.

– Как бы его увидеть? – допытывается Нона. – Я не видалась с ним около сорока лет. Мы были с ним очень дружны, когда он учился и работал в Тбилиси.

Потомки Мелик-Алахвердовых: Рита Захарян, Нона Сулаберидзе и М.И.Артеменко, Ереван. 2007 г.

Рита тут же звонит по мобильному телефону.

– Он скоро будет здесь, – говорит она, – не успеете допить кофе, как встретитесь. Едет сюда со своей женой. Не спешите. Боже, как всё неожиданно!

Рита всё время в движении. Надо угостить, подать кофе, и она носится в дом и обратно. Не каждый день родственники из Тбилиси. Наконец, она усаживается рядом с нами. Она с интересом просматривает книгу, рассматривает фотографии. Она явно польщена подарком. Её внимание привлекает фотография князя Иосифа Мелик-Алахвердова, и разговор

постепенно переходит к роду Мелик-Алахвердовых. Рита говорит так страстно и так авторитетно, что я невольно попадаю под влияние её убеждений и её напора, и загораюсь её идеями. Она, как и я, любит копаться в прошлом, и история предков ей небезразлична.

– Вы-то уж, наверное, знаете, – продолжает она, – они были карабахские мелики. Я предполагаю, что происходят они от великого рода Хасан-Джалалянов. Раффи в своей книге «Меликства Хамсы» прямо пишет, что у последнего Алахверди Хасан-Джалаляна был сын Овсеп. Это и есть наш с вами прадед – Иосиф.

Она приносит книгу Раффи на армянском языке, что-то выискивает, читает и показывает мне. Но я ошеломлен, не могу вымолвить ни слова. Я никак не ожидал такого древнего происхождения и принадлежности к одному из древнейших армянских княжеских родов. Понять в данный момент ничего не могу, да и книга на армянском языке.

– Знаете, здесь в Ереване, – успокаивает меня Рита, – можно купить Раффи на русском языке. Она продается на развале недалеко от центра. Так и называется «Меликства Хамсы». Обязательно купите и прочитайте. Потом мы с вами встретимся и порассуждаем, откуда мы родом.

Рите около сорока, но выглядит она совсем юной девушкой. Она хороша собой и очень миловидна. Её кипучая энергия напоминает дядю Гришу. Работает в комитете по правам человека, и ей приходится много разъезжать. Рита показывает нам альбом с фотографиями, сделанными во многих странах мира. И всюду она улыбающаяся и жизнерадостная.

– Я часто бываю в Карабахе. Там есть Гандзасарский монастырь, – рассказывает Рита, – на севере в горах. Так вот, представьте себе, в этом монастыре я обнаружила надгробие с именем Алахверди. Это кто-то из наших предков. Кстати, у нас в семье долгое время хранилась грамота Мелик-Алахвердовым, подписанная самим русским императором Павлом Петровичем. У меня нет сомнений, что мы происходим от Хасан-Джалалянов.

Я был взволнован её рассказами, а её предположения меня просто потрясли. Она действительно увлекла меня, и хотелось верить, что всё оно так и есть и что род Мелик-Алахвердовых корнями своими уходит в седую древность. Рита говорила настолько уверенно и убежденно, с таким знанием истории, что я сдался. Парировать было нечем, тем более, что я не имел никакого понятия о генеалогии Мелик-Алахвердовых. Знал только своего прадеда князя Иосифа. На этом мои знания кончались.

– Я непременно приобрету книгу Раффи и познакомлюсь с её содержимым, – обещаю я.

Рита поддерживает меня и говорит:

– Тогда вы сразу узнаете, какой древний наш род.

Беседа наша была настолько интересной и волнующей, что не хотелось её прерывать. Разговор шел бы и дальше, если бы не появление Жоры с супругой.

Жора мало изменился с той поры как мы виделись в последний раз. Стройный, подтянутый и только седина в волосах говорила о возрасте. Он улыбался нам. Он искренне был рад увидаться с нами. Меня узнал сразу, как только взглянул, а вот Нону никак не мог вспомнить. Сорок лет минуло, а это немало.

– Жора, это я – Нона, – повторяла несколько раз обескураженно моя сестра, – ты что забыл меня? Мы так рады, что тебя нашли. Сейчас мы спешим и уходим, но до отъезда встретимся и обо всём поговорим.

Мы стали собираться. Именно тогда Жора спросил меня о моей маме, жива ли она.

– Мама умерла. Прошло уже три года, как её не стало. Она держалась до последнего, но обыграть время никому не дано.

Жора молчит, что-то бормочет, и я слышу его чуть растерянный голос:

– Выходит, я последний остался из того второго поколения...

В тот же день я купил книгу известного армянского историка и прозаика Раффи «Меликства Хамсы». В переводе на русский язык заглавие означает «Княжества пяти родов». Книгу сначала просмотрел, а затем прочитал залпом. Невозможно было оторваться, насколько искусно были описаны исторические исследования событий, происходивших в Карабахских княжествах в течение XVIII века. Раффи – блестящий прозаик и серьезный историк, и он преподносит историю Карабаха так увлекательно, что нет сил остановиться, пока не дочитаешь до последней страницы. Три раза я перечитал книгу, выписывая фамилии княжеских домов, их родословные и связи, имевшие место между ними. Я настойчиво искал то, о чем мне говорила Рита, то что меня поразило до глубины души. Да, действительно, у последнего знаменитого карабахского мелика Алахверди II Хасан-Джалаляна было четверо детей: Иеремий, Мовсес, Абраам-бек и Овсеп-бек. Возможно, Овсеп-бек и является нашим прадедом князем Иосифом Мелик-Алахвердовым. Всё может быть. Но я терзался сомнениями. Вероятность такого происхождения была ничтожная. К тому же мелик Алахверди II Хасан-Джалалян скончался в 1827 году и это обстоятельство заводило в тупик. Сравнивая дату его смерти с датами рождения детей князя Иосифа, я всё более убеждался, что Хасан-Джалаляны – не наши корни. Да, при определенных натянутых расчетах и замысловатых предположениях тут могла существовать связь, но вероятность ничтожная.

В этой же книге Раффи много рассказывает о Джрабердских карабахских князьях Мелик-Алахвердянах, беспокойном и бесстрашном мелике Рустаме Мелик-Алахвердяне, мелике Ровшане Мелик-Алахвердяне, прославившимся в походах князя Цицианова и покорении кавказских ханств и их потомках.

Последний мелик Алахверди Мелик-Алахвердян оставил трёх сыновей: Мисаел-бека, Каграман-бека и Межлум-бека. О нашем прадеде князе Иосифе

Мелик-Алахвердове – ни слова. Правда, Раффи пишет, что он не посетил Нуху во время своих изысканий и странствий в 1869 году и признается, что не знает точно дальнейшую судьбу потомков Мелик-Алахвердянов, проживавших тогда в селении Даш-булах, а позднее в Нухе.

Что тут добавить? Может, это и есть наша родовая княжеская ветвь. Нужны документы, церковные записи и книги, метрические, чтобы точно определить принадлежность нашего прадеда князя Иосифа Мелик-Алахвердова к одному из этих карабахских княжеских родов.

Через пару дней мы вновь у Риты Захарян. В Ереване стоит жаркая погода, и мы устраиваемся во дворике. Рита принимает нас сердечно и всё хлопочет, хотя столик уже ломится от обильных угощений: фрукты, торт, клубника, кофе, всевозможные варенья, чай. Мне не терпится поговорить с ней, обменяться мнениями о прочитанной книге и высказать свои предположения и версии. Освободившись, Рита присоединяется к нам. Мне импонирует её искренний интерес к нашей родословной и её желание найти подтверждение, что род наш именно происходит от карабахских князей – властелинов Хачена и Гандзасарского монастыря Хасан-Джалалянов. Её трудно переубедить, настолько она верит в это.

– Я не сомневаюсь, – говорит она, – что князя Хасан-Джалаляны – наши предки. Вы ведь прочли у Раффи, что у последнего известного мелика Алахверди II Хасан-Джалаляна было четыре сына, и последнего звали Овсеп-беком. Это и есть наш прадед князь Иосиф Мелик-Алахвердов. Да и грамота, дарованная русским императором, говорит о высоком происхождении и знатности. Как жаль, что она утеряна. Она могла бы служить бесспорным доказательством. Можно было бы покопаться в архивах и найти необходимые документы. Я бы это сама сделала, но нет времени.

– Возможно, вы правы, и это действительно так, – подхватываю я с некоторым сомнением, – но нельзя ссылаться на одного Раффи, требуются иные доказательства. Необходимо поднять архивы и церковные записи, перебрать уйму материалов, а это очень кропотливый труд и не каждому по плечу.

– Да, я понимаю, это трудная задача и осуществить её не просто. Но как было бы заманчиво установить истину. Вы сможете, Миша, в вас так много энергии и целеустремленности. Только на вас и остается надежда.

Вот так совершенно неожиданно на меня взвалили генеалогическое древо Мелик-Алахвердовых. Как можно было отказаться? Да я и сам уже загорелся идеей проделать такую работу, хотя и не представлял, с какими трудностями придется столкнуться. Мне предстояло выяснить то, что происходило в Карабахе, а затем в Нухе в XIX веке, и найти неоспоримые свидетельства.

Уже совсем стемнело, когда мы заторопились домой. Теплая встреча, задушевная беседа единомышленников и столько новых неразгаданных тайн! Я уносил с собой весь список семьи дяди Гриши, включая его детей, внуков и правнуков. Жаль было, конечно, что не довелось увидаться со всеми родными дяди Гриши. Они были заняты и не смогли меня принять, но это меня мало смущало.

Одна Рита стояла их всех вместе взятых. Она старалась оказать мне всю необходимую помощь и поддержку, передала многие фотографии и документы, и личную переписку. Её участие было бесценным уже тем, что она подсказала увлекательную идею создания генеалогического древа Мелик-Алахвердовых и раскопать корни происхождения их нухинского созвездия.

Жора Погосов, сын тёти Сирануш, непременно хотел нас принять у себя дома. Он встречал меня с Ноной ещё детьми в Нухе, а позднее, когда учился и работал в Грузии, был очень близок с нашей семьей. Все его очень любили и сокрушались, что потеряли его на долгие годы после переезда в Ереван. Теперь мы ехали к нему. Нам не терпелось вновь увидеть Жору и познакомиться с его семьей. Я жаждал с ним пообщаться. Был уверен, что он многое помнил из Нухинской жизни, ведь он там родился и до шестнадцати лет жил в фамильном доме.

Скажу кратко: Жора вместе со своей женой Ноной создали крепкую любящую большую семью. Когда мы вошли, все были в сборе и торжественно встречали нас как самых дорогих гостей. Обильный

Встреча потомков Мелик-Алахвердовых в Ереване: Рита Захарян, Ирина Погосова, Георгий(Жора)Погосов, М.И.Артеменко и Нона Сулаберидзе, Ереван, 2007 г.

обед, разнообразные закуски, вино, фрукты, десерт и кофе. Было как-то неловко, что они так потратились в наше такое трудное время. Подымались тосты, вспоминали родных, встречи пятидесятилетней давности, те далекие годы в Нухе и Тифлисе. Перебивая друг друга, мы вновь и вновь переживали

наши молодые годы, и родственные чувства единения охватывали всех нас. Мы немного выпили и стали вспоминать Нуху и всех Мелик-Алахвердовых, но то, что рассказал Жора, мне не было известно.

– Бабушка Софья Мелик-Алахвердова была сказочно богата. И дом и сад и земли – всё принадлежало ей. В детстве я как-то обнаружил потайной ход в подвал. Из задней комнаты второго этажа имелся отдельный спуск в темный погреб. Спустившись вниз, я нашел там огромный сундук, набитый до отказа старыми царскими ассигнациями. Видимо, это был сейф бабушки. Она не доверяла банкам и хранила деньги при себе. Хорошо помню сторублевки с портретом Екатерины и пятьсот рублей с портретом Петра Великого. Тут же стоял мешок с серебряными монетами первых лет Советской власти. Этими деньгами мы играли в детстве. Банкноты были такие красивые и необычные.

Все внимательно слушают Жору не перебивая. Это и понятно. Давненько не приходилось слышать удивительные семейные хроники.

– А чего стоит история, которую мне рассказал Артюша, сын тёти Саши, – продолжает Жора. – Артюша был единственным внуком Софьи, который вырос в Нухе у неё на глазах, и она питала к нему особенную любовь. Как-то раз, когда Артюша был совсем маленьким, она подняла его на чердак дома и показала малышу отверстие в углу стены. В углублении было аккуратно уложено множество золотых украшений, очень много золота, а поверх них сверкала бриллиантами драгоценная диадема. «Это – для тебя, Артюша, когда вырастешь», – зашептал голос бабушки. Но Артюша позабыл об этом. Он был слишком мал тогда. Так бывает в детском возрасте. Вернувшись в Нуху после войны в 1945 году, он полез на чердак за какими-то книгами и вдруг заметил в углу развороченное отверстие в стене. И в тот момент он вспомнил о сокровищах и о бабушкиных словах. Но было поздно. Кто-то нашел и воспользовался ими раньше.

Жора был взволнован воспоминаниями. Он с нежностью посматривал на нас и продолжал рассказывать случаи из нухинской жизни.

– Помню, как однажды в Нуху приехал дядя Гриша. Мне было сказано по секрету, что он обожает виноград, и я собрал большое блюдо спелого винограда. Чего не сделаешь для дяди Гриши, в котором все души не чаяли и я в том числе? Какого же было моё удивление и замешательство, когда дядя Гриша даже не притронулся к собранным мною гроздям винограда. «Мне нравится есть виноград прямо в саду, с лозы», – произнес он мимоходом. Что было делать? Пришлось понести все кисти винограда назад и аккуратно подвешивать их веревочками на место, как рождественские украшения.

Мы смеемся, живо представляя проделки Жоры с виноградом в саду. Нам очень весело вместе, ведь нас многое объединяет: Нуха, семейный дом, заросший необъятный сад, светлые лица ушедших предков и бесчисленные легенды о зарытых сокровищах. Всё в прошлом, остались только добрые воспоминания. По-моему самое дорогое сокровище княгини Софьи Мелик-Алахвердовой были её дети, каждый из которых явился миру в виде удивительной блистающей звезды.

– Взять, к примеру, дядю Гришу. Это была замечательная личность, – рассказывает Жора, – и обаятельный человек. Его так любили сестры, что, когда он умер, им не сообщили об этом. Не могли сказать, что его больше нет. Они бы этого не перенесли. А каких прекрасных детей он воспитал! Его сына Бужика знал весь Ереван. Он был такой сердечный и отзывчивый. Помогал всем, приходил на помощь в самую трудную минуту, и всегда бескорыстно. А Ачик? Ереванцы молились на неё. Она могла ночью выехать к больному ребенку, если он нуждался в её помощи. Сейчас таких врачей мало. Ради спасения жизни малыша она простаивала всю ночь на ногах у постели больного. Она жила иногда ночами в больнице.

Мы еще долго общались. Тот вечер откровений не хотелось прерывать. Все были в приподнятом настроении, а нахлынувшие воспоминания согревали своим теплом. Беспокоило только одно. Мы потеряли столько времени и не виделись с Жорой, с таким родным и близким человеком. А время не вернешь.

За день до отъезда мы поднялись в пантеон поклониться могиле дяди Гриши – последнего князя Мелик-Алахвердова. Пантеон находится высоко на горе, на кладбище Тохмахгёл. Его трудно разыскать, и поэтому с нами поехала Инна Микаелян. День был знойный, солнце безжалостно сжигало всё вокруг и слепило глаза. Когда добрались до самого верха, солнце стояло в зените и было трудно дышать раскаленным воздухом.

Могилу найти не удаётся среди множества надгробий и захоронений, и мы обескуражены. Инна пробует поговорить с женщинами, ухаживающими за кладбищем. По-русски они не говорят и никак не могут понять, чью могилу мы ищем. Нет, они не знают, где покоится Григорий Иосифович Мелик-Алахвердов. Тогда Инна говорит им о его детях Мише и Бужике. Имя Бужика производит магическое действие, и выражение лиц служащих меняется мгновенно. Они радостно кивают и торопят следовать за ними.

– Бужика мы знаем, – повторяют они, и Инна нам переводит, – Бужика многие знают. Таких людей, как Бужик, в Ереване вряд ли найдется больше десяти. Необыкновенный был человек, щедрый, внимательный и заботливый! Он многим помогал и оставил о себе добрую память.

Шагах в двадцати от основной дороги на ровной площадке обустроены четыре могилы. Здесь покоятся с миром дядя Гриша с супругой и их старшие дети. Могилы ухожены заботливой рукой потомков. Я опускаюсь низко к могиле дяди и кладу цветы к его надгробию. Вспоминается его улыбка и добрый взгляд его умных глаз. Таким он остался в моей памяти.

Вечером я проехал всю улицу Абовяна. Мечтал найти и увидеть дом 197, где жил дядя Гриша. Но не суждено было его обнаружить. Таких номеров больше нет. Стоят многоэтажные дома и заканчиваются номером 47.

Возможно, его снесли. Прошлое постепенно уходит и не оставляет следа. Но память людская – вечная.

Глава IV. Поиски родословной

В Москве я целиком погрузился в работу. Утверждение Риты Захарян и её страстное убеждение, что наши Мелик-Алахвердовы ведут своё начало от одного из древних армянских княжеских родов Хасан-Джалалянов, несомненно, подействовало на меня. Я был настолько взволнован, что забросил все другие дела и приступил к поискам.

Прежде всего я тщательно, страницу за страницей, исследовал книгу Раффи «Меликства Хамсы» и составил родословные двух княжеских родов Карабаха: Хасан-Джалалянов и Мелик-Алахвердянов, существовавших в XVIII веке и начале XIX века. Теперь мне предстояло пересмотреть и перечитать все старые книги, относящиеся к истории Закавказья того и более позднего периода. Ежедневно я заставлял себя ездить в Москву в Государственную библиотеку, искать эти книги и делать копии с них. Какие только объемные тома не попадались мне! Тут и «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» 1838 года, «Акты кавказской археографической комиссии под редакцией А.П. Берже» 1866-1904 годов, «Кавказская война» В. Потто, 1887 года, «Сношения Петра Великого с армянским народом» К.А. Эзова 1902 года, «Генеалогические

очерки» Ю. Асадова 2000 года и многие другие, связанные с историей Карабаха или Шекинского ханства и Нухи. Два месяца упорного труда не дали никаких результатов. Я не продвинулся в своих исследованиях ни на йоту. Тупик, и никакого успеха. Меня охватывали досада и уныние. Что делать и где искать? Кто-то предложил поискать у известного и авторитетного армянского историка Лео (Аракел Бабаханян), но, к моему разочарованию, все многотомные собрания Лео были только на армянском языке и находились в Химках под Москвой. Поверьте, я бы поехал и туда, будь Лео в русском переводе. Но брать с собой ещё и переводчика не было возможности. Я был разочарован. Я, действительно, не знал что делать.

Мои друзья из «Армянского историко-родословного общества» посоветовали мне определить прежде всего отчество князя Иосифа Мелик-Алахвердова по Кавказским календарям. «Вы обязательно в них отыщете своего прадеда Иосифа, городского старосту Нухи. В Кавказских календарях упоминаются все государственные служащие Царской России, и вы без труда найдете нужные вам сведения», – успокаивали меня мои опытные коллеги.

В течение месяца все Кавказские календари, начиная с первого издания 1846 года и кончая последним 1916 года, были мною изучены. Я аккуратно заносил всех Мелик-Алахвердовых, попадавшихся мне, в мой архив. Таким образом у меня скопилось достаточная информация о Мелик-Алахвердовых, служивших в Закавказье в то время. Надо сказать, довольно пестрая компания – от делопроизводителей и стражников до младших офицеров и полковников. Но главное было сделано. В Кавказском календаре за 1875 год я нашел своего прадеда князя Иосифа-бека Мелик-Алахвердова. В том году он поступил на службу секретарем в Нухинское городское управление. Позднее стал бухгалтером, и в следующих номерах календаря упоминается как коллежский асессор Иосиф Павлович Мелик-Алахвердов. Это был мой первый успех. Отца моего прадеда князя Иосифа звали Павлом.

По тем отрывочным сведениям, которые мне удалось раздобыть, Иосиф Павлович Мелик-Алахвердов был человеком одаренным и весьма уважаемым. По словам тёти Сирануш, он был очень общительным, жизнерадостным и веселым, имел много друзей в Нухе и пользовался уважением и всеобщей любовью горожан. Иосиф Павлович хорошо разбирался в юридических вопросах и прекрасно владел навыками бухгалтерии, что позволяет предположить, что высшее образование он получил в одном из столичных городов, возможно, в Тифлисе, а может, и в Санкт-Петербурге. Начав карьеру с должности секретаря в Нухинской городской управе, он быстро продвигался на государственной службе. В 1880 году он уже титулярный советник (ТтС), бухгалтер Нухинской уездной администрации. С 1905 года Иосиф Павлович назначается нухинским городским уполномоченным, а через три года – помощником городского старосты в чине коллежского асессора (КА), что соответствовало VIII классу табеля о рангах, то есть чину капитана в армии.

По его инициативе и при непосредственном содействии в Нухе была основана городская библиотека, и Иосиф Павлович был одновременно бессменным её заведующим. Книги были его страстью, и он отдавался этому делу с полной отдачей сил и времени. Мне однажды совершенно случайно попала в руки тонкая брошюра с перечнем собрания книг нухинской библиотеки, изданная ещё до революции. Каково было моё удивление и мой восторг, когда при беглом знакомстве я обнаружил там книги Марка Твена «Принц и нищий», «Приключения Тома Сойера», Френсис Бёрнетт «Маленький лорд Фаунтлерой», Шарлотты Бронте «Джен Эйр», книги Фенимора Купера, Конан-Дойля, Жюль Верна, на которых воспитывались целые поколения! Разве всех писателей перечислишь! Эмиль Золя и Виктор Гюго, Кнут Гамсун, Тургенев, Лев Толстой, Достоевский, Пушкин, Лермонтов и многие другие любимые мною замечательные авторы.

Собрать такую коллекцию в Нухе, на задворках империи, было делом уникальным. Чувствовалось, с какой любовью мой прадед выписывал и собирал для жителей эту библиотеку. Библиотекарем был Томас Григорьевич Гюльбасаров. К чести его можно добавить, что он сохранил удивительную библиотеку и передал её потомкам после прихода большевиков, не дав никому её разграбить.

Отмечу, что даже и через пятьдесят лет нухинская городская библиотека продолжала оставаться несравненным собранием, о чём писала в 1956 году Р.В. Щербина в своей монографии «Нухинская районная библиотека».

Князь Иосиф Павлович Мелик-Алахвердов, бесспорно, являлся яркой личностью нухинского общества того времени. По имеющимся сведениям он скончался в 1912 году и был похоронен на нухинском армянском кладбище.

По Кавказским календарям удалось установить, что вместе с Иосифом Павловичем в Нухе служили Межлум Богданович Мелик-Алахвердов и Мусаел Богданович Мелик-Алахвердов. Их родословная прослеживается в книге Раффи «Меликства Хамсы». Они – внуки Мелика Ровшана Мелик-Алахвердова, сыном которого был Мелик Алахверди Мелик-Алахвердов. Имя Алахверди по-русски означает «Богом данный», то есть Богдан. Отсюда было взято отчество Богданович.

Но у моего прадеда совсем другое отчество «Павлович». Кто же был его отцом? Павел соответствует армянскому имени Погос, но и это не вело к разгадке, поскольку Мелика Погоса Мелик-Алахвердова не существовало. Где искать истину?

Единственное, что я знал точно, князь Иосиф Павлович происходил из карабахских меликов. Помню, как моя бабушка всякий раз напоминала об

этом: «Мой отец из карабахских князей». Если предположить, что он действительно являлся одним из сыновей мелика Алахверди II Хасан-Джалаляна Осепом и фамилия его была переделана родителями из опасения преследования со стороны персидских ханов, тогда возникает всё тот же вопрос: почему отчество «Павлович». Такая версия звучала малоубедительно, хотя известно, что род князей Хасан-Джалалянов, ведущий своё начало от одного из потомков праотца армян Айка чуть ли не с III века н.э., был почти полностью вырезан, и носить эту фамилию было смертельно опасно.

Дата смерти мелика Алахверди II Хасан-Джалаляна – 1828 год также никак не вписывалась в принадлежность князя Иосифа Павловича к этому роду. Если он был даже ребенком, скажем 13 лет, тогда в 1875 году ему было бы 60 лет. В 60 лет поступать на службу в Нухинское городское управление – выглядело совершенно абсурдным.

Я вновь обратился к Раффи за помощью. Мне нужна была другая версия, и чутье подсказывало, что я непременно её найду. Я обнаружил очень важное примечание, сделанное автором, будто специально для меня. Оказалось, что после трагической гибели Джрабердского мелика, владельца крепости Гюлатах, мелика Рустама Мелик-Алахвердяна, его молодая жена Вард-хатун 4 месяца спустя родила мальчика. И нарекли его Бала-беком. Год рождения наследника 1800 год. Этот малыш, а «Бала» по-армянски «маленький», мог вполне быть отцом князя Иосифа Павловича. Имя Павел на латыни также означает «малый, маленький».

Я был на верном пути, но мне нужны были церковные документы или любые другие государственные бумаги, удостоверяющие корни происхождения. Но как их найти и где? В Москве это сделать было невозможно. Я обратился за помощью к своим друзьям из «Армянского историко-родословного общества» и через них отправил запросы в Национальный архив Армении и Институт истории Академии наук Армении. Мне необходимо было их мнение для установления истины. К слову сказать,

мои опытные коллеги и эксперты по Родословному обществу оценивали мою версию без особого энтузиазма. Они утверждали, что имя «Бала» соответствует отчеству «Балаевич», а никак не «Павлович». Но меня уже трудно было переубедить, всем своим нутром я чувствовал князя Бала-бека своим прапрадедом.

Ждать ответа пришлось долго, и меня охватывало нетерпение. Бездействие удручало, и я не мог усидеть в Москве.

Я полетел в Армению. Только там имелась возможность отыскать метрическое свидетельство князя Иосифа Павловича Мелик-Алахвердова и найти ключи к разгадке его происхождения. Естественно, я позвонил в Армянский Национальный архив Соне Суреновне Мирзоян и попросил принять меня. Встретила она меня очень радушно. Да и как по-иному? Мы с ней тесно сотрудничали, воскрешая из небытия имена неизвестных героев прошлого. С Соней Суреновной сложились дружеские отношения, и я многим был ей обязан.

Встречает меня с улыбкой, но выражение лица не позволяет надеяться на успех.

– Михаил Иванович, – обращается она ко мне, – вот у меня в руках ваше письмо. К сожалению, поиски оказались безуспешными, и я не стала вам отвечать, чтобы не огорчить вас. У нас в архиве хранится одна редкая старинная книга, написанная от руки. Называется она «Список беков, чиновников и других привилегированных сословий по Елисаветпольской губернии за 1873 год». Мелик-Алахвердовых по Нухе – нет. Я всё сама тщательно просмотрела, но ничем порадовать вас не могу.

У меня упало сердце. Ком отчаяния подкатил к горлу, и я не соображал, что говорил. Прodelать такой длинный путь из Подольска в

Ереван, чтобы услышать такой убийственный приговор! Впереди маячила беспросветность. Потеряны годы работы, и всё без толку. И вдруг словно озарение, будто чей-то голос подсказал мне, что делать дальше. Я вспомнил про родовое село князей Мелик-Алахвердовых Даш-булах недалеко от Нухи. Что, если существует такая же перепись по Даш-булаху?

– Соня Суреновна, – спросил я с надеждой, – нельзя ли взглянуть на список по селу Даш-булах. Это рядом с Нухой, в Нухинском уезде. Мелик-Алахвердовы перебрались в Нуху позднее, где-то 1880 году.

– Сейчас посмотрим, – говорит моя собеседница, листая потрепанную ценную книгу, – есть Даш-булах. Вот читайте.

Перед моими глазами страница, исписанная старинным каллиграфическим почерком. Список по селу Даш-булах (Даш-булаг, Нухинского уезда). В самом верху первым под № 49 стояло имя: прапорщик Бала-бек Мелик-Алахвердов – 66 лет и его сыновья:

1. Джангир – 32 года
2. Осип – 24 года
сын его Артем – 1 год
3. Ованес – 20 лет
4. Даниель – 19 лет
5. Александр – 17 лет
6. Саркис – 13 лет

Тут же сбоку приписка – число душ женского пола – 5. Под номером два значилось имя моего прадеда – Осипа со своим первым сыном Артемием, о котором в детстве рассказывала моя бабушка. Нашел! У меня закружилась голова. Победа! Все сомнения отпали. Неоспоримое доказательство найдено!

Нухинский князь Иосиф Павлович Мелик-Алахвердов был прямым потомком знаменитого мелика Рустама Мелик-Алахвердяна, владевшего карабахским Джрабердским княжеством с крепостью Гюлахах. Он приходится мне прапрапрадедом по материнской линии.

В эту минуту я готов был расцеловать бесценную Соню Суреновну. Только благодаря её помощи мне посчастливилось найти и подлинно установить родословную всех моих родных, начиная с середины XVIII века.

К сожалению, установить происхождение жены князя Иосифа Павловича Софьи Мелик-Алахвердовой не удалось довести до конца. Осталась лишь версия, подлинность которой еще предстоит подтвердить или опровергнуть. С самого раннего детства я знал, что хозяева нашего дома на Бебутовской улице в Тифлисе – наши дальние родственники. Но каково это родство, я и понятия не имел.

В Тифлисе до революции проживали два брата: генерал Степан Артемьевич Силиков (Селеков) и полковник Ростом Артемьевич Силиков. Степан Артемьевич был женат на дочери полковника барона Дельвига Людмиле Александровне и имел пять сыновей и двух дочерей. Ростом Степанович был женат на Софье Карловне (немке по происхождению). Их дети: Артемий, Сусана и Зоя были хозяевами дома к моменту моего рождения.

Оба брата Силиковых происходили из дворян Елисаветпольской губернии, по всей вероятности Нухи. Вероисповедание – Армяно-Григорианское.

Генерал Степан Артемьевич Силиков участвовал в завоевании Кавказа Русской армией, в походах прославленных полководцев князя Чавчавадзе, генерал-лейтенанта Лазарева и генерал-адъютанта Лорис-Меликова. Он – кавалер орденов Св. Владимира IV ст., Св. Анны II и III степеней и Св. Станислава II ст. с мечами и III степени. Заслуженный боевой генерал.

Моя бабушка называла его дядей, а мой дед подписывал свои письма генералу не иначе как «Ваш зять Василий Осипянц». Генерал Степан Артемьевич Силиков стал крестным отцом их первого сына Миши.

Было от чего призадуматься, но чувствовалось близкое родство. По женской линии Силиковых – связи никакой не было, значит надо искать по мужской, тем более, что Силиковы – нухинские дворяне. После долгих раздумий я пришел к одной-единственной версии: княгиня Софья Мелик-Алахвердова была урожденной Софьей Артемьевной Силиковой и родной сестрой братьев Силиковых. Все они так любили своего отца Артемия Силикова (Селекова), что непременно называли именем отца одного из сыновей: Софья – своего первого сына, Степан Артемьевич – одного из сыновей, Ростом Артемьевич – первенца. Но это всего лишь мои догадки. Большого узнать не удалось, но есть о чём поразмыслить.

Мне остается только рассказать о предках – Карабахских меликах Мелик-Алахвердовых. Прославленный армянский прозаик и историк Раффи подарил нам уникальный документ – книгу «Меликства Хамсы» («Дома пяти княжеств»), позволяющий прочувствовать взаимоотношения карабахских меликов, начиная с XVII века и кончая началом XIX века, ощутить огромное значение этой загадочной горной части Армении Карабах и найти корни многих армянских княжеских фамилий. Раффи не навязывает свои убеждения, он достаточно тонко и деликатно рисует картины совсем недавнего прошлого на фоне красот этого удивительного и сурового высокогорного края.

Раффи пишет, что карабахские мелики (князья) имели истинно княжеское происхождение в отличие от остальных армянских меликов, считавшихся родовыми дворянами, и он объясняет своё мнение следующим

образом. Ссылаясь на древние источники, он поясняет, что Арцах – Карабах – это часть раннесредневекового Агванка, церковь – это церковь Агванка, княжества – это наследники царского дома Агванка («Агванк» – персидское название части Армении между р. Курой и р. Аракс, V век). И отсюда согласно Мовсесу Хоренаци («История Армении» кн. 2) владельцы Арцаха ведут своё начало чуть ли не от одного из потомков праотца армян Айка.

Самым влиятельным и главным княжеством Арцах-Карабаха был Хачен, которым на протяжении веков владели исключительно князья Хасан-Джалаляны. Резиденция находилась в верхней высокогорной части Карабаха в монастыре Гандзасар. Безусловно, не все мелики пользовались таким авторитетом как Хасан-Джалаляны, но все их княжеские дома имели древнее происхождение.

Раффи с любовью и трепетом описывает этот сказочный край Арцах-Карабах. Карабах по-турецки означает «черный сад». Это, на самом деле, сад, но неприступный и обособленный высокими горными ущельями, дикой природой и непроходимыми лесами. Дороги завоевателям туда нет. Каждый раз, когда вражеские полчища устремлялись на покорение этой страны, тот день становился для них черным. Возможно, отсюда и название, «черный сад». Армяне, проживавшие в Карабахе, долгое время сохраняли свою независимость и свободу. Высоко в горах они укрывались в многочисленных пещерах, жили среди скал, занимаясь разведением скота, и сберегали свою самобытность, свою культуру и свою веру. Суровая природа и аскетизм делали их бесстрашными и гордыми воинами. На врагов, нарушавших их покой, они обрушивали всю свою неистовую мощь. Крепости меликов, раскинутые по всему Карабаху, поражали врага уже одним своим видом, своим недоступным расположением. И была бы страна эта всегда свободной и никто бы не решился ею овладеть, если бы армянские мелики были объединены. Но среди пяти княжеских домов были свои обиды и вражда. Очень часто, соперничая друг с другом, они переходили на сторону вражеских армий. Так Карабах оказался под властью персидского шаха и

стал на долгие столетия одним из ханств, подвластных Персии. Персидские ханы действовали очень осторожно и коварно по разъединению меликов, поддерживая то одно, то другое княжество, переманивая кого-либо на свою сторону или поощряя борьбу одних с другими.

У каждого мелика были свои воинские подразделения и бывали времена, когда они вместе воевали против нашествия персов, но нередко вражда между ними переходила в открытое столкновение и междоусобицу.

У одного из самых знаменитых и непримиримых меликов князя Джраберда (Джраберд простирался между реками Тартар и Хачен. Сейчас Мардакертский район Карабаха) мелика Атама Мелика-Исраеляна также были свои воинские отряды. Во главе этих войск в середине XVIII века находился человек, прославившийся как своим полководческим талантом, так и безоглядной храбростью. Его звали Алахверди-юзбаши (юзбаши означает полководец). Он жил в селе Гюлатах, и было у него трое сыновей: Мисаел, Рустам и Мирза.

Время было сложное и противоречивое. Правивший в то время наместник персидского шаха Ибрагим-хан сумел разделить Карабах на две враждующие партии. Одни мелики поддерживали хана и армянского католикоса монастыря Ерек Манкунк, другие были сторонниками католикоса Гандзасарского монастыря и вели борьбу с ханом. Трудно понять, кто прав и кто виновен в этой борьбе и соперничестве между армянскими княжествами. Это дело историков разобраться и дать оценку событиям.

Вернемся к детям Алахверди-юзбаши из Гюлатаха. Старший сын Мисаел был казнен меликом Джраберда Мелик-Исраеляном за измену. Убийство родного брата послужило причиной перехода Рустама в стан Ибрагим-хана. Он был сильным и храбрым воином, и многие армяне вступили в его отряды и стали его единомышленниками. Да, он бежал из Джраберда к персидскому хану, но вскоре он вернулся вместе со своим войском и своим гаваром и стал князем Джраберда силой. Это произошло в

1787 году. Отныне в Джраберде правил новый князь – мелик Рустам Мелик-Алахвердян.

Раффи нелестно отзывается о мелике Рустаме. Его легко понять. Он патриот и всегда выступает против захватнической политики персидских ханов на стороне армянских меликов. Но с Раффи можно поспорить.

Примеров в истории много, когда бывшие соратники или сторонники бегут от деспотического правителя и с оружием в руках сражаются против него. Взять хотя бы князя Андрея Курбского и его борьбу с тираном царем Иоанном Грозным. Или же гражданскую войну в России после революции 1917 года. Многие офицеры и генералы вступали тогда в Белую армию и вели борьбу с большевистской тиранией.

Так, должно быть, поступил и Рустам Мелик-Алахвердян. В том, что его бывший правитель Мелик-Исраелян был деспотом и жестоким властелином, говорит сам факт его намерений казнить не только брата Рустама, но и вырезать всю семью. Этого Рустам не стерпел и в дальнейшем отомстил Мелик-Исраелянам.

Вместе с тем Раффи признает, что мелик Рустам Мелик-Алахвердян отличался безоглядной отвагой и отчаянной храбростью. Был благородным рыцарем и никогда не ронял своей чести. Раффи с душевным трепетом и волнением описывает гибель князя и гордится его достоинством и благородством. Мелик Рустам Мелик-Алахвердян был женат на молодой девушке красавице Вард-хатун. Ибрагим-хан вознамерился завладеть ею для своего гарема и потребовал от князя Рустама отдать ему жену как заложницу.

Раффи пишет: «Но теперь его (Рустама) честь была настолько оскорблена, что он оставил службу у Ибрагим-хана и со своей семьей перебрался в Нуху, к Селим-хану, который в это время враждовал с Ибрагим-ханом.

Селим-хан приветливо встретил мелика Рустама и выделил ему для жительства село Даш-булах. Отсюда Рустам начал совершать набеги на крепость Шуши и причинял много беспокойства Ибрагим-хану».

Обиды мелик Рустам не прощал. Ему пришлось на время покинуть своё любимое княжество Джраберд и оставить крепость Гюлатах, построенную им в родном селе, но он не прекратил борьбу с обидчиком Ибрагим-ханом. Действия мелика Рустама и его боевые операции серьезно тревожили хана, и он искал пути примирения. Это примирение произошло во время похода русских, грузинских, тюркских и армянских войск на Гандзак (г. Гянджа, Елисаветполь), где правил Джавад-хан. В группе войск находились и недавние противники – Ибрагим-хан и мелик Рустам Мелик-Алахвердян. Теперь у них был общий враг – коварный Джавад-хан.

Мелик Рустам Мелик-Алахвердян погиб в сражении с отрядом Мирх-хаджи, посланном Джавад-ханом в 1799 году. Раффи признает смелость мелика и его великодушие. Вот как он описывает его гибель:

«Но поскольку в те времена исход сражения чаще решался в поединке предводителей, чем в общем сражении, то Мирх-хаджи с быстротой молнии набросился на мелика Рустама. Последний не подпустил его к себе и выстрелом из ружья свалил его коня, который падая, подмял под себя гиганта. Мелик Рустам, обнажив меч, намеревался уже нанести смертельный удар, но Мирх-хаджи взмолился о пощаде. Мелик великодушно опустил свой меч, но в это время тюрк, валявшийся у его ног, выстрелом из револьвера смертельно ранил мелика. Подоспевший Тэр Арутюн (телохранитель князя) нашел его в агонии. Оставив раненого, он бросился на Мирх-хаджи и убил его. Но и он погиб в том же бою.

Голову мелика Рустама привезли в Гандзак и вручили Джавад-хану, однако по просьбе местных армян он передал им голову этого храброго человека, и они похоронили её у дверей своей церкви. А тело его покоится на кладбище его родной крепости Гюлатах».

В дальнейшем потомки рода Мелик-Алахвердовых, которые владели княжеством Джраберд до 1814 года, воевали на стороне русских войск и помогали освободить Закавказье от персидских ханств. Мелик Мирза-бек (брат мелика Рустама) подписал письмо 5 меликов в Санкт-Петербург

Минасу Лазареву в 1806 году с просьбой о помощи. Мелик Ровшан Мелик-Алахвердян славно служил в армии князя П.Д. Цицианова, оказал много услуг русской армии во время её походов и храбро воевал против ханских правителей. После коварного убийства князя Цицианова мелик Ровшан удалился в селение Даш-булах и прожил некоторое время в имении своего дяди Рустама.

Раффи досконально прослеживает родовые связи карабахских меликов и дает нам возможность открыть некоторые тайны самим. Он говорит, что не посетил Нуху в 1869 году и не может предоставить нам достаточные свидетельства о Мелик-Алахвердовых, проживавших во второй половине XIX века сначала в селении Даш-булах, а позднее переселившихся в Нуху. Но, будто вспомнив что-то недосказанное, он указывает в примечании ценнейшую информацию: «Спустя четыре месяца после гибели мелика Рустама Мелик-Алахвердяна его жена Вард-хатун родила наследника Балабека».

Таким образом, княжество этого рода не перешло к его брату, а досталось маленькому князю Бала-беку. Мелик-Алахвердовы не возвращались больше в Карабах, но они продолжали помнить о своей Джрабердской карабахской земле и крепости Гюлатах.

Несколько слов о затерянной семейной реликвии: дарственной грамоте, подписанной русским императором Павлом Петровичем. Она, вероятнее всего, была выдана родоначальнику княжеского рода мелику Рустаму Мелик-Алахвердянцу. Время правления императора Павла (1796-1801 годы) совпадает с активными действиями мелика Рустама в составе русских войск по освобождению Гандзака.

Род Мелик-Алахвердовых – не древний, корнями уходящий в глубину армянской истории. Это – молодой, но крепкий род, в генах которого безумство и отвага, достоинство, милосердие и честь его главы мелика Рустама Мелик-Алахвердяна.

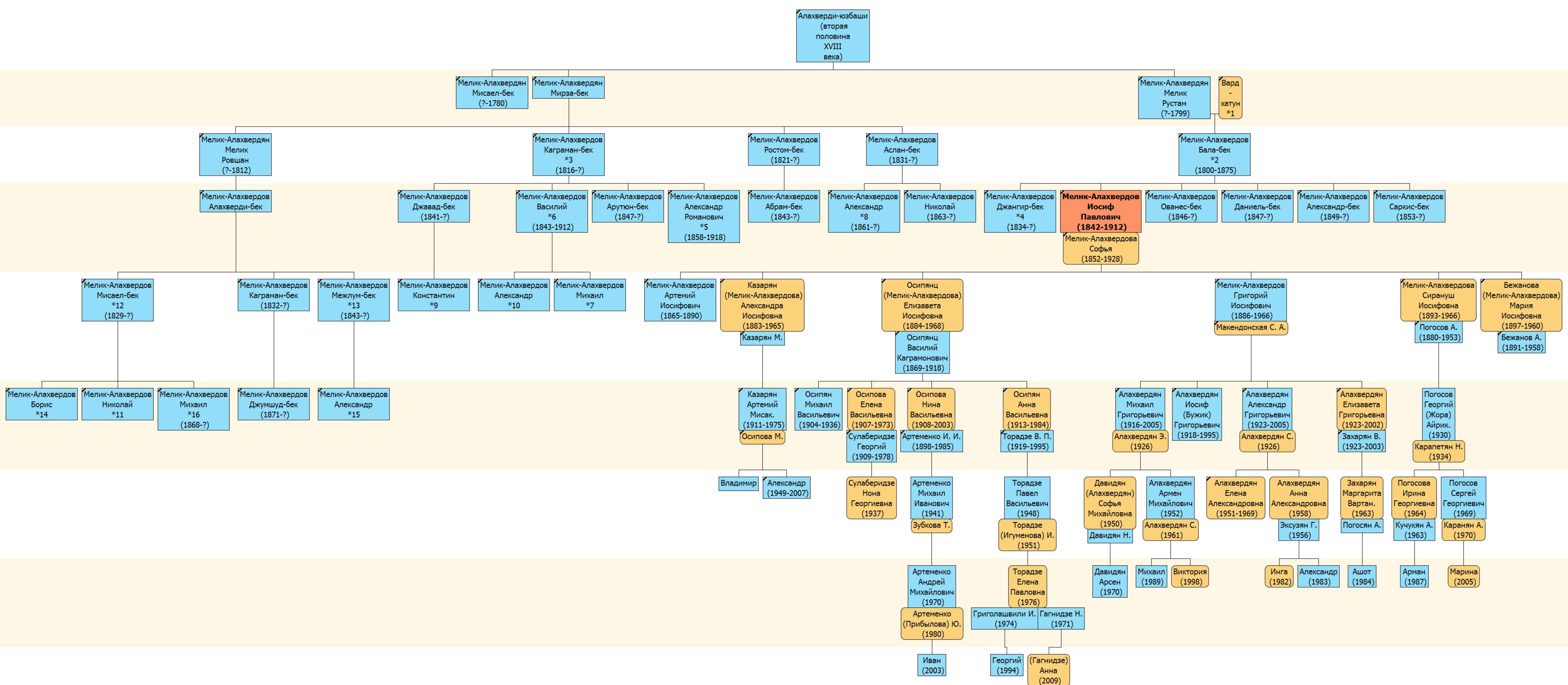
Теперь проясняется, откуда эти самые черты были у всех Мелик-Алахвердовых, которых я знал: бесстрашие и непреклонность, благородство, достоинство и честь.

Мне больше нечего добавить. Они давно покинули сей мир. Навсегда исчезло созвездие ярких звезд, ласкавших меня в детстве своим теплом. Но вот сколько лет минуло, а я до сих пор ощущаю очарование их личностей, лучезарную доброту их и любовь.

Оглавление

От автора	4
Часть первая. Гибель полковника Василия Осипянца.....	7
I. Усмань, 2007 год	8
II. Вспоминая прошлое	21
III. Усмань, 1917 год	27
IV. Князья Вяземские	37
V. Первая поездка в Армению	44
VI. Караклисское сражение	63
VII. Цветы на могилу деда	89
 Часть вторая. Княжеского рода	 106
I. Моя бабушка	107
II. Мелик-Алахвердовы	124
III. Ереванские встречи с родственниками	142
IV. Поиски родословной	154
Родословная князей Мелик-Алахвердовых с примечанием	

Родословная Джраберских князей Мелик-Алахвердовых

Примечания к родословной Мелик-Алахвердовых

*1) Вард-хатун была сестрой карабахского католикоса Исаея монастыря Ерек-Манкунк в Джраберде

*2) Бала-бек Мелик-Алахвердов служил прапорщиком в Царской армии в XIX веке

*3) Каграман-бек Мелик-Алахвердов служил прапорщиком в Царской армии

в XIX веке

*4) Джангир-бек Мелик-Алахвердов, КС, служил переводчиком в г. Закаталы (сейчас Азербайджан)

*5) Александр Караманович (Романович) Мелик-Алахвердов, полковник 17-го Нижегородского драгунского полка, проживал в Тифлисе

*6) Василий Караманович Мелик-Алахвердов служил землемером в судебной палате в г. Елисаветполь и Тифлисе 1870-1900 гг.

*7) Михаил Васильевич Мелик-Алахвердов, ротмистр полицейского управления Джеванширского уезда в 1913 г., г. Елисаветполь

*8) Александр Львович Мелик-Алахвердов служил бухгалтером в Геокчайском казначействе, г. Ленкорань

*9) Константин Джаведович Мелик-Алахвердов, поручик Карского пехотного полка в 1910 г., участник I Мировой войны, награжден орденом Св. Георгия 4 ст.

*10) Александр Васильевич Мелик-Алахвердов служил в Тифлисской судебной палате в 1910 г., г. Тифлис

-
- *11) Николай Моисеевич Мелик-Алахвердов, прапорщик, делопроизводитель 250-го Ахульгинского батальона в 1910 г., участник I Мировой войны, награжден 2-мя орденами
- *12) Мисаел-бек (Богданович) Мелик-Алахвердов, ТтС, делопроизводитель в Нухинском уездном управлении в 1880 г., г. Нуха
- *13) Межлум-бек (Богданович) Мелик-Алахвердов, КС, служил в Нухинском городском управлении в 1910 г., г. Нуха
- *14) Борис Моисеевич Мелик-Алахвердов, служил городским архитектором в Нухинском городском управлении в 1910 г., г. Нуха.
- *15) Александр Межлумович Мелик-Алахвердов, КС, делопроизводитель в Нухинском уездном управлении в 1910 г., г. Нуха
- *16) Михаил Моисеевич Мелик-Алахвердов, ТтС, служил в акцизном казначействе в 1910 г., г. Нуха

По сведениям Армянского Национального Архива почти все нухинские мелики Мелик-Алахвердовы были расстреляны Советской властью в 1921 году.